

Уровень жизни населения регионов России

№1 (207) / 2018

Издается с 1992 года
Выходит 4 раза в год
DOI: 10.24411/ISSN. 1999-9836

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (ИСЭПН РАН)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 2 декабря 1996 г. № 015476
Перерегистрирован 29 декабря 2017 г. ПИ №ФС77-72078

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Бобков — д-р экон. наук, проф., засл. деятель науки Российской Федерации, заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, главный научный сотрудник

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

И.В. Новикова — канд. экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Юдина — научный сотрудник лаборатории проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бобков В.Н. — Главный редактор журнала «Уровень жизни населения регионов России», д-р экон. наук, проф., засл. деятель науки Российской Федерации, заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, главный научный сотрудник

Бурак П.И. — д-р экон. наук, проф., директор АО «Институт региональных экономических исследований»

Волгин Н.А. — д-р экон. наук, проф., засл. деятель науки Российской Федерации, советник директора ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт труда» Минтруда России

Герций Ю.В. — канд. социол. наук, в ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт труда» минтруда России директор по развитию региональных программ, Председатель совета по профессиональным квалификациям в сфере безопасности труда, социальной защиты и занятости населения

Гонтмахер Е.Ш. — д-р экон. наук, проф., зам. директора Института мировой экономики и международных отношений РАН

Григорьев С.И. — д-р социол. наук, чл.-корр. Российской академии образования (РАО), ведущий научный сотрудник Института Художественного образования и культурологии; науч.рук-ль Алтайского межрегионального центра ИХО и К РАО

Калашников С.В. — д-р экон. наук, канд. психол. наук, проф., заслуженный экономист Российской Федерации, Первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по экономической политике

Куклин А.А. — д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики УрО РАН, заслуженный деятель науки РФ

Локосов В.В. — д-р социолог. наук, профессор, Врио директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

НООСФЕРНАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ И РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА 5

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 7

Одинцова Е.В.
Индикаторы неустойчивой занятости по найму в формальной экономике в России, количественное оценивание 7

Бобков В.Н., Долгушкин Н.К.
Пространственное неравенство качества и уровня жизни населения: Уральский и Приволжский Федеральные округа и Россия в целом (2013–2016 гг.) 15

Кадомцева С.В., Пивкина Н.Ю.
Государственные финансы и качество жизни населения регионов (на примере ДФО) 29

Зленко Е.Г.
Ограниченность прожиточного минимума трудоспособного населения как инструмента регулирования минимального уровня трудовых доходов в России и ее арктическая специфика 37

Катабай П.Х.
Проблемы функционирования локальных рынков труда в контексте новой экономической реальности 44

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 54

Григорьев С.И., Катаева В.И., Фомичева Т.В.
Инновационные практики социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) по делам семьи и детей в России 54

Юдина М.А.
Социальные перспективы проекта цифровая экономика РФ 2017–2030 60

Рыбаковский Л.Л. — д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН
Субетто А.И. — д-р филос. наук, д-р экон. наук, проф., советник ректора в Смольном институте РАО (Санкт-Петербург), заслуженный деятель науки Российской Федерации

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Риччери М. — проф., доцент, Генеральный секретарь EURISPES (Институт политических, экономических и социальных исследований в Риме)
Хепп Р-Д — д-р социол. наук, профессор Свободного университета, г. Берлин, ФРГ
Херрманн П. — д-р экономики, приглашенный научный сотрудник Института социального права и социальной политики им. Макса Планка
Хусаинов Б.Д. — д-р экон. наук, главный научный сотрудник Института экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Гулюгина А.А. — канд. экон. наук
Литвинов В.А. — д-р экон. наук, профессор кафедры «Безопасность жизнедеятельности» Московского городского педагогического университета
Мацуляк И.Д. — д-р экон. наук, проф., профессор кафедры «Экономическая теория» Государственного университета управления, засл. деятель науки Российской Федерации
Мачелян Г.Г. — канд. экон. наук, доц., редактор по международной информации журнала «Уровень жизни населения регионов России»
Мигранова Л.А. — канд. экон. наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН
Новикова И.В. — заместитель главного редактора журнала «Уровень жизни населения регионов России», канд. экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН
Одинцова Е.В. — кандидат экономических наук, ст.н.с. лаборатории проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН
Шеремет А.Н. — канд. соц. наук, зам. директора по развитию Института социально-экономических проблем народонаселения РАН
Фролова Е.Б. — канд. экон. наук, начальник Управления статистики уровня жизни и обследований домашних хозяйств Федеральной службы государственной статистики
Юдина М.А. — ответственный секретарь журнала «Уровень жизни населения регионов России», научный сотрудник лаборатории проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН
Ярашева А.В. — д-р экон. наук, профессор РАН; главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Гузанова А.К., Шнейдерман И.М.
Жилищная проблема с точки зрения семейных ценностей и предпочтений..... 66

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ..... 77

Субетто А.И.
Ноосферная парадигма стратегии восходящего воспроизводства населения России..... 77

Коломиец Б.К.
Разум в процессе интеллектуализации: современный цикл 95

Правила по комплектности рукописей и их оформлению для публикации в журнале «Уровень жизни населения регионов России» 104

При перепечатке ссылка на журнал «Уровень жизни населения регионов России» обязательна.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Все поступившие в редакцию материалы подлежат рецензированию.

Выходит ежеквартально. Подписной индекс 71187

Подписано в печать 14.05.2018.

Формат 60x84/8, тираж 700 экз. Заказ № 198.

Адрес редакции: Российская Федерация, 117218 Москва, Нахимовский проспект.32.

Телефон: +7 499 1251751

Электронный адрес: vcugjournal@mail.ru Веб-адрес: <http://vcugjournal.ru>

Оригинал-макет подготовлен и отпечатан в ООО «Издательство «Шелест»

Юридический адрес: 426060, г. Ижевск, ул. Энгельса, 164

Электронный адрес: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

Тел. 8-904-317-76-93, 8-963-548-51-43

Living Standards of the Population in the Regions of Russia

No 1 (207) / 2018

Issued since 1992
on a quarterly basis
DOI: 10.24411/ISSN. 1999-9836

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

FOUNDER

Institute of Socio-Economic Studies of Population, RAS

Registration massmedia license No 015476, December 2, 1996
Reregistered PI No. FS77-72078, December 29, 2017

EDITOR-IN-CHIEF

Bobkov, VN. — Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Head of the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socioeconomic Problems of Population, Russian Academy of Sciences, Chief Research Worker

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

Novikova, IV. — PhD in Economics, Associate Professor, Leading Research Worker at the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socioeconomic Problems of Population, Russian Academy of Sciences

EXECUTIVE SECRETARY

Yudina, MA. — Research Worker at the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socioeconomic Problems of Population, Russian Academy of Sciences

EDITORIAL COUNCIL

Bobkov, VN. — Doctor of Economics, Professor, Honoured Science of the Russian Federation, Head of the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socioeconomic Problems of Population, Russian Academy of Sciences, Chief Research Worker

Burak, PI. — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Regional Economic Research

Volgin, VN. — Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Adviser to Director General of the All-Russian Scientific Research Institute of Labour

Gertsy, YuV. — PhD in Sociology, Professor, Director for the development of regional programs, Chairman of the Council for professional qualifications in the field of labor safety, social protection and employment of the All-Russian Scientific Research Institute of Labour

Gontmakher, YeSh. — Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS

Grigor'yev, SI. — Doctor of Sociology, corresponding member of the Russian Academy of education, leading researcher at the Institute of Art education and cultural studies

Kalashnikov, SV. — Doctor of Economics, PhD in Psychology, Professor, Honored Economist of the Russian Federation, Chief researcher of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Kuklin, AA. — Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Honoured Science Worker of the Russian Federation

Lokosov, VV. — Doctor of Sociology, Professor, Acting Director of the Institute of Socioeconomic Problems of Population, Russian Academy of Sciences

CONTENTS

CHIEF EDITOR'S COLUMN..... 5

ECONOMIC RESEARCH 7

Odintsova, YeV.
Indicators of Precarious Employment in the Formal Economy in Russia, Quantitative Evaluation 7

Bobkov, VN., Dolgushkina, NK.
Spatial Inequality in the Quality of Life and Living Standards of the Population of the Ural and Volga Federal Okrugs and Russia as a Whole..... 15

Kadomtseva, SV., Pivkina, NYu.
Public Finances and the Quality of Life of the Population in Regions (Considering an Example of the Russian Far East)..... 29

Zlenko, YeG.
Limitations of the Living Working-age Population As a Tool for Regulating the Minimum Level of Labour Incomes in Russia and Its Arctic Specificity 37

Katabay, PK.
Problems of the Functioning of Local Labour Markets in the Context of the New Economic Reality 44

SOCIOLOGICAL STUDIES..... 54

Grigor'yev, SI., Katayeva, VI., Fomichyova, TV.
Innovative Practices of Socially Oriented Non-profit Organizations on Family and Children's Affairs in Russia..... 54

Yudina, MA.
Social Prospects of the Digital Economy of the Russian Federation 2017–2030 Project 60

Guzanova, AK., Schneiderman, IM.
The Housing Problem from the Point of View of Family Values and Preferences..... 66

Rybakovskiy, LL. — Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker, Institute of Sociopolitical Research, Russian Academy of Sciences
Subetto, AI. — Doctor of Philosophy, Doctor of Economics, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Vice President of the Sankt Peterburg Branch of the Academy of Quality Problems

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Ricceri, M. — Professor, docent, Secretary General of the Roman Institute for Political, Economic and Social Studies (EURISPES)
Hepp, R-D. — Doctor of Sociology, Professor, Berlin Free University, Germany
Herrmann, P. — Doctor of Economics, visiting researcher at the Max Planck Institute for Social Law and Social Policy in Munich
Khusainov, BD. — Doctor of Economics, Chief Research Worker at the Institute of Economics of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Gulyugina, AA. — PhD in Economics
Litvinov, VA. — Doctor of Economics, Professor of the Safety and Vital Activity Chair at Moscow City Pedagogical University
Matskulyak, ID. — Doctor of Economics, Professor at the Chair «Economic Theory», State University of Management, Honoured Science Worker of the Russian Federation
Machkhelyan, GG. — PhD in Economics, Associate Professor, International Information Editor of the Editorial Staff of Scientific Journals and Publishing, the All-Russia Centre of Living Standard PLC
Migranov, LA. — PhD in Economics, Chief Research Worker, Institute of Socioeconomic Problems of Population, Russian Academy of Sciences
Novikova, IV. — PhD in Economics, Associate Professor, Leading Research Worker at the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socioeconomic Problems of Population, Russian Academy of Sciences
Odintsova, YeV. — PhD in Economics, Senior Research Worker of the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socioeconomic Problems of Population, Russian Academy of Sciences
Sheremet, AN. — PhD in Sociology, Director on the Development at the Institute of Socioeconomic Problems of Population, Russian Academy of Sciences
Frolova, YeB. — PhD in Economics, Head of the Department of Living Standards Statistics and Household Survey at the Federal Service of State Statistics
Yarashcheva, AV. — Doctor of Economics, Professor RAS, Chief Research Worker, Institute of Socioeconomic Problems of Population, Russian Academy of Sciences
Yudina, MA. — Research Worker at the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute of Socioeconomic Problems of Population, Russian Academy of Sciences

CONTENTS

PHILOSOPHIC RESEARCH..... 77

Subetto, AI.
Noospheric Paradigm of the Strategy of the Rising
Reproduction of the Population of Russia 77

Kolomiyets, BK.
Mind in the Process of Intellectualization:
the Modern Cycle..... 95

*Rules of Drawing Up and Completing Manuscripts
for the Journal «Living Standards of the Population
in the Regions of Russia»..... 104*

While quoting the reference to the journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia» is required. The opinion of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the authors of publications. Issued quarterly. All materials received by the Editorial Board are subject to review
Subscription index 71187

Signed for publication 14.05.2018
Format 60x84/8, circulation 700 copies, order № 198

Editorial Board Office address:
32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218
Tel.: +7499 1251751
Email: vcugjournal@mail.ru Internet: <http://vcugjournal.ru>

Printing office: «Publishing company «Shelest»
164 Yengel's Ulitsa
Izhevsk 426060
Russian Federation
Telephone: +7 904-317-76-93; +7-963-548-51-43
Email: shelest.izd@yandex.ru, malotirzhka@mail.ru

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Тема номера 1 (207) / 2018: «Ноосферная парадигма развития и российские реалии».

В представленном читателю выпуске журнала «Уровень жизни населения регионов России» раскрывается целый ряд экономических, социологических и философских аспектов формирования уровня и качества жизни россиян, отражающих влияние как глобальных так и национальных тенденций развития.

Рубрика «Экономические исследования» представлена работами, посвященными проблемам неустойчивой занятости, функционирования локальных рынков труда, межрегионального неравенства качества и уровня жизни, его социальных стандартов и взаимосвязи с государственными финансами.

В статье «Индикаторы неустойчивой занятости по найму в формальной экономике в России, количественное оценивание» к.э.н., старшего научного сотрудника Лаборатории проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН Одинцовой Е.В. предложена система индикаторов неустойчивой занятости по найму, предполагающая ее оценивание на основе анализа форм и условий занятости, применительно к работающим по найму в формальной экономике в России. Даны количественные оценки распространенности неустойчивой занятости в России по предложенным индикаторам на основе данных Федеральной службы государственной статистики и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ, рассмотрена динамика индикаторов в период 2013-2016 гг. Проведен анализ полученных результатов, определены сферы (индикаторы), связанные с наибольшим распространением неустойчивой занятости в России.

В статье «Пространственное неравенство качества и уровня жизни населения: Уральский и Приволжский федеральные округа, и Россия в целом (2013–2016 гг.)» д.эконом.н., профессора, заслуженного деятеля науки РФ, зав. лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, г.н.с. научной школы «Управление человеческими ресурсами» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова Бобкова В.Н. и д. эконом. н., профессора, академика РАН, представляющего ФНЦ аграрной экономики и социального развития сельских территорий, Долгушкина Н.К., обоснована система индикаторов качества и уровня жизни населения и проведено их количественное оценивание в Уральском и Приволжском федеральных округах в сравнении с Российской Федерацией в целом за 2013–2016 гг. Выявлено высокое пространственное неравенство по большинству индикаторов качества и уровня жизни.

В статье «Государственные финансы и качество жизни населения регионов (на примере ДФО)» д.эконом.н., профессора, профессора кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Кадомцевой С.В. и аспиранта экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Пивкиной Н.Ю. проводится анализ уровня рождаемости и смертности, уровня внешней и внутренней миграции, денежных доходов населения, уровня бедности, уровня безработицы и инфляции. Показано, что улучшение транспортной доступности для регионов, обладающих огромной территорией и негативными миграционными процессами, стимулирует закрепление населения.

В статье «Ограниченность прожиточного минимума трудоспособного населения как инструмента регулирования минимального уровня трудовых доходов в России и ее арктическая специфика» заместителя Председателя законодательного собрания ЯНАО Зленко Е.Г. рассмотрены вопросы регулирования минимального уровня трудовых доходов в России и их арктическая специфика посредством определения прожиточного минимума трудоспособного населения.

Аспирант Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова Катабай П.Х. в статье «Проблемы функционирования локальных рынков труда в контексте новой экономической реальности» выявляет барьеры модернизации и инновационного развития социально-трудовой сферы российской экономики

и формулирует концептуальные основы государственного управления развитием экономических отношений в России в рамках новой экономической реальности, а также стратегии перевода российской экономики на инновационный путь развития и повышения инновационной активности бизнеса.

Рубрика «Социологические исследования» представлена работами, посвященными проблемам деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, социальным перспективам проекта цифровой экономики РФ и жилищным проблемам. В статье «*Инновационные практики социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) по делам семьи и детей в России*» д.социол.н., профессора, члена-корреспондента РАО, ведущего научного сотрудника ИХОиК РАО Григорьева С.И., к.социол.н., доцента Российского государственного социального университета Катаевой В.И. и к.социол.н., доцента Российского государственного социального университета Фомичевой Т.В. анализируется деятельность негосударственных некоммерческих организаций в Российской Федерации, рассматривается работа социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций с семьями и детьми. Выявляется роль некоммерческого сектора в развитии экономики страны. Анализируются программы государственной поддержки социально-ориентированных некоммерческих организаций. Выделяются субъекты Российской Федерации – лидеры по количеству некоммерческих организаций и по количеству НКО, работающих с семьями и детьми. В статье описаны направления деятельности некоммерческих организаций по работе с семьями и детьми, выявлены инновационные модели данного рода деятельности.

В статье «*Социальные перспективы проекта цифровая экономика РФ 2017–2030*» научного сотрудника лаборатории проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН Юдиной М.А. делается попытка определить текущий уровень готовности России к новой промышленной революции и, исходя из этого, объективно оценить перспективность проекта «Цифровая экономика» для решения социальных проблем.

В статье «*Жилищная проблема с точки зрения семейных ценностей и предпочтений*» старшего научного сотрудника Института социально-экономических проблем народонаселения РАН Гузановой А.К., к.э.н., заведующего лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения РАН Шнейдерман И.М. авторы показывают противоречия развития рынка жилья в России. Выявлены современные негативные тенденции массового индустриального жилищного строительства преимущественно малогабаритного жилья, не отвечающего потребностям и спросу на жилье россиян, прежде всего, семей с детьми. В этой связи показана положительная роль строительства индивидуальных домов. Выявлены серьезные проблемы с благоустройством жилищ в России, особенно в малых городах и сельской местности. Описаны положительные тенденции на селе, обусловленные строительством индивидуальных домов. Проанализированы планы и намерения российских домохозяйств по улучшению своих жилищных условий.

Рубрика «Философские исследования» представлена работами, посвященными ноосферной парадигме общественного развития. В статье «*Ноосферная парадигма стратегии восходящего воспроизводства населения России*» президента Ноосферной общественной академии наук, вице-президента Петровской академии наук и искусств, председателя Санкт-Петербургского отделения и Философского Совета Русского Космического Общества, советника ректора Смольного института РАО, профессора РГПУ им. А.И. Герцена, почетного профессора НовГУ им. Ярослава Мудрого, д.ф.н., д.эконом.н., к.т.н., профессора, Заслуженного деятеля науки РФ, Лауреата Премии Правительства РФ Субетто А.И. показывается, что Россия и человечество на рубеже XX и XXI веков вступили в Эпоху Великого Эволюционного Перелома, которая требует как пересмотра сложившихся базисных оснований современного научного мировоззрения, так и преобразования сложившихся институтов и механизмов социально-экономического развития, в том числе механизмов поддержки и прогрессивного развития репродуктивного здоровья нации. Автором обосновывается положение о том, что императив выживаемости человечества есть синтез ноосферного и социалистического императивов.

В статье «*Разум в процессе интеллектуализации: современный цикл*» к.т.н., доцента, ведущего научного сотрудника Института качества высшего образования Коломиец Б.К. рассматривается современный цикл глобальной интеллектуализации. Подчеркнуты его противоречия, способные привести к неуправляемости общественного развития. Автором выдвигается ряд идей по активизации коллективного интеллекта мирового сообщества и формированию Нравственного императива в управлении глобальными процессами интеллектуализации.

Рубрика «**Правила по комплектности рукописей и их оформлению для публикации в журнале «Уровень жизни населения регионов России»**» представлена требованиями, которые установлены в журнале при подготовке к оформлению статей.

Индикаторы неустойчивой занятости по найму в формальной экономике в России, количественное оценивание¹

Indicators of Precarious Employment in the Formal Economy in Russia, Quantitative Evaluation

Получено: 18.01.2018

Одобрено: 07.02.2018

Опубликовано: 14.05.2018

УДК 331.5

DOI 10.24411/1999-9836-2018-10001

ОДИНЦОВА ЕЛЕНА ВАЛЕРЬЕВНА

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Лаборатории проблем уровня и качества жизни Института
социально-экономических проблем народонаселения РАН
Email: odin_ev@mail.ru

ODINTSOVA, YeV.

PhD in Economics, Senior Research Worker of the Laboratory
of Problems of Living Standards and Quality of Life at the Institute
of Socioeconomic Studies of Population, Russian Academy of
Sciences
Email: odin_ev@mail.ru

Аннотация

Объект. Неустойчивая занятость по найму.

Предмет. Индикаторы для количественного оценивания распространённости неустойчивой занятости по найму в формальной экономике в России.

Цель. Оценить распространённость явлений неустойчивой занятости в сфере занятости по найму в России.

Основные положения статьи. В статье предложена система индикаторов неустойчивой занятости по найму, предполагающая оценивание на основе анализа формы и условий занятости, применительно к работающим по найму в формальной экономике в России. Даны количественные оценки распространённости неустойчивой занятости в России по предложенным индикаторам на основе данных Федеральной службы государственной статистики и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ, рассмотрена динамика индикаторов в период 2013–2016 гг. Проведен анализ полученных результатов, определены сферы (индикаторы), связанные с наибольшим распространением неустойчивой занятости в России.

Ключевые слова: неустойчивая занятость; индикаторы неустойчивой занятости; неустойчивые формы занятости; неустойчивые условия занятости; наемные работники.

Abstract

The Object of the Study. Precarious employment.

The Subject of the Study. Indicators for the quantitative estimation of the prevalence of precarious employment in the formal economy in Russia.

The Purpose of the Study. Evaluation of the prevalence of the precarious employment phenomena in the employment sphere in Russia.

The Main Provisions of the Article. The system of indicators of precarious employment involving estimation based on the analysis of the forms and conditions of employment applicable to employees in the formal economy in Russia is introduced in the article. Quantitative assessment of the prevalence of precarious employment in Russia on the proposed indicators based of data of Federal State Statistics Service and the Russia Longitudinal Monitoring survey (RLMS-HSE) are provided, the dynamics of indicators in the period 2013–2016 are considered. The analysis of the obtained results is conducted, areas (indicators) associated with the greatest prevalence of precarious employment in Russia are identified.

Keywords: precarious employment; indicators of precarious employment; precarious forms of employment; precarious employment conditions; employees.

1. Введение

Проблема неустойчивой занятости является актуальной для России. Результаты исследований, основывающихся на данных официальной статистики, других негосударственных обследований, опросов и др. источниках данных, свидетельствуют о распространённости явлений неустойчивой занятости в России [Бобков, 2017, 1; Бобков и др., 2017, 3; Вередюк, 2013, 4; Неустойчивость занятости ..., 2015, 5; Неустойчивость занятос-

ти ..., 2017, 6; и др.]. Решение имеющихся проблем в сфере занятости, связанных с ее неустойчивостью, требует опоры на мониторинг по соответствующим индикаторам. Однако в официальной российской статистике, при наличии мониторинга по блоку показателей, характеризующих рынок труда и сферу занятости, в том числе по индикаторам достойного труда [Официальный сайт ..., 12], пока не ведется специальный мониторинг сферы неустойчивой занятости.

¹ Статья публикуется при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) «Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения», № 16-18-10140.

В данной статье предложены индикаторы для оценивания распространенности неустойчивой занятости по найму в России (в формальной экономике), представлены результаты их количественного оценивания (по данным на 2016 г. и в динамике за 2013–2016 гг.).

2. Индикаторы для оценивания распространенности неустойчивой занятости среди работающих по найму

Исследователями прорабатываются различные способы измерения неустойчивой занятости – с опорой на различные показатели, индикаторы, индексы и пр. [It's More than Poverty..., 2013, 14; Puig-Barrachina V. et al., 2014, 15; и др.].

Неустойчивая занятость идентифицируется нами на основе анализа формы и условий занятости [Одинцова, 2017, 7], а оценивание ее распространенности применительно к российским условиям проводится по ряду индикаторов, которые:

- ориентированы на оценку масштабов неустойчивой занятости среди работающих по найму (в формальной экономике); поскольку основную группу занятого населения России составляют именно наемные работники¹, соответственно, наибольшее распространение явления неустойчивой занятости могут получить именно в сфере занятости по найму;

- опираются на данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата) [Официальный сайт ..., 12], в том числе отслеживаемые в рамках мониторинга по индикаторам достойного труда, а также на данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (РМЭЗ) [Российский мониторинг ..., 13].

Первый блок индикаторов позволяет идентифицировать неустойчивую занятость с точки зрения особенностей оформления трудовых отношений (см. таблицу 1). Индикаторы данного блока позволяют проводить оценивание распространенности среди работников неустойчивых *форм занятости*: без официального оформления трудовых отношений (индикатор 1), а также с официальным оформлением трудовых отношений, но на условиях договоров гражданско-правового характера или срочных трудовых договоров (индикатор 2). Занятость на таких условиях, как показали результаты специально организованного и проведенного экспертного опроса, характеризуется очень высокой и высокой вероятно-

стью неустойчивости занятости [Бобков и др., 2017, 2]. В первом блоке также представлен индикатор (3), позволяющий получить «интегрирующую» оценку по первому блоку, фиксируя в целом долю работников, занятых в неустойчивой форме.

Второй блок индикаторов связан с оценкой масштабов неустойчивой занятости, определяемой прекаризацией *условий занятости* (см. таблицу 1). Проявления неустойчивой занятости могут фиксироваться, в частности, через такие условия занятости, как: низкий уровень заработной платы, недостаточный для обеспечения достойного уровня жизни работника и его семьи; отклоняющееся от нормального рабочее время; небезопасные условия работы и др. [Одинцова, 2017, 7].

В качестве «интегрирующего» по второму блоку, связанному с оценкой условий занятости работников, предлагается индикатор (14), фиксирующий долю работников с неустойчивыми условиями занятости по 2 и более параметрам из следующего перечня² параметров [Одинцова, 2017, 7]: 1) рабочее время, отклоняющееся от нормального (фактическое количество рабочих часов в неделю на основной работе не более 75% или более 100% от нормальной продолжительности рабочего времени); 2) вынужденный неоплачиваемый отпуск по инициативе администрации; 3) отсутствие оплачиваемого отпуска; 4) неофициальная (частично или полностью) заработная плата; 5) задолженность по заработной плате; 6) уменьшение заработной платы или сокращение часов работы не по инициативе работника; 7) небезопасные условия занятости (работа на вредном/опасном производстве).

3. Количественное оценивание распространенности неустойчивой занятости в сфере занятости по найму в России на основе индикаторов

В таблице 2 представлены результаты количественного оценивания масштабов неустойчивой занятости в сфере занятости по найму, проведенного на основе данных Росстата и РМЭЗ по предложенным индикаторам (данные приведены по 2016 г.³).

² Параметр уровня заработной платы для того, чтобы исключить повторное оценивание при наличии других параметров, которые могут влиять на уровень заработной платы (рабочее время и др.), в данном случае не учитывается при определении доли работников с неустойчивыми условиями занятости по 2 и более параметрам.

³ По отдельным индикаторам данные приведены по 2017 г. – с учетом наиболее актуальных данных из опубликованных на сайте Росстата (при периодичности – 1 раз в 2 года).

¹ В 2016 г. работающие по найму в структуре занятого населения по статусу на основной работе составляли 92,5% [Официальный сайт ..., 12].

Таблица 1

**Индикаторы для оценки распространенности неустойчивой занятости
среди работающих по найму в России***

№	Индикаторы	Используемые показатели	Источник данных для проведения количественного оценивания
Блок 1 «Занятость по найму в неустойчивой форме»			
1	Доля неустойчиво занятых работников, которые работают без официального оформления трудовых отношений	Доля наемных работников, работающих на основной работе на основе устной договоренности без оформления документов	Росстат
2	Доля неустойчиво занятых работников, которые работают с официальным оформлением трудовых отношений	Доля наемных работников, работающих на основной работе по трудовому договору на определенный срок; Доля наемных работников, работающих на основной работе по договору гражданско-правового характера	Росстат
3	Доля работников, занятых в неустойчивой форме	Доля наемных работников, работающих на основной работе на основе устной договоренности без оформления документов; Доля наемных работников, работающих на основной работе по трудовому договору на определенный срок; Доля наемных работников, работающих на основной работе по договору гражданско-правового характера	Росстат
Блок 2 «Неустойчивые условия занятости по найму»			
4	Доля работников с наиболее низким уровнем заработной платы	Доля работников организаций с начисленной заработной платой менее прожиточного минимума трудоспособного населения	Росстат
5	Доля работников с низким уровнем заработной платы	Доля работников организаций с начисленной заработной платой от 1 до 3 прожиточных минимумов трудоспособного населения	Росстат
6	Доля работников с неофициальной заработной платой	Доля работников организаций с неофициальной заработной платой (частично или полностью; за последние 30 дней) на основной работе	РМЭЗ
7	Доля работников с задолженностью по заработной плате	Доля работников организаций, у которых имеется задолженность по заработной плате на основной работе	РМЭЗ
8	Доля работников, которым уменьшали заработную плату или сокращали часы работы	Доля работников организаций, которым уменьшали заработную плату или сокращали часы работы на основной работе не по их инициативе (за последние 12 месяцев)	РМЭЗ
9	Доля работников с рабочим временем, отклоняющимся от нормального	Доля работников с фактическим количеством рабочих часов в неделю на основной работе не более 75% или более 100% от нормальной продолжительности рабочего времени	Росстат
10	Доля работников, которые были в вынужденном неоплачиваемом отпуске	Доля работников организаций, которые были в вынужденном неоплачиваемом отпуске на основной работе по инициативе администрации (за последние 12 месяцев)	РМЭЗ
11	Доля работников, которые не были в оплачиваемом отпуске	Доля работников организаций, которые не были в оплачиваемом отпуске на основной работе (за последние 12 месяцев)	РМЭЗ
12	Доля работников, занятых во вредных/опасных условиях труда	Доля работников организаций, занятых во вредных и (или) опасных условиях труда	Росстат
13	Доля работников с небезопасной занятостью	Доля работников предприятий, пострадавших при несчастных случаях на производстве, в т.ч. со смертельным исходом	Росстат
14	Доля работников с неустойчивыми условиями занятости по 2 и более параметрам	Доля работников организаций, имеющих неустойчивые условия занятости по 2 и более параметрам	РМЭЗ

* Таблица составлена автором на основе работы с базами данных Росстата и РМЭЗ.

Индикаторы показывают, что в 2016 г. неустойчивыми формами занятости в России были охвачены более 8% наемных работников: на основной работе 3,8% работников были заняты неофициально (без оформления трудовых отношений), а у 4,6% трудовые отношения были официально оформлены, но они были заняты не на условиях бессрочного трудового договора, а по договору гражданско-правового характера или по трудовому договору на определенный срок.

Оценка на основе индикаторов низкооплачиваемой занятости (доли работников с наиболее низким и низким уровнем заработной платы) показывает, что неустойчивая занятость является достаточно распространенной – среди работников организаций около 60% являются низкооплачиваемыми. Так, у 7,3% работников заработная плата была на наиболее низком уровне (менее прожиточного минимума трудоспособного населения) (эта группа работников организаций относится к категории работающих бедных), а у более половины (51,3%) работников организаций уровень заработной платы был низким (от 1 до 3 прожиточных минимумов трудоспособного населения).

Другие индикаторы, фиксирующие прекаризацию условий занятости по параметрам оплаты труда, показывают, что у 3,1% работников организаций имелась задолженность по заработной плате, 8% работников организаций уменьшали заработную плату или сокращали часы работы не по их инициативе, а около 15% работников организаций получили заработную плату полностью или частично неофициально.

Неустойчивая занятость, измеренная по индикатору, учитывающему прекаризацию условий занятости по параметру рабочего времени, охватывает около 9% работников. Так, работники, у которых продолжительность рабочего времени отклоняется от нормальной (фактическое количество их рабочих часов в неделю на основной работе не превышало 75% от нормальной продолжительности рабочего времени или было более 100% от нормальной продолжительности рабочего времени) насчитывают 8,6%.

Достаточно распространенной является ситуация отсутствия у работников оплачиваемого отпуска: неустойчиво занятыми на основе индикатора, учитывающего данный аспект занятости, являются 29,5% работников организаций, которые за последние 12 месяцев не были в оплачиваемом отпуске. Менее распространенной является практика вынужденных неоплачиваемых отпусков. Прекаризованные условия занятости по данному параметру, как показывает соответствующий индикатор, характерны для 2,7% работников ор-

ганизаций: это работники, которые за последние 12 месяцев по инициативе администрации были в вынужденном неоплачиваемом отпуске.

Индикаторы, предполагающие оценку безопасности условий занятости, показывают, что во вредных/опасных условиях труда были заняты менее 40% работников организаций, а для менее 1% работников предприятий была характерна небезопасная занятость (с несчастными случаями на производстве, включая смертельные).

Неустойчивая занятость, определяемая прекаризацией условий занятости одновременно по нескольким параметрам, распространена среди 30,5% работников организаций: условия занятости данных работников являются неустойчивыми по 2 и более параметрам¹.

4. Распространенность неустойчивой занятости в России: оценка динамики в сфере занятости по найму на основе формы и условий занятости

Анализ данных Росстата показывает, что доля неустойчиво занятых работников, идентифицированных на основе формы занятости и включающих тех, кто работает без официального и с официальным оформлением трудовых отношений, в период 2013-2016 гг. сохранялась в пределах 8-9% (см. таблицу 3).

При этом, судя по данным официальной статистики, доля неустойчиво занятых работников, которые работают без официального оформления трудовых отношений, в рассматриваемый период несколько снизилась – с 4,1% до 3,8% (см. таблицу 3). В то же время данные РМЭЗ показывают, что в данной форме в рассматриваемый период могло быть занято большее число работников: среди занятых в организациях доля таких работников выросла с 6,5% до 7,5%.²

Доля неустойчиво занятых работников, которые работают с официальным оформлением трудовых отношений, в период 2013-2015 гг. демонстрировала рост (с 4,4% до 4,9%); 2016 г. показал снижение значений данного индикатора

¹ Условия занятости данных работников являются неустойчивыми по 2 и более из следующего перечня параметров: 1) рабочее время, отклоняющееся от нормального (фактическое количество рабочих часов в неделю на основной работе не более 75% или более 100% от нормальной продолжительности рабочего времени); 2) вынужденный неоплачиваемый отпуск по инициативе администрации; 3) отсутствие оплачиваемого отпуска; 4) неофициальная (частично или полностью) заработная плата; 5) задолженность по заработной плате; 6) уменьшение заработной платы или сокращение часов работы не по инициативе работника; 7) небезопасные условия занятости (работа на вредном/опасном производстве).

² На основе данных 22-25 волн РМЭЗ [Российский мониторинг..., 13].

Таблица 2

Индикаторы для оценки распространенности неустойчивой занятости среди работающих по найму в России: количественное оценивание (2016 г.)

№	Индикаторы	Значения индикаторов, в % [*]
Блок 1 «Занятость по найму в неустойчивой форме»		
1	Доля неустойчиво занятых работников, которые работают без официального оформления трудовых отношений (в % от численности работающих по найму на основной работе)	3,8
2	Доля неустойчиво занятых работников, которые работают с официальным оформлением трудовых отношений (в % от численности работающих по найму на основной работе)	4,6
3	Доля работников, занятых в неустойчивой форме (в % от численности работающих по найму на основной работе)	8,4
Блок 2 «Неустойчивые условия занятости по найму»		
4	Доля работников с наиболее низким уровнем заработной платы** (в % от численности работников организаций)	7,3
5	Доля работников с низким уровнем заработной платы*** (в % от численности работников организаций)	51,3
6	Доля работников с неофициальной заработной платой (в % от численности работающих по найму на основной работе в организациях, которые получили заработную плату за последние 30 дней)	14,6
7	Доля работников с задолженностью по заработной плате (в % от численности работающих по найму на основной работе в организациях)	3,1
8	Доля работников, которым уменьшали заработную плату или сокращали часы работы (в % от численности работающих по найму на основной работе в организациях)	8,0
9	Доля работников с рабочим временем, отклоняющимся от нормального (в % от численности работающих по найму на основной работе)	8,6
10	Доля работников, которые были в вынужденном неоплачиваемом отпуске (в % от численности работающих по найму на основной работе в организациях)	2,7
11	Доля работников, которые не были в оплачиваемом отпуске (в % от численности работающих по найму на основной работе в организациях)	29,5
12	Доля работников, занятых во вредных/опасных условиях труда (в % от численности работников организаций, по обследуемым видам экономической деятельности)	38,5
13	Доля работников с небезопасной занятостью (в % от средней численности работников предприятий)	0,13
14	Доля работников с неустойчивыми условиями занятости по 2 и более параметрам (в % от численности работающих по найму на основной работе в организациях)	30,5

^{*} Количественные оценки сделаны на основе данных Федеральной службы государственной статистики [Обследование..., 2016, 8; Официальный сайт ..., 12] и 25 волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ [Российский мониторинг..., 13].

^{**} Данные по 2017 г.

^{***} Данные по 2017 г.

Таблица 3

Динамика распространенности неустойчивой занятости среди работающих по найму в России в период 2013-2016 гг.: оценивание на основе формы занятости^{*}
(в % от численности работающих по найму на основной работе)

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Доля работников, занятых в неустойчивой форме	8,5	8,9	8,9	8,4
в т.ч.:				
Доля неустойчиво занятых работников, которые работают без официального оформления трудовых отношений	4,1	4,0	4,0	3,8
Доля неустойчиво занятых работников, которые работают с официальным оформлением трудовых отношений	4,4	4,9	4,9	4,6

^{*} На основе данных Федеральной службы государственной статистики [Обследование..., 2016, 8; Обследование..., 2015, 9; Обследование..., 2014, 10; Обследование..., 2013, 11].

(до 4,6%), однако он не восстановил значения, зафиксированного официальной статистикой по 2013 г. (см. таблицу 3).

Индикаторы неустойчивой занятости, идентифицируемой на основе условий занятости, как показывают данные Росстата и РМЭЗ, в рассматриваемый период характеризовались разнонаправленной динамикой (см. таблицу 4). Так, доля работников с наиболее низким и низким уровнем заработной платы выросла с 54,3% в 2013 г. до 58,6% в 2016 г. Состав данных работников сформирован, главным образом, теми, у кого заработная плата составляет от 1 до 3 прожиточных минимумов трудоспособного населения (т.е. ее уровень можно оценить как низкий). При этом если доля работников с наиболее низким уровнем заработной платы (менее прожиточного минимума трудоспособного населения) к 2016 г. (7,3%) достигла уровня ниже чем в 2013 г. (7,8%), то доля работников с низким уровнем заработной платы в 2016 г. (51,3%), напротив, превышала уровень, отмеченный в 2013 г. (46,5%).

В период 2013-2016 гг. увеличилась доля работников организаций с неофициальной заработной платой: с 10% до 14,6% (см. таблицу 4). По индикатору доли работников с задолженностью по заработной плате в 2016 г. было зафиксировано значение (3,1%) ниже уровня, отмеченного в 2013 г. (3,6%). При этом в рассматриваемый период почти в 2 раза выросла доля работников организаций, которым уменьшали заработную плату или сокращали часы работы на основной работе не по их инициативе: в 2013 г. доля таких работников составляла 4,2%, а к 2016 г. она достигла уже 8%.

Доля работающих по найму с рабочим временем, отклоняющимся от нормального, демонстрировала рост в период 2013-2015 г., достигнув к 2015 г. 9,1%, но в 2016 г. доля таких работников снизилась до 8,6%, выйдя на уровень ниже чем в 2013 г. (8,7%).

В период 2013-2015 гг. также увеличилась доля наемных работников организаций, которые были в вынужденном неоплачиваемом отпуске на ос-

Таблица 4

Динамика распространенности неустойчивой занятости среди работающих по найму в России в период 2013-2016 гг.: оценивание на основе отдельных параметров условий занятости*

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Доля работников с наиболее низким уровнем заработной платы (в % от численности работников организаций)	7,8	н.д.	10,7	7,3 ³
Доля работников с низким уровнем заработной платы (в % от численности работников организаций)	46,5	н.д.	53,2	51,3 ⁴
Доля работников с неофициальной заработной платой (в % от численности работающих по найму на основной работе в организациях, которые получили заработную плату за последние 30 дней)	10,0	10,3	13,4	14,6
Доля работников с задолженностью по заработной плате (в % от численности работающих по найму на основной работе в организациях)	3,6	3,2	3,5	3,1
Доля работников, которым уменьшали заработную плату или сокращали часы работы (в % от численности работающих по найму на основной работе в организациях)	4,2	5,2	8,6	8,0
Доля работников с рабочим временем, отклоняющимся от нормального (в % от численности работающих по найму на основной работе)	8,7	8,9	9,1	8,6
Доля работников, которые были в вынужденном неоплачиваемом отпуске (в % от численности работающих по найму на основной работе в организациях)	1,7	2,0	3,2	2,7
Доля работников, которые не были в оплачиваемом отпуске (в % от численности работающих по найму на основной работе в организациях)	31,9	30,6	30,3	29,5

* Количественные оценки сделаны на основе данных Федеральной службы государственной статистики [Обследование..., 2016, 8; Обследование..., 2015, 9; Обследование..., 2014, 10; Обследование..., 2013, 11; Официальный сайт..., 12] и 22-25 волн Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ [Российский мониторинг..., 13].

новой работе по инициативе администрации: с 1,7% до 3,2%. Однако к 2016 г. доля работников, условия занятости которых являются неустойчивыми по рассматриваемому параметру, снизилась до 2,7%, не достигнув, тем не менее, уровня, наблюдавшегося в 2013 г.

Доля наемных работников организаций, которые не были в оплачиваемом отпуске на основной работе, в рассматриваемый период снизилась с 31,9% в 2013 г. до 29,5% в 2016 г.

5. Выводы

1. Как показали проведенные количественные оценки по предложенным индикаторам, в России неустойчивая занятость в формальной экономике наибольшие масштабы демонстрирует по индикаторам, фиксирующим неустойчивые условия занятости работников. Так, неустойчивые условия занятости по 2 и более параметрам характерны для порядка 30% (2016 г.) работников, занятых по найму в организациях. При этом в целом в неустойчивой форме было занято почти в 4 раза меньшее число работников – 8,4% (2016 г.).

2. Оценивание, проведенное по индикаторам, ориентированным на анализ особенностей оформления трудовых отношений работников, выявило, что среди занятых по найму чуть более распространены неустойчивые формы занятости, связанные с официальным оформлением трудовых отношений (4,6% в 2016 г.), чем неустойчивые

формы занятости без официального оформления трудовых отношений (3,8% в 2016 г.).

3. При измерении неустойчивой занятости по отдельным параметрам условий занятости ее наибольшие масштабы проявляются по индикаторам, оценивающим условия оплаты труда, безопасность условий занятости работников, а также практику отпусков. Так, около 60% насчитывают работники организаций с заработной платой до 3 прожиточных минимумов трудоспособного населения, что говорит о большой распространенности среди работников низкооплачиваемой занятости, которая не способствует устойчивому социально-экономическому положению работников и их семей. Около 40% работников организаций работают под действием вредных/опасных производственных факторов. Порядка 30% работников организаций за последние 12 месяцев не были в оплачиваемом отпуске.

4. При рассмотрении динамики масштабов неустойчивой занятости в сфере занятости по найму на основе индикаторов, предполагающих оценивание формы занятости работников, обращает на себя внимание рост числа неофициально занятых работников (с 6,5% в 2013 г. до 7,5% в 2016 г.), а по индикаторам для оценивания условий занятости работников – соответственно, увеличение числа работников с неофициальной заработной платой (с 10% в 2013 г. до 14,6% в 2016 г.) (на основе данных РМЭЗ).

Список литературы

1. Бобков В.Н. Неустойчивая занятость в формальной экономике России – основная причина неформальной занятости // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 1. С. 7-16.
2. Бобков В.Н., Квачев В.Г., Локтюхина Н.В., Риччеры М. Критерии, вероятность и степень неустойчивости занятости с учетом особенностей российского рынка труда // Экономика региона. 2017. №3. С. 672-683.
3. Бобков В.Н., Новикова И.В., Одинцова Е.В. Профили неустойчивой занятости в России // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 4. С. 26-35.
4. Вередюк О.В. Неустойчивость занятости: теоретические основы и оценка масштабов в России // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2013. Вып. 1. С. 25-32.
5. Неустойчивость занятости (прекаризация): особенное и общее с учетом интеграционных усилий государства и общества / Главный научный редактор В.Н. Бобков. Редакционный коллектив: Артамонов Г.Н., Локтюхина Н.В., Панина Т.А., Рожков В.Д. М: Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2015.
6. Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего сферы труда / Главный научный редактор В.Н. Бобков. Редакционный коллектив: Альхи-

References

1. Bobkov V.N. Neustojchivaya zanjatost' v formal'noj jekonomike Rossii – osnovnaya prichina neformal'noj zanjatosti // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2017. № 1. S. 7-16.
2. Bobkov V.N., Kvachev V.G., Loktjuhina N.V., Richcheri M. Kriterii, veroyatnost' i stepen' neustojchivosti zanjatosti s uchetom osobennostej rossijskogo rynka truda // Jekonomika regiona. 2017. №3. S. 672-683.
3. Bobkov V.N., Novikova I.V., Odintsova Ye.V. Profili neustojchivoj zanjatosti v Rossii // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2017. № 4. S. 26-35.
4. Veredjuk O.V. Neustojchivost' zanjatosti: teoreticheskie osnovy i otsenka masshtabov v Rossii // Vestnik SPbGU. Ser. 5. 2013. Vyp. 1. S. 25-32.
5. Neustojchivost' zanjatosti (prekarizacija): osobennoe i obshhee s uchetom integracionnyh usilij gosudarstva i obshhestva / Glavnyj nauchnyj redaktor V.N. Bobkov. Redakcionnyj kolektiv: Artamonov G.N., Loktjuhina N.V., Panina T.A., Rozhkov V.D. M: Izdatel'skij Dom MAGISTR-PRESS, 2015.
6. Neustojchivost' zanjatosti: mezhdunarodnyj i rossijskij konteksty budushhego sfery truda / Glavnyj nauchnyj redaktor V.N. Bobkov. Redakcionnyj kolektiv: Al'himenko O.N., Kvachev V.G., Kolmakov I.B., Loktjuhina N.V., Meshkov V.R.,

- менко О.Н., Квачев В.Г., Колмаков И.Б., Локтюхина Н.В., Мешков В.Р., Новикова И.В., Одегов Ю.Г., Одинцова Е.В., Павлова В.В., Шичкин И.А. М.: Изд-во РеалПринт, 2017.
7. *Одинцова Е.В.* Неустойчивая занятость в формальной экономике: распространенность среди занятых по найму в России // Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего сферы труда / Главный научный редактор В.Н. Бобков. Редакционный коллектив: Альхименко О.Н., Квачев В.Г., Колмаков И.Б., Локтюхина Н.В., Мешков В.Р., Новикова И.В., Одегов Ю.Г., Одинцова Е.В., Павлова В.В., Шичкин И.А. М.: Изд-во РеалПринт, 2017. С. 215-228.
 8. Обследование рабочей силы. 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766.
 9. Обследование населения по проблемам занятости. 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_30/Main.htm.
 10. Обследование населения по проблемам занятости. 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_30/Main.htm.
 11. Обследование населения по проблемам занятости. 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_30/Main.htm.
 12. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/.
 13. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>.
 14. It's More than Poverty. Employment Precarity and Household Well-being. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://pepsouw.files.wordpress.com/2013/02/its-more-than-poverty-feb-2013.pdf>.
 15. Puig-Barrachina V. et al. Measuring Employment Precariousness in the European Working Conditions Survey: The Social Distribution in Europe // Work. 2014. Vol. 49. No. 1. p. 143-161.
 - Novikova I.V., Odegov Ju.G., Odintsova Ye.V., Pavlova V.V., Shichkin I.A. M.: Izd-vo RealPrint, 2017.
 7. *Odintsova Ye.V.* Neustojchivaja zanjatost' v formal'noj jekonomike: rasprostranennost' sredi zanyatyh po najmu v Rossii // Neustojchivost' zanjatosti: mezhdunarodnyj i rossijskij konteksty budushhego sfery truda / Glavnyj nauchnyj redaktor V.N. Bobkov. Redakcionnyj kolektiv: Al'himenko O.N., Kvachev V.G., Kolmakov I.B., Loktjulina N.V., Meshkov V.R., Novikova I.V., Odegov Ju.G., Odintsova Ye.V., Pavlova V.V., Shichkin I.A. M.: Izd-vo RealPrint, 2017. S. 215-228.
 8. Obsledovanje rabochej sily. 2016 g. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766.
 9. Obsledovanje naseleniya po problemam zanyatosti. 2015 g. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_30/Main.htm.
 10. Obsledovanje naseleniya po problemam zanyatosti. 2014 g. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_30/Main.htm.
 11. Obsledovanje naseleniya po problemam zanyatosti. 2013 g. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_30/Main.htm.
 12. Oficial'nyj sayt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/.
 13. Rossijskij monitoring jekonomicheskogo polozhenija i zdorov'ja naseleniya NIU-VShJe (RLMS-HSE), provodimyj Nacional'nyj issledovatel'skim universitetom «Vysshaya shkola jekonomiki» i ООО «Demoskop» pri uchastii Centra narodonaseleniya Universiteta Severnoj Karoliny v Chapel Hille i Instituta sociologii RAN. Sajty obsledovaniya RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> i <http://www.hse.ru/rlms>.
 14. It's More than Poverty. Employment Precarity and Household Well-being. 2013. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://pepsouw.files.wordpress.com/2013/02/its-more-than-poverty-feb-2013.pdf>.
 15. Puig-Barrachina V. et al. Measuring Employment Precariousness in the European Working Conditions Survey: The Social Distribution in Europe // Work. 2014. Vol. 49. No. 1. p. 143-161.

Пространственное неравенство качества и уровня жизни населения: Уральский и Приволжский федеральные округа и Россия в целом (2013–2016 гг.)¹

Spatial Inequality in the Quality of Life and Living Standards of the Population of the Ural and Volga Federal Okrugs and Russia as a Whole

Получено: 15.01.2018 Одобрено: 12.02.2018 Опубликовано: 14.05.2018 УДК 338.001.36 DOI 10.24411/1999-9836-2018-10002

БОБКОВ ВЯЧЕСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, главный научный сотрудник научной школы «Управление человеческими ресурсами» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Email: bobkovvn@mail.ru

BOBKOV, VN.

Doctor of Economics, Professor, Russian Academy of Sciences Institute of the Socioeconomic Problems of Population, GV Plekhanov Russian Economic University
Email: bobkovvn@mail.ru

ДОЛГУШКИН НИКОЛАЙ КУЗЬМИЧ

доктор экономических наук, профессор, академик РАН, ФНЦ аграрной экономики и социального развития сельских территорий
Email: dolgushkin@presidium.ras.ru

Dolgushkin, NK.

Doctor of Economics, Professor, Academician, Russian Academy of Sciences Federal research center of agrarian economy and social development of rural areas
Email: dolgushkin@presidium.ras.ru

Аннотация

Объектом исследования в данной публикации является население Российской Федерации, дифференцированное по качеству и уровню жизни с учетом условий жизнедеятельности в федеральных округах и субъектах Российской Федерации. Предмет исследования – пространственное неравенство качества и уровня жизни. Целью исследования является определение размеров пространственного неравенства качества и уровня жизни населения в Уральском и Приволжском Федеральных округах и их сравнение с аналогичными индикаторами в целом по Российской Федерации. В статье обоснована система индикаторов качества и уровня жизни населения и проведено их количественное оценивание в Уральском и Приволжском федеральных округах в сравнении с Российской Федерацией в целом за 2013–2016 гг. Выявлено высокое пространственное неравенство по большинству индикаторов качества и уровня жизни.

Abstract

The Object of the Study. Population of the Russian Federation differentiated by the quality of life and living standards regarding the living conditions in federal okrugs and administrative subjects.

The Subject of the Study. Spatial inequality in the quality of life and living standards.

The Purpose of the Study is judging the scales of the spatial inequality in the quality of life and living standards of population in the Ural and Volga Federal Okrugs and comparing them with those in the Russian Federation as a whole.

A system of indicators of the quality of life and living standards in the Ural and Volga Federal Okrugs has been elaborated and quantitatively evaluated and compared to those in the Russian Federation as a whole for 2013–2016. A high spatial inequality of the majority of the indicators has been revealed.

Ключевые слова: качество жизни, уровень жизни, индикаторы качества и уровня жизни, пространственное неравенство, федеральный округ, субъект Российской Федерации.

Keywords: quality of life, living standards, indicators of the quality of life and living standards, spatial inequality, a federal okrug, a subject of the Russian Federation.

1. Введение

Выступая 1 марта т.г. с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации Президент России В.В. Путин отметил, что «из-за последствий экономического кризиса бедность

вновь подросла. Сегодня с ней сталкиваются 20 млн. граждан. Конечно, это не 42 млн., как это было в 2000 г., но тоже недопустимо много». В этой связи особенно острыми проблемами, тормозящими социально-экономическое развитие

¹ Авторы благодарят Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) за поддержку публикации в рамках гранта «Российские средние классы: теоретико-методологические основы выявления, социальные стандарты идентификации, оценивание и увеличение численности, №16-02 00533».

нашей страны, по-прежнему являются высокие пространственное неравенство уровня и качества жизни и их внутри региональная дифференциация. Несмотря на то, что они активно разрабатываются рядом российских авторов [Валентей С.Д., 2014, 5, С. 9-21; Зубаревич Н.М., 2010; Малкина М.Ю., 2014, 12, С. 238 – 248; Найден С.Н., Белосова А.В., 2018, 13, С.53-68] и другими. Однако в этих и ряде других исследований не достаточно представлена целостная система индикаторов оценивания качества и уровня жизни, а, следовательно, и результаты оценивания социальной составляющей межрегионального пространственного неравенства являются неполными. Под руководством одного из авторов представленной публикации разработана система таких индикаторов и, на протяжении более 20 лет, проводится региональный мониторинг доходов и уровня жизни, по результатам которого выявляются размеры пространственного неравенства качества и уровня жизни в Российской Федерации [Бобков В.Н. и др., 2017, [1], С. 50-64; Бобков В.Н. и др., 2009, [2]; Бобков В.Н, Гулюгина А.А. 199...,[32]; Национальная экономика..., 2016, [15], С. 212-222; Национальная экономика...2018, [14], С. 591-591 (26-45); Российская..., 2016, [18], С. 410-411 (1-19); Российская..., 2014, [19], С. 316-334].

В качестве индикаторов для оценки пространственного неравенства качества и уровня жизни населения регионов России применены следующие:

- ◆ Индекс человеческого развития (ИЧР);
- ◆ Покупательная способность денежных доходов (ПС);
- ◆ Уровень абсолютной монетарной бедности населения по доходам (БД);
- ◆ Индекс Джини (ИДж);
- ◆ Децильный коэффициент фондов (КФ);
- ◆ Валовой региональный продукт, исчисленный по паритету покупательной способности (ВРП по ППС), на душу населения.

1.1. *Индекс человеческого развития (ИЧР)*¹ – это индикатор качества жизни, определяется на основе частных индексов: дохода (ВРП по ППС), образования (грамотность, охват образованием) и долголетия (ожидаемая продолжительность жизни)². В зависимости от значения ИЧР регионы могут быть классифицированы³:

- с наиболее высоким ИЧР (более 0,9);
- с высоким ИЧР (0,8–0,9);

¹ Индекс человеческого развития не отслеживается официальной российской статистикой. Данные о значении индекса и его составляющих в российских регионах и России в целом публиковались в национальных докладах ПРООН в период 1995-2013 гг.[Национальные доклады..., 1995-2013, [13].

² [Доклад..., 2013, [6], С. 200].

³ [Доклад..., 2010, [7], С. 147].

- со средним ИЧР (0,75–0,8);
- с низким ИЧР (0,7–0,75);
- с наиболее низким ИЧР (менее 0,7).

1.2. *Уровень абсолютной монетарной бедности по доходам (БД)* – отражает долю населения со среднедушевыми денежными доходами ниже прожиточного минимума (принятая в России официальная черта бедности).

Российские регионы следующим образом классифицированы по уровню бедности:

- с относительно низким уровнем бедности по доходам – в 1,5 и более раз ниже среднего российского значения;
- со средним отклонением уровня бедности по доходам – в пределах до 1,5 раз выше или ниже среднего российского значения;
- с относительно высоким уровнем бедности по доходам – в 1,5 и более раз выше среднего российского значения.

1.3. *Индекс Джини (ИДж)* характеризует степень отклонения фактического распределения общего объема доходов от их равномерного распределения.

Применяются следующие стандарты допустимых значений индекса Джини⁴, разработанные во Всероссийском центре уровня жизни (ВЦУЖ):

- ВРП по ППС менее 10 тыс. долл., коэф-т Джини не более 0,36;
- ВРП по ППС от 10 до 20 тыс. долл., коэф-т Джини не более 0,38;
- ВРП по ППС от 20 до 30 тыс. долл., коэф-т Джини не более 0,36;
- ВРП по ППС более 30 тыс. долл., коэф-т Джини не более 0,33.

1.4. *Децильный коэффициент фондов (КФ)* характеризует степень экономического расслоения, поляризацию денежных доходов, и определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами.

По аналогии с уровнем бедности российские регионы целесообразно следующим образом классифицировать по стандартам коэффициента фондов:

- с относительно низким коэффициентом фондов – в 1,5 и более раз ниже среднего российского значения;
- со средним отклонением коэффициента фондов - в пределах до 1,5 раз выше или ниже среднего российского значения;
- с относительно высоким коэффициентом фондов – в 1,5 и более раз выше среднего российского значения.

⁴ [Бобков В.Н. и др., 2009 [2]]

1.5. *Покупательная способность среднедушевых денежных доходов (ПС)* населения – количество модельных наборов товаров и услуг, входящих в бюджет прожиточного минимума (БПМ), которое можно купить на среднедушевые денежные доходы.

Применяется следующая классификация регионов по покупательной способности денежных доходов населения (ПС), разработанная во ВЦУЖ¹:

- с относительно высокими значениями ПС (от 11 БПМ (бюджет прожиточного минимума) и выше);
- со средними значениями ПС (от 7 до 11 БПМ);
- со значениями ПС ниже среднего (от 3 БПМ до 7 БПМ);
- с низкими значениями ПС (от 1 до 3 БПМ);
- с наиболее низкими значениями ПС (менее 1 БПМ).

1.6. *Душевой валовой региональный продукт (ВРП)*, исчисленный по паритету покупательной способности (ВРП по ППС) – обобщающий показатель экономической деятельности региона, представляющий собой валовую добавленную стоимость товаров и услуг, созданную резидентами региона и характеризующий возможности накопления и потребления. В официальных источниках его называют также обобщающим показателем уровня жизни.

К российским регионам можно, с определенными оговорками, применить следующую классификацию стран Всемирным банком по стандартам душевого ВВП (в долл.) по паритету покупательной способности (ППС) к рублю²:

- с высокими доходами: от 12235 тыс. долл. и более;
- с доходами выше среднего уровня: от 3956 до 12235 долл.;
- с доходами ниже среднего: от 1006 до 3955 долл.;
- с низким уровнем дохода: менее 1005 долл.

1.7 *Коэффициент дифференциации (Кд)* – отношение максимального значения индикатора к минимальному значению.

Применяется следующая классификация регионов по уровню коэффициента дифференциации:

- Низкая – Кд от 1,0 до 1,5 раза;
- Высокая – Кд от 1,5 раз и выше.

¹ Разработка системы нормативных потребительских бюджетов, адаптированных к условиям рыночной экономики, проводится экспертами Всероссийского центра уровня жизни, начиная с 90-х годов прошлого столетия [Бобков В.Н. и др., 2009, [2]; Качество..., 2007, [9], С. 200-220; Социальная политика..., 2014, [22]]

² [Классификация..., 2017, [10]]

1.8. *Коэффициент размаха (Кр)* – разница между максимальным и минимальным значением индикатора, поделенная на его среднее значение в целом по РФ.

Применяется следующая классификация регионов по уровню коэффициента размаха:

- Низкая – Кр. ниже 0,5 раза;
- Высокая – Кр. 0,5 и выше раз.

Комплексное применение предложенных индикаторов в целом по стране и в ее регионах позволяет характеризовать рамочные условия, в которых изменяются здоровье, уровень образования и текущее потребление населения, а также ресурсы, определяющие возможности удовлетворения потребностей различных его слоев, т.е. основные характеристики уровня и качества жизни.

Выявление масштабов и анализ динамики пространственного неравенства качества и уровня жизни в данной публикации проводится на примере сравнения двух периодов в жизни страны: в 2013 г., предшествующему экономическому кризису 2014-2016 гг., и в 2016 г., завершающему экономический спад и сопровождавшие его снижение качества и уровня жизни населения.

Анализируется пространственное неравенство в Уральском (УрФО) и Приволжском (ПрФО) федеральных округах и проводится их сравнение в Российской Федерации в целом. Выбор двух федеральных округов обусловлен двумя обстоятельствами: 1) ограниченным объемом публикации, в которой нет возможности представить результаты анализа пространственного неравенства во всех федеральных округах РФ; 2) данные конкретные ФО выбраны с учетом мощного человеческого, добывающего, индустриального и аграрного потенциала, а также расположения по соседству и в пограничной евразийской части России.

2. Пространственное неравенство уровня и качества жизни населения в Уральском (УрФО) и Приволжском (ПрФО) федеральных округах России

2.1. Уральский федеральный округ

Включает 6 субъектов Российской Федерации: Курганскую о., Свердловскую о., Тюменскую о., Ханты-Мансийский а.о. (ХМАО), Челябинскую о. и Ямало-Ненецкий а.о.

2.1.1. Уральский ФО в 2013 г.

В Таблице 1 представлены индикаторы уровня и качества жизни в УрФО в 2013 г. Полярные точки значений ИЧР были следующими. Наиболее высокий ИЧР в Тюменской о. составлял 0,887, а наименьшее его значение наблюдалось в Курганской о. и Челябинской о. – 0,831. Оба эти значения соответствовали высокому уровню междуна-

Таблица 1

Значения индикаторов уровня и качества жизни населения Уральского ФО (2013 г.)
(в отн. ед./% к России)

Субъекты	ИЧР* (отн.ед.) %	ПС** (Кол-во наборо- ров в ПМ) %	БД*** %	КДж**** (отн.ед.) %	КФ**** (отн.ед.) %	ВРП по ППС* (долл. США) %
Тюменская область	<u>0,887</u> 105,2	<u>3,77</u> 106,2	<u>11,8</u> 109,3	<u>0,443</u> 105,7	<u>19,6</u> 120,2	<u>76394</u> 316,0
Свердловская область	<u>0,842</u> 99,9	<u>4,22</u> 118,9	<u>8,2</u> 75,9	<u>0,431</u> 102,9	<u>17,8</u> 109,2	<u>22931</u> 94,8
Челябинская область	<u>0,831</u> 98,6	<u>2,65</u> 91,4	<u>11,2</u> 103,7	<u>0,389</u> 92,8	<u>13,2</u> 81	<u>17616</u> 72,6
Курганская область	<u>0,831</u> 98,6	<u>2,65</u> 74,6	<u>16,4</u> 151,9	<u>0,394</u> 94	<u>13,6</u> 83,4	<u>13394</u> 55,4
Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО)*****		<u>3,66</u> 103,1	<u>10,7</u> 99,1	<u>0,425</u> 101,4	<u>17,0</u> 104,3	
Ямало-Ненецкий автономный округ – Югра (ЯНАО)*****		<u>4,81</u> 135,5	<u>6,6</u> 61,1	<u>0,439</u> 104,8	<u>18,9</u> 159,5	
Россия	0,843	3,55	10,8	0,419	16,3	24178

* [ПРООН, 2013, [20]]

** Оценка ВЦУЖ.

*** [Регионы..., 2014 [16]]

**** [Регионы..., 2014 [16]]

***** ИЧР и ВРП по ППС не определялись.

ной классификации ИЧР. Коэффициенты дифференциации и размаха ИЧР составляли, соответственно, 1,07 и 0,07 раза, что свидетельствовало о низком пространственном внутрирегиональном неравенстве ИЧР.

В ЯНАО наблюдалось наиболее высокое значение ПС, но оно было ниже среднего уровня - 4,81 ПМ. В Курганской о. и Челябинской о. ПС имела наименьшее значение, была низкой и составляла 2,65 ПМ. Коэффициенты дифференциации и размаха ПС составляли, соответственно, 1,82 и 0,6 раза, что свидетельствовало о высоком пространственном внутрирегиональном неравенстве ПС.

Абсолютная монетарная бедность по доходам (БД) была самой высокой в Курганской о. - 16,4%. Она более, чем в 1.5 раза, превышала среднероссийский уровень. Наиболее низкой БД сложилась в ЯНАО - 6,6% (наиболее низкое значение среди субъектов РФ, в пределах среднего отклонения). Коэффициенты дифференциации и размаха абсолютной монетарной бедности составляли, соответственно, 2,48 и 0,91 раза, что свидетельствовало о высоком пространственном внутрирегиональном неравенстве БД.

Значение индексов Джини и коэффициента фондов в Тюменской о. было наиболее высоким (0,443 и 19,6). В Челябинской области эти инди-

каторы экономического неравенства были наименьшими и составляли 0,389 и 13,2 раза. Коэффициенты дифференциации и размаха ИДж составляли, соответственно, 1,14 и 0,13 раза. Аналогичные значения для КФ составляли 1,48 и 0,39. При этом, во всех субъектах УрФО наблюдалось избыточное экономическое неравенство.

Наиболее высоким пространственное неравенство в УрФО наблюдалось по размерам ВРП по ППС. Коэффициент дифференциации между Тюменской о. с наиболее высоким ВРП (76394 долл., высокие доходы) и Курганской о. с наиболее низким его значением (13394 долл., высокие доходы) составлял 5,7 раза, а коэффициент размаха - 2,6 раза.

2.1.2. Уральский ФО в 2016 г.

Экономический кризис 2014-2016 гг. изменил относительные позиции субъектов, входящих в УрФО, о чем свидетельствуют данные Таблицы 2.

ИЧР в Тюменской о. вырос по сравнению с его значением в 2013 г. и составлял 0,904. Этот субъект РФ вошел в число регионов с наиболее высоким ИЧР по международной классификации (более 0,9). В 2016 г. появилась возможность оценить ИЧР в ХМАО и ЯНАО. ХМАО вошел в эту группу регионов с наиболее высоким ИЧР - 0,902. В ЯНАО этот индикатор качества жизни составил 0,859 (высокое значение). В Челябинской о.

Таблица 2

**Значения индикаторов качества и уровня жизни населения Уральского ФО*, 2016 г.
(отн. ед/% к России)**

Субъекты	ИЧР** (отн.ед.) %	ПС*** (Кол-во набо- ров в ПМ) %	БД**** % %	КДж***** (отн.ед.) %	КФ***** (отн.ед.) %	ВРП по ППС** (долл. США) %
Тюменская область (без автономных округов)	<u>0,904</u> 103,3	<u>3,36</u> 90,8	<u>15,1</u> 126,9	<u>0,395</u> 95,9	<u>13,8</u> 88,5	<u>34054</u> 148,8
Свердловская область	<u>0,871</u> 99,5	<u>3,77</u> 101,9	<u>10,1</u> 0,75	<u>0,410</u> 99,5	<u>15,3</u> 98,1	<u>23338</u> 99
Челябинская область	<u>0,859</u> 98,2	<u>2,86</u> 77,3	<u>14,1</u> 105,2	<u>0,361</u> 87,6	<u>10,8</u> 69,2	<u>19569</u> 83
Курганская область	<u>0,827</u> 94,5	2,43/65,7	19,4 144,8	<u>0,363</u> 88,1	<u>10,9</u> 69,9	<u>11717</u> 49,7
Ямало-Ненецкий автономный округ	<u>0,892</u> 101,9	<u>4,73</u> 127,8	<u>7,4</u> 55,2	<u>0,423</u> 102,7	<u>16,8</u> 107,7	<u>136701</u> 580,1
Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	<u>0,902</u> 103,1	<u>3,21</u> 86,8	<u>13,3</u> 99,3	<u>0,400</u> 97,1	<u>14,3</u> 91,7	<u>84933</u> 360,4
Россия	0,875	3,70	13,4	0,412	15,6	23565

* Здесь и далее: данные по ИЧР и душевому ВРП по ППС – данные ПРООН. Источник: Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. Устойчивое развитие: вызовы Рио. М., 2013. С. 150-151.

** [Доклад..., 2017, [5], С. 286-287]

*** [Регионы..., 2017, [8], С. 276-277]

**** Регионы..., 2017, [8], С. 280-281]

***** Регионы..., 2017, [8], С. 272-273]

и Свердловской о. ИЧР также вырос и составил, соответственно, 0,871 и 0,859 (высокие значения). Наоборот, в Курганской о. ИЧР стал ниже уровня 2013 г. – 0,827 (высокое значение). Коэффициенты дифференциации и размаха составляли, соответственно, 1,09 и 0,09 раза, сохранялся низкий уровень пространственного неравенства ИЧР, но наблюдался его некоторый рост.

Динамика остальных индикаторов экономического развития и уровня жизни в УрФО была разнонаправленной, зачастую они ухудшились. ПС доходов в ЯНАО снизилась до 4,73 ПМ (ниже среднего уровня), хотя и оставалась самой высокой в округе. Снижение ПС произошло во всех субъектах УрФО. В Курганской о., с наиболее низким значением ПС, она составила – 2,43 ПМ (низкий уровень). Коэффициенты дифференциации и размаха ПС составляли, соответственно, 1,95 и 0,62 раза, что свидетельствовало о высоком уровне пространственного неравенства ПС и о продолжающемся его росте.

Абсолютная монетарная бедность по доходам (БД) в Курганской о. выросла и оставалась наиболее высокой в УрФО – 19,4% (в пределах среднего отклонения). Подросла она и в ЯНАО, составив 7,4% (наименьшее значение среди субъектов РФ, в пределах среднего отклонения). В остальных субъектах БД также выросла. Коэффициенты диффе-

ренциации и размаха абсолютной монетарной бедности составляли, соответственно, 2,62 и 0,90 раза, что свидетельствовало о продолжающемся росте пространственного внутрирегионального неравенства абсолютной монетарной бедности.

Значения индексов Джини и коэффициента фондов в Тюменской о. несколько снизились по сравнению с 2013 г., но оставались наиболее высокими (0,423 и 16,8) в УрФО. В Челябинской области эти индикаторы экономического неравенства также снизились, составляли 0,389 и 13,2 раза и оставались наименьшими в УрФО. Коэффициенты дифференциации и размаха ИДж составляли, соответственно, 1,17 и 0,15 раза. Аналогичные значения для КФ составляли 1,27 и 0,23. Пространственное неравенство распределения общего объема денежных доходов (КДж) выросло, а по их распределению в полярных доходных группах несколько снизилось. В двух субъектах УрФО – в Курганской о. и Челябинской о., экономическое неравенство, вследствие кризиса, вошло в границы допустимых размеров. В остальных субъектах УрФО сохранялось избыточное экономическое неравенство.

Объемы душевых ВРП по ППС сократились во всех субъектах УрФО. При этом наиболее высоким внутрирегиональное пространственное неравенство оставалось по этому индикатору.

В 2016 г. статистика позволяла привлечь для сопоставления данные о душевом ВРП по ППС по ЯНАО и ХМАО. С учетом этих данных коэффициенты дифференциации и размаха душевого ВРП по ППС между ЯНАО (наиболее высокое значение) и Курганской о. (самый низкий уровень в УрФО) составляли, соответственно, 11,7 и 5,3 раза. Расчеты, сопоставимые с аналогичными по 2013 г., показали, что коэффициенты дифференциации и размаха душевого ВРП по ППС между Тюменской о. с наиболее высоким ВРП (34054 долл., высокие доходы) и Курганской о. с наиболее низким его значением (11717 долл., доходы выше среднего) значительно сократились и составляли, соответственно 2,9 и 0,94 раза. Такое внутрирегиональное пространственное неравенство является чрезмерно высоким.

Таким образом, 2013 г., в канун экономического кризиса 2014-2016 гг., в УрФО наблюдалось низкое внутрирегиональное пространственное неравенство ИЧР. Различия в региональном экономическом неравенстве (коэффициенты ИДж и КФ) не были высокими, но само оно было избыточным во всех в регионах УрФО. Высоким пространственное внутрирегиональное неравенство было по индикаторам покупательной способности душевых денежных доходов и абсолютной монетарной бедности. Наиболее высокие значения коэффициенты дифференциации и размаха имели по индикатору душевого ВРП по ППС, особенно, с учетом значительно более высоких ВРП по ППС в ЯНАО и ХМАО.

Экономический кризис 2014-2016 гг. сопровождался ростом пространственного внутрирегионального неравенства по индексу человеческого развития, покупательной способности душевых денежных доходов и абсолютной монетарной бедности. Выросли соответствующие индикаторы, характеризующие пространственное неравенство по индексу Джини, в то время как межрегиональные разрывы в полярных значениях коэффициента фондов несколько сгладились. Пространственное неравенство в распределении душевого ВРП по ППС существенно сократилось, вследствие более заметного его снижения в регионах – лидерах. Тем не менее, его размеры, особенно, с учетом существенного более высоких уровней ВРП по ППС в ЯНАО и ХМАО, чем в других субъектах УрФО, можно оценить как чрезмерно высокие.

2.2. Приволжский ФО

В состав округа входят 12 субъектов Российской Федерации: р. Башкортостан, Кировская о., р. Марий Эл, р. Мордовия, Нижегородская о., Оренбургская о., Пензенская о., Пермский кр., Самарская о., Саратовская о., р. Татарстан и Чувашская р.

2.2.1. Приволжский ФО в 2013 г.

В Табл. 3 представлены индикаторы уровня и качества жизни в Приволжском ФО в 2013 г. Полярные точки значений ИЧР были следующими. Наиболее высокий ИЧР в р. Татарстан составлял 0,864 (высокий уровень, выше, чем в целом по РФ). Второе, после р. Татарстан, значение ИЧР наблюдалось в Оренбургской о. (0,842, высокий уровень, примерно, соответствовал уровню РФ), третье – в р. Башкортостан – 0,832 (высокий уровень, ниже, чем в РФ). Наименьшее значение ИЧР в ПрФО наблюдалось в р. Марий Эл – 0,796 (средний уровень), а также в Пензенской о. (0,802) и в Кировской о. (0,808). Коэффициенты дифференциации и размаха ИЧР составляли, соответственно, 1,09 и 0,08 раза, что свидетельствовало о низком пространственном внутрирегиональном неравенстве ИЧР.

В р. Татарстан наблюдалось наиболее высокое значение ПС, но оно было ниже среднего уровня и составляло 4,28 ПМ (выше, чем в среднем по РФ). Вторую позицию по этому индикатору уровня жизни имела р. Башкортостан (3,75 ПМ, ниже среднего уровня, но выше, чем по РФ), третью – Нижегородская о. – 3,73 (ниже среднего уровня, но выше, чем по РФ). В Оренбургской о., которая была одним из лидеров по уровню ИЧР, размер ПС составлял 3,03 ПМ (ниже среднего уровня и ниже, чем по РФ), что соответствовало только 6-му ее значению в ПрФО. Р. Мордовия и р. Марий Эл и р. Чувашия имели наименьшее значение ПС, соответственно, 2,33ПМ и 2,40ПМ и 2,50ПМ, а ее размеры были низкими. Коэффициенты дифференциации и размаха ПС составляли, соответственно, 1,83 и 0,55 раза, что свидетельствовало о высоком пространственном внутрирегиональном неравенстве ПС.

Абсолютная монетарная бедность по доходам (БД) была наиболее высокой в р. Марий Эл – 19,5%, что более, чем в 1,5 раза превышало среднероссийское значение этого индикатора. Высокая монетарная бедность наблюдалась также в р. Мордовия (18,2, высокий уровень отклонения от РФ) и в р. Чувашия (16,0, средний уровень отклонения от РФ). В Оренбургской о. и р. Башкортостан абсолютная монетарная бедность составляла, соответственно, 12,1% (выше, чем среднероссийское значение, средний уровень отклонения) и 10,4% (средний уровень отклонения). Наиболее низкое значение этого индикатора наблюдалось в республике Татарстан – 7,2% (средний уровень отклонения от РФ). Ниже, чем по РФ БД наблюдалась в Нижегородской о. (9,0%, средний уровень отклонения) и в р. Башкортостан (10,4%, средний уровень отклонения). Коэффициенты дифферен-

Таблица 3

**Значения индикаторов качества и уровня жизни населения Приволжского ФО (2013 г.)
(отн. ед./% к России)**

Субъекты	ИЧР* (отн.ед.) %	ПС** (Кол-во наборо- вов в ПМ) %	БД*** % %	КДж**** (отн.ед.) %	КФ**** (отн.ед.) %	ВРП по ППС* (долл. США) %
Республика Татарстан	<u>0,864</u> 102,5	<u>4,28</u> 120,6	<u>7,2</u> 66,7	<u>0,422</u> 100,7	<u>16,7</u> 102,5	<u>29374</u> 121,5
Оренбургская область	<u>0,842</u> 99,9	<u>3,03</u> 85,4	<u>12,1</u> 112,0	<u>0,392</u> 93,6	<u>13,5</u> 82,8	<u>26775</u> 110,7
Республика Башкортостан	<u>0,832</u> 98,7	<u>3,75</u> 105,6	<u>10,4</u> 96,3	<u>0,428</u> 102,2	<u>17,4</u> 106,8	<u>21289</u> 88,1
Удмуртская Республика	<u>0,828</u> 98,2	<u>2,97</u> 83,7	<u>11,2</u> 103,7	<u>0,379</u> 90,5	<u>12,3</u> 75,5	<u>19571</u> 80,9
Пермский край	<u>0,827</u> 98,1	<u>3,62</u> 102,0	<u>11,4</u> 105,6	<u>0,430</u> 102,6	<u>17,7</u> 108,6	<u>21736</u> 89,9
Самарская область	<u>0,827</u> 98,1	<u>3,69</u> 103,9	<u>12,1</u> 112,0	<u>0,441</u> 105,3	<u>19,3</u> 118,4	<u>21032</u> 87,0
Саратовская область	<u>0,824</u> 97,8	<u>2,63</u> 74,1	<u>15,4</u> 142,6	<u>0,383</u> 91,4	<u>12,6</u> 77,3	<u>16374</u> 67,7
Нижегородская область	<u>0,820</u> 97,3	<u>3,73</u> 105,1	<u>9,0</u> 83,3	<u>0,412</u> 98,3	<u>15,5</u> 95,1	<u>19037</u> 78,7
Чувашская Республика	<u>0,812</u> 96,3	<u>2,50</u> 70,4	<u>16,0</u> 148,2	<u>0,374</u> 89,3	<u>11,8</u> 72,4	<u>13565</u> 56,1
Ульяновская область	<u>0,811</u> 96,2	<u>2,90</u> 81,7	<u>13,3</u> 123,2	<u>0,391</u> 93,3	<u>13,4</u> 82,2	<u>14851</u> 61,4
Республика Мордовия	<u>0,810</u> 96,1	<u>2,33</u> 65,6	<u>18,2</u> 168,5	<u>0,371</u> 88,5	<u>11,6</u> 71,2	<u>13583</u> 56,2
Кировская область	<u>0,808</u> 95,9	<u>2,64</u> 74,4	<u>13,6</u> 125,9	<u>0,369</u> 88,1	<u>11,4</u> 69,9	<u>11598</u> 48,0
Пензенская область	<u>0,802</u> 95,1	<u>2,97</u> 83,7	<u>12,6</u> 116,7	<u>0,392</u> 93,6	<u>13,5</u> 82,8	<u>15244</u> 63,0
Республика Марий Эл	<u>0,796</u> 94,4	<u>2,40</u> 67,6	<u>19,5</u> 180,6	<u>0,390</u> 93,1	<u>13,3</u> 81,6	<u>14151</u> 58,5
Россия	0,843	3,55	10,8	0,419	16,3	24178

* [ПРООН, 2013, [20]]

** Оценка ВЦУЖ.

*** [Регионы..., 2014 [16]]

**** [Регионы..., 2014 [16]]

циации и размаха абсолютной монетарной бедности составляли, соответственно, 2,7 и 1,14 раза, что свидетельствовало о высоком пространственном внутрирегиональном неравенстве БД.

Значения индексов Джини и коэффициента фондов в Самарской о. было наиболее высоким (0,441 и 19,3), выше, чем в целом по РФ, средний уровень отклонения). В Кировской о. эти индикаторы экономического неравенства были наименьшими и составляли 0,369 и 11,4 раза (ниже, чем по РФ, средний уровень отклонения). При этом, в 9 субъектах УрФО: р. Башкортостан, р. Марий Эл, Нижегородская о., Оренбургская о., Пензенская о., Пермский кр., Самарская о., р. Татарстан, Улья-

новская о. наблюдалось избыточное экономическое неравенство. Коэффициенты дифференциации и размаха ИДж составляли, соответственно, 1,20 и 0,17 раза. Аналогичные значения для КФ составляли 1,69 и 0,48.

Высокое пространственное неравенство в ПрФО наблюдалось по размерам ВРП по ППС. Наибольшее значение ВРП по ППС наблюдалось в р. Татарстан (29374 долл., высокие доходы, выше, чем в целом по РФ), второй по размерам этого индикатора была Оренбургская о. (26675 долл., высокие доходы, выше, чем по РФ), третьей – Пермский кр. (21736, долл., высокие доходы, ниже, чем по РФ). Наиболее низкие значения ВРП

по ППС имели Кировская о. (11558 долл., доходы выше среднего уровня), р. Чувашия (13565 долл., доходы выше среднего уровня) и р. Мордовия (13583 долл., доходы выше среднего уровня). Коэффициент дифференциации между р. Татарстан с наиболее высоким ВРП и Кировской о. с наиболее низким его значением, составлял 2,54 раза, а коэффициент размаха – 0,74 раза.

2.2.2. Приволжский ФО в 2016 г.

Экономический кризис 2014-2016 гг. изменил относительные позиции субъектов, входящих в ПрФО, о чем свидетельствуют данные Таблица 4.

ИЧР в р. Татарстан вырос по сравнению с его значением в 2013г. Он составлял 0,896 (высокий уровень, выше, чем в целом по РФ) и оставался наиболее высоким в ПрФО. Вторую позицию по ИЧР заняла Самарской о. (0,867, высокий уровень, ниже, чем по РФ). В Оренбургской о. ИЧР также вырос и составил 0,865 (высокий уровень, ниже, чем по РФ). В тоже время этот субъект переместился на один ранг ниже и занял третью позицию по ИЧР в ПрФО. В р. Марий Эл ИЧР, также вырос, составлял 0,838 (высокий уровень), но в этом субъект РФ ИЧР оставался наиболее низким среди других. Нижние позиции по ИЧР занимали также Пензенская о. (0,838, высокий уровень, вырос) и Кировская о. (0,848, высокий уровень, вырос). Коэффициенты дифференциации и размаха составляли, соответственно, 1,07 и 0,07 раза, что свидетельствовало о низком уровне пространственного неравенства ИЧР и некотором его снижении.

Первую позицию по ПС доходов в ПрФО, как и ранее, занимала р. Татарстан – 4,67 (ниже среднего уровня, рост, выше, чем в целом по РФ). Вторую позицию сохранила р. Башкортостан, в которой ПС выросла и составила 4,04 (ниже среднего уровня, рост, выше, чем в целом по РФ). Третью позицию сохранила Нижегородская о. – 3,84 (ниже среднего уровня, рост, выше, чем в целом по РФ). В Оренбургской о. ПС составила 2,86 (снижение до низкого значения), что привело к перемещению этого субъекта с 6-й на 8-ю позицию. В группе субъектов с наиболее низкими значениями ПС находились р. Марий Эл – 2,44 ПМ (низкий уровень, рост), р. Чувашия – 2,48 (низкое значение, снижение) и р. Мордовия – 2,53 (низкое значение, рост). Коэффициенты дифференциации и размаха ПС составляли, соответственно, 1,91 и 0,60 раза, что свидетельствовало о его высоком уровне и продолжающемся росте.

Абсолютная монетарная бедность по доходам в р. Марий Эл выросла, оставаясь наиболее высокой в ПрФО, и составляла 22,5%, что более чем с 1,5 раза превышало среднероссийский уро-

вень. Выше, чем в других субъектах, значения БД наблюдались также в р. Мордовия – 18,8% (рост, средний уровень отклонения от РФ) и в р. Чувашия – 18,6 (рост, средний уровень отклонения). В Оренбургской о. и р. Башкортостан абсолютная монетарная бедность составляла, соответственно, 14,8% (рост, выше, чем среднероссийское значение, средний уровень отклонения) и 12,5% (рост, ниже, чем по РФ, средний уровень отклонения). Наиболее низкое значение этого индикатора оставалось в р. Татарстан – 7,5% (рост, средний уровень отклонения). Вторую позицию сохранила Нижегородская о. – 9,6% (рост, ниже, чем по РФ, средний уровень отклонения от РФ). На третью позицию поднялась р. Удмуртия – 12,3% (рост, значение ниже, чем по РФ, средний уровень отклонения). Р. Башкортостан с третьей переместилась на четвертую позицию – 12,5% (рост, ниже, чем по РФ, средний уровень отклонения). Коэффициенты дифференциации и размаха абсолютной монетарной бедности составляли, соответственно, 2,62 и 0,90 раза, что свидетельствовало о некотором снижении пространственного внутрирегионального неравенства абсолютной монетарной бедности. Тем не менее, пространственное неравенство по этому индикатору оставалось высоким.

Значения индекса Джини и коэффициента фондов в Тюменской о. составляли, соответственно, 0,423 и 16,8. (выше, чем по РФ, средний уровень отклонения). Эти индикаторы экономического неравенства несколько снизились по сравнению с 2013 г., но оставались наиболее высокими в УрФО. При этом, в 6 субъектах УрФО: р. Башкортостан, Нижегородская о., Оренбургская о, Пермский кр., Самарская о., р. Татарстан наблюдалось избыточное экономическое неравенство. Три субъекта РФ – р. Марий Эл, Пензенская о. и Ульяновская о. вследствие снижения ИДж, вошли в коридор нормального экономического неравенства. Коэффициенты дифференциации и размаха ИДж составляли, соответственно, 1,21 и 0,17 раза. Аналогичные значения для КФ составляли 1,65 и 0,40. Пространственное неравенство распределения общего объема денежных доходов примерно сохранилось на уровне 2013 г., а по распределению среднедушевых доходов в поллярных доходных группах несколько снизилось.

Наибольшее значение ВРП по ППС наблюдалось в р. Татарстан (28289 долл., высокие доходы, снижение, уровень выше, чем в целом по РФ). На вторую позицию по размерам этого индикатора переместился Пермский кр. – 21975 долл. (высокие доходы, рост, уровень ниже, чем по РФ. На третью позицию переместилась Самарская о. – 20995 долл. (высокий уровень, снижение, уро-

Таблица 4

Значения индикаторов качества и уровня жизни населения Приволжского федерального округа, 2016 г. (отн. ед./% к России)

Субъекты	ИЧР* (отн.ед.) %	ПС** (Кол-во наборов в ПМ) %	БД*** % %	КДж**** (отн.ед.) %	КФ**** (отн.ед.) %	ВРП по ППС* (долл. США) %
Республика Татарстан	0,896 102,4	4,67 126,2	7,5 56,0	0,413 100,2	15,7 100,6	28289 120,0
Оренбургская область	0,865 98,9	2,86 77,3	14,8 110,4	0,379 92,0	12,2 78,2	20020 85,0
Республика Башкортостан	0,852 97,4	4,04 109,2	12,5 93,3	0,416 101,0	16,0 102,6	18806 79,8
Удмуртская Республика	0,864 98,7	3,06 82,7	12,3 91,8	0,374 90,8	11,8 75,6	19295 81,9
Пермский край	0,860 98,3	3,20 86,5	14,9 111,2	(0,412) 100,0	15,5 99,4	21975 93,3
Самарская область	0,867 99,1	3,10 83,8	13,8 103,0	0,383 93,0	12,6 80,8	20995 89,1
Саратовская область	0,850 97,1	2,69 72,7	17,6 131,3	0,367 89,1	11,2 71,8	15411 65,4
Нижегородская область	0,852 97,4	3,84 103,8	9,6 71,6	0,403 97,8	14,6 93,6	17953 76,2
Чувашская Республика	0,839 95,9	2,48 67,0	18,6 138,8	0,345 83,7	9,7 62,2	12363 52,5
Ульяновская область	0,841 96,1	2,89 78,1	14,9 111,2	0,367 89,1	11,3 72,4	14245 60,4
Республика Мордовия	0,850 97,1	2,53 68,4	18,8 140,3	0,364 88,3	11,0 70,5	14203 60,3
Кировская область	0,842 96,2	2,54 68,6	15,9 118,7	0,348 84,5	9,8 62,8	12083 51,3
Пензенская область	0,848 96,9	2,85 77,0	14,5 108,2	0,371 90,0	11,6 74,4	14822 62,9
Республика Марий Эл	0,838 95,8	2,44 65,9	22,5 167,9	0,371 90,0	11,6 74,4	14389 61,1
Россия	0,875	3,70	13,4	0,412	15,6	23565

* [Доклад..., 2017, [5], С. 286-287]

** [Регионы..., 2017, [8], С. 276-277]

*** Регионы..., 2017[8], С. 280-281]

**** Регионы..., 2017, [8], С. 272-273]

вень ниже, чем по РФ) Оренбургская о. переместилась со второй на четвертую позицию (20020 долл., высокие доходы, уровень ниже, чем по РФ). Наиболее низкие значения ВРП по ППС имели Кировская о. (12083 долл., доходы выше среднего уровня, снижение), р. Чувашия (12363 долл., доходы выше среднего уровня, снижение) и р. Мордовия (134203 долл., доходы выше среднего уровня, рост). Коэффициент дифференциации между р. Татарстан с наиболее высоким душевым ВРП и Кировской о. с наиболее низким его значением, составлял 2,34 раза, а коэффициент размаха – 0,69 раза. Вследствие более быстрого снижения

ВРП в регионах с более высокими его значениями по сравнению с регионами с более низкими значениями межрегиональное неравенство по ВРП несколько снизилось, однако продолжало оставаться высоким.

Таким образом, 2013 г., в канун экономического кризиса 2014-2016 гг., в ПрФО наблюдалось низкое внутрорегиональное пространственное неравенство ИЧР. Различия в региональном экономическом неравенстве (коэффициенты ИДж и КФ) не были высокими, но само оно было избыточным в 9 из 12 субъектов ПрФО. Высоким пространственное межрегиональное неравенство

было по индикаторам покупательной способности душевых денежных доходов и абсолютной монетарной бедности. Наиболее высокие значения коэффициенты дифференциации и размаха имели по индикатору душевого ВРП по ППС.

Экономический кризис 2014-2016 гг. сопровождался небольшим снижением пространственного межрегионального неравенства по индексу человеческого развития, но его ростом по покупательной способности душевых денежных доходов и по абсолютной монетарной бедности. Примерно сохранились размеры межрегионального неравенства по индексу Джини, и несколько снизились по коэффициенту фондов. Пространственное неравенство в распределении душевого ВРП по ППС сократилось, вследствие более заметного его снижения в регионах-лидерах.

3. Пространственное неравенство в целом по Российской Федерации

3.1.1. Российская Федерация в 2013 г.

Полярные точки значений ИЧР в целом по РФ были следующими. Наиболее высокий ИЧР в г. Москве составлял 0,931 (соответствует наиболее высокому уровню по международной классификации). Второе, после г. Москвы значение ИЧР наблюдалось в г. Санкт-Петербурге – 0,887 (высокий уровень). Наименьшее значение ИЧР наблюдалось в р. Тыва – 0,750 (низкий уровень), а также в р. Чечня – 0,765 (низкий уровень). Коэффициенты дифференциации и размаха ИЧР составляли, соответственно, 1,24 и 0,21 раза. Для большей корректности наряду с крайними полярными значениями ИЧР сравним вторые полярные точки (г. Санкт-Петербург и р. Чечню). Коэффициенты дифференциации и размаха ИЧР составляли, соответственно, 1,16 и 0,14 раза. Все это свидетельствовало о низком пространственном межрегиональном неравенстве ИЧР в целом по стране.

Наиболее высокое значение покупательной способности душевых денежных доходов (ПС) наблюдалось в г. Москве – 5,19 ПМ (ниже среднего уровня). Вторую после г. Москвы позицию занимал г. Санкт-Петербург – 4,54 ПМ (ниже среднего уровня). Р. Калмыкия и р. Тыва имели наименьшее значение ПС, соответственно, 1,65 ПМ (низкий уровень) и 1,72 ПМ (низкий уровень). Коэффициенты дифференциации и размаха ПС составляли, соответственно, 3,15 и 1,0 раза. Чтобы убрать влияние крайних полярных значений ПС, которые сильно влияют на величину высокого пространственного неравенства по данному индикатору, были рассчитаны значения коэффициентов дифференциации и размаха для

вторых полярных значений ПС. Они составляли, соответственно, 2,64 и 0,79. Тем не менее, даже с учетом такой корректировки, в целом по России, налицо было высокое пространственное межрегиональное неравенство покупательной способности денежных доходов.

Абсолютная монетарная бедность по доходам (БД) была наиболее высокой в р. Калмыкия – 35,4% (высокий уровень отклонения от РФ). Вторую позицию по этому индикатору занимала р. Тыва – 33,4% (высокий уровень отклонения от РФ). Наиболее низкое значение этого индикатора наблюдалось в ЯНАО и в республике Татарстан, соответственно, 6,6% и 7,2% (средний уровень отклонения от РФ). Коэффициенты дифференциации и размаха абсолютной монетарной бедности составляли, соответственно, 5,36 и 2,67 раза, а для вторых полярных точек, они составляли, соответственно, 4,64 и 2,42 раза. Все это свидетельствовало о высоком пространственном межрегиональном неравенстве БД в целом по РФ.

Значения индексов Джини и коэффициента фондов в г. Москве было наиболее высоким – 0,481 и 26,2 (выше, чем в целом по РФ, высокий уровень отклонения КФ от значения по РФ). Вторую позицию по размеру КДж занимала Тюменская о. – 0,443, а по размеру КФ – г. Санкт-Петербург – 19,6 (средний уровень отклонения от РФ). В р. Алтай и Тверской о. значения КДж были наиболее низкими и составляли, соответственно, 0,366, и 0,359, а коэффициенты фондов – 11,2 и 10,6 раза (ниже, чем по РФ, средний уровень отклонения КФ). Коэффициенты дифференциации и размаха ИДж составляли, соответственно, 1,34 и 0,29 раза. Аналогичные значения для КФ составляли 2,47 и 0,96. Для вторых полярных точек аналогичные расчеты по КФ показали коэффициенты дифференциации и размаха, соответственно, 1,75 и 0,52, что свидетельствовало о высокой пространственной дифференциации экономического неравенства по КДж.

Высокое пространственное неравенство наблюдалось по размерам ВРП по ППС. Наибольшее значение ВРП по ППС наблюдалось в Тюменской о. (76394 долл., высокие доходы, высокое отклонение от РФ), второй по размерам этого индикатора была Сахалинская о. (63151 долл., высокие доходы, высокое отклонение от РФ). Наиболее низкие значения ВРП по ППС имели р. Чечня (6497 долл., доходы выше среднего уровня), р. Тыва (8928 долл., доходы выше среднего уровня). Коэффициент дифференциации между Тюменской о. с наиболее высоким ВРП и р. Чечней с наиболее низким его значением, составлял 11,6 раза, а коэффициент размаха – 2,89 раза. Вторые полярные значения ВРП по ППС пока-

зали следующие размеры данных индикаторов – коэффициент дифференциации – 7,07 раза, коэффициент размаха – 2,24 раза. Даже с учетом корректировки по вторым полярным точкам, уровень пространственного неравенства ВРП по ППС был неадекватно высоким.

3.1.2. Российская Федерация в 2016 г.

Полярные точки значений ИЧР в целом по РФ были следующими. Наиболее высокий ИЧР в г. Москве составлял 0,949 (рост, соответствует наиболее высокому уровню по международной классификации). Второе, после г. Москвы значение ИЧР наблюдалось в г. Санкт-Петербурге – 0,922 (рост, соответствует наиболее высокому уровню по международной классификации). Наименьшее значение ИЧР наблюдалось в р. Тыва – 0,776 (рост, средний уровень), а также в г. Севастополь – 0,793 (средний уровень). Коэффициенты дифференциации и размаха ИЧР составляли, соответственно, 1,22 и 0,20 раза. Для большей корректности наряду с крайними полярными значениями ИЧР и сравним вторые полярные точки (г. Санкт-Петербург и г. Севастополь). Коэффициенты дифференциации и размаха ИЧР составляли, соответственно, 1,16 и 0,15 раза. Все это свидетельствовало о низком пространственном межрегиональном неравенстве ИЧР в целом по стране и примерном сохранении его уровня по сравнению с 2013 г.

Наиболее высокое значение покупательной способности душевых денежных доходов (ПС) наблюдалось в г. Чукотском а.о. – 4,82 ПМ (рост, ниже среднего уровня). Вторую после него позицию занимал ЯНАО – 4,73 ПМ (снижение, ниже среднего уровня). Р. Тыва и р. Ингушетия имели наименьшее значение ПС, соответственно, 1,75 ПМ (рост, низкий уровень) и 1,91 ПМ (снижение, низкий уровень). Коэффициенты дифференциации и размаха ПС составляли, соответственно, 2,75 и 0,76 раза. Чтобы убрать влияние крайних полярных значений ПС, которые заметно влияют на величину высокого пространственного неравенства по данному индикатору, были рассчитаны значения коэффициентов дифференциации и размаха для вторых полярных значений ПС. Они составляли, соответственно, 2,48 и 0,79. В целом по России, можно констатировать снижение пространственного неравенства по коэффициенту дифференциации ПС, которое, тем не менее, оставалось высоким.

Абсолютная монетарная бедность по доходам (БД) была наиболее высокой в р. Тыва – 42,1% (рост, высокий уровень отклонения от РФ). Вторую позицию по этому индикатору занимала р. Ингушетия – 32,0% (рост, высокий уровень от-

клонения от РФ). Наиболее низкое значение этого индикатора наблюдалось в ЯНАО и в республике Татарстан, соответственно, 7,4% (рост, средний уровень отклонения от РФ) и 7,5% (рост, средний уровень отклонения). Коэффициенты дифференциации и размаха абсолютной монетарной бедности составляли, соответственно, 5,69 и 2,58 раза, а для вторых полярных точек, они составляли, соответственно, 4,27 и 1,83 раза. По сравнению с 2013 г. пространственное неравенство по данному индикатору снизилось, но оставалось очень высоким.

Значения индексов Джини и коэффициента фондов было наиболее высоким в ЯНАО – 0,423 и 16,8 и в г. Москве – 0,421 и 16,6 (снижение, выше, чем в целом по РФ, средний уровень отклонения КФ от значения по РФ). В р. Крым и р. Карелия значения Кдж были наиболее низкими и составляли, соответственно, 0,308, и 0,334, а коэффициенты фондов – 7,5 и 9,0 раза (снижение ниже, чем по РФ, средний уровень отклонения КФ). Коэффициенты дифференциации и размаха ИДж составляли, соответственно, 1,37 и 0,28 раза. Аналогичные значения для КФ составляли 2,24 и 0,60. Для вторых полярных точек аналогичные расчеты по КФ показали коэффициенты дифференциации и размаха, соответственно, 1,84 и 0,49. Уровень пространственного неравенства по данному индикатору примерно, соответствовал 2013 г., но, как и ранее, свидетельствовал о высокой (небольшой рост) пространственной дифференциации экономического неравенства по КФ.

Высокое пространственное неравенство наблюдалось по размерам ВРП по ППС. Наибольшее значение ВРП по ППС наблюдалось в ЯНАО (136701 долл., высокие доходы, очень высокое отклонение от РФ), второй по размерам этого индикатора была Сахалинская о. (рост, 71148 долл., высокие доходы, высокое отклонение от РФ). Наиболее низкие значения ВРП по ППС имели г. Севастополь (5879, доходы выше среднего уровня) и р. Чечня (снижение, 6380 долл., доходы выше среднего уровня). Коэффициент дифференциации между ЯНАО с наиболее высоким ВРП по ППС и г. Севастополь с наиболее низким его значением, составлял 23,3 раза, а коэффициент размаха составлял – 5,55 раза. Вторые полярные значения ВРП по ППС показали следующие размеры данных индикаторов – коэффициент дифференциации – 11,15 раза, коэффициент размаха – 2,75 раза. По сравнению с 2013 г. пространственное неравенство по данному индикатору значительно выросло и стало еще более высоким.

4. Выводы: сравнительное оценивание пространственного неравенства в целом по РФ, а также в УрФО и в ПрФО

Проведем сравнение индикаторов пространственного неравенства в целом по РФ и аналогичных индикаторов в Уральском и Приволжском ФО, представленных в Таблице 5.

1. В целом по РФ в период 2013-2016 гг. наиболее высоким, растущим и неадекватным являлось пространственное неравенство ВРП по ППС. Его стартовый уровень в 2013 г. был не только очень высоким (коэффициенты 7,01 и 2,24), но и значительно вырос в 2016 г. (11,15 и 2,75). Вторым по уровню было пространственное неравенство абсолютной монетарной бедности: 2013 г. – 4,64 и 2,42. Оно несколько снизилось за время экономического кризиса, но оставалось в 2016 г. высоким – 4,27 и 1,83. Высоким, несмотря на некоторое снижение, оставалось пространственное неравенство покупательной способности душевых денежных доходов: в 2013 г. – 2,64 и 0,79, а в 2016 г. – 2,48 и 0,79. Пространственное неравенство коэффициента фондов также было высоким и продолжало расти: в 2013 г. – 1,75 и 0,52, а в 2016 г. 1,84 и 0,49. В пределах среднего уровня с некоторым ростом было межрегиональное неравенство коэффициента Джини: в 2013 г. 1,34 и 0,29, а в 2016 г. – 1,37 и 0,28. Низким и стабильным было межрегиональное неравенство индекса человеческого развития: коэффициент дифференциации составлял в пределах 1,16 раз, а коэффициент размаха – 0,14 – 0,15. Это было обусловлено тем, что важные показатели качества

жизни: ожидаемой продолжительности жизни и образованности были сравнительно равномерно распределены среди россиян во всех субъектах Российской Федерации.

2. В канун экономического кризиса, в 2013 г., межрегиональное неравенство по ИЧР внутри УрФО и ПрФО было низким и примерно одинаковым. Различия в межрегиональном экономическом неравенстве (коэффициенты ИДж и КФ) в каждом из рассмотренных федеральных округов не были высокими, хотя в ПрФО они были более заметными. Уровень этого неравенства был избыточным во всех 6-ти субъектах УрФО и в 9 из 12 субъектов ПрФО. Высокое пространственное межрегиональное неравенство по индикаторам покупательной способности душевых денежных доходов в УрФО и ПрФО было, примерно, одинаковым, а по индикаторам абсолютной монетарной бедности оно было более заметным в ПрФО. Коэффициенты дифференциации и размаха душевого ВРП по ППС в УрФО в 2016 г. были, примерно, в 2 раза выше, чем в ПрФО.

3. Экономический кризис 2014-2016 гг. сопровождался небольшим ростом пространственного межрегионального неравенства по индексу человеческого развития в УрФО и небольшим его снижением в ПрФО. Пространственное неравенство по покупательной способности душевых денежных доходов и абсолютной монетарной бедности в обоих округах, было высоким, продолжало расти и к 2016 г. было примерно одинаковым. Примерно сохранились размеры межрегионального неравенства по индексу Джини, и несколько снизились по коэффициенту фондов. Простран-

Таблица 5

Сравнительные значения пространственного неравенства индикаторов качества и уровня жизни

Размеры коэффициентов дифференциации/ размаха (раз/отн. ед)						
Индикаторы качества и уровня жизни	Россия		Уральский ФО		Приволжский ФО	
	2013 г.	2016 г.	2013 г.	2016 г.	2013 г.	2016 г.
Душевой валовой региональный продукт по ППС	7,01* 2,24	11,15* 2,75	5,70 2,60	2,90* 0,94	2,54 0,74	2,34 0,69
Абсолютная монетарная бедность	4,64* 2,42	4,27* 1,83	2,48 0,91	2,62 0,90	2,70 1,14	2,62 0,90
Покупательная способность доходов	2,64* 0,79	2,48* 0,79	1,82 0,60	1,95 0,62	1,83 0,55	1,91 0,60
Коэффициенты, в т.ч.						
Джини	1,34 0,29	1,37 0,28	1,14 0,13	1,17 0,15	1,20 0,17	1,21 0,17
Фондов	1,75* 0,52	1,84* 0,49	1,48 0,39	1,27 0,23	1,69 0,48	1,65 0,40
Индекс человеческого развития	1,16* 0,14	1,16* 0,15	1,07 0,07	1,09 0,09	1,09 0,08	1,07 0,07

* Размеры индикаторов определены по их вторым полярным значениям.

ственное неравенство в распределении душевого ВРП по ППС сократилось, вследствие более заметного его снижения в регионах-лидерах этих федеральных округов.

4. И еще считаем необходимым отметить острую проблему неравенства доходов и преобладания массовой бедности в сельских поселениях, население которых, как правило, занимается сельским хозяйством, доходность которого по-прежнему невысокая. Несмотря на некоторый рост производства сельскохозяйственной продукции в последние годы, сельское население от этого, как показывает анализ, практически мало что получает. Среднемесячная зарплата в сельском хозяйстве составляет лишь половину от заработной платы по всем отраслям экономики и остается на последнем месте среди видов эко-

номической деятельности. Особенно это заметно в таких областях, как Курганская о., в УрФО в ПрФО – Республика Мари Эл, Оренбургская о. и ряд других [Долгушкин Н.К. [23], 2015; Долгушкин Н.К [24], 2015]. Идет резкое старение сельского населения, ухудшение демографической обстановки, отток сельских жителей в города, а, следовательно, измельчение поселенческой структуры. Как следует из доклада Президента России В.В. Путина на заседании Госсовета в апреле 2014 г., «поселения, где живет до 10 человек составляют 24%». Этот фактор в значительной мере делает многие сельские территории бесперспективными для дальнейшего роста в создавшихся условиях и говорит о необходимости детальной проработки пространственного развития каждого субъекта, федерального округа.

Список литературы

1. Бобков В.Н. и др. Сравнительные характеристики индикаторов качества и уровня жизни в российских регионах: субъекты, федеральные округа, Арктика // Уровень жизни населения регионов России, 2017, №1 (203)
2. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. и др. Региональное неравенство в качестве и уровне жизни населения России (2007 г.) // Уровень жизни населения регионов России. 2009, №1-2.
3. Бобков В.Н., Гулюгина А.А. Мониторинг доходов и уровня жизни. ВЦУЖ. 2015.
4. Валентей С.Д. и др. Тренды развития российских регионов. Экономика региона. 2014, №3 (39).
5. Доклад о человеческом развитии в РФ за 2017 г. / под ред. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2017.
6. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. Устойчивое развитие: вызовы Рио. М., 2013.
7. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2010 г. Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее. М., 2010.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017.
9. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
10. Качество и уровень жизни населения в новой России (1991–2005 гг.). М.: ВЦУЖ, 2007. 719 с.
11. Классификация стран Всемирным банком по стандартам душевого ВВП (в долл.) по паритету покупательной способности (ППС) к рублю по состоянию на 1 июля 2017 г. <http://blogs.worldbank.org/opendata/new-country-classifications-2017>
12. Малкина М.Ю. Исследование взаимосвязи уровня развития и степени неравенства доходов в регионах Российской Федерации. // Экономика региона. 2014, №2.
13. Найден С.Н., Белоусова А.В. Методический инструмент оценки благосостояния населения: межрегиональные сопоставления. Экономика региона. 2018, т. 14., вып.1.

References

1. Bobkov V.N. i dr. Sravnitel'nye karakteristiki indikatorov kachestva i urovnya zhizni v rossijskih regionah: sub'ekty, federal'nye okruga, Arktika // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii, 2017, №1 (203)
2. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odincova E.V. i dr. Regional'noe neravenstvo v kachestve i urovne zhizni naseleniya Rossii (2007 g.) // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2009, №1-2
3. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. Monitoring dohodov i urovnya zhizni. 2015.
4. Valentej S.D. i dr. Trendy razvitiya rossijskih regionov. EHkonomika regiona. 2014, №3 (39).
5. Doklad o chelovecheskom razvitii v RF za 2017 g. / pod. red. S.N. Bobyleva i L.M. Grigor'eva. M.: Analiticheskij centr pri Pravitel'stve RF, 2017.
6. Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossijskoj Federacii za 2013 g. Ustoichivoe razvitie: vyzovy Rio. – M., 2013.
7. Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Rossijskoj Federacii za 2010 g. Celi razvitiya tysyacheletiya v Rossii: vzglyad v budushchee. – M., 2010.
8. Regiony Rossii. Social'no – ehkonomicheskie pokazateli. 2017.
9. Zubarevich N.V. Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya. – M.: Nezavisimyj institut social'noj politiki, 2010. – 160 s.
10. Kachestvo i uroven' zhizni naseleniya v novej Rossii (1991–2005 gg.). M.: VCUZH, 2007, 719 s.
11. Klassifikatsiya stran Vsemirnym bankom po standartam dushevoe VVP (v doll.) po paritetu pokupatel'noj sposobnosti (PPS) k rublyu po sostoyaniyu na 1 iyulya 2017g. <http://blogs.worldbank.org/opendata/new-country-classifications-2017>
12. Malkina M.YU. Issledovanie vzaimosvyazi urovnya razvitiya i stepeni neravenstva dohodov v regionah Rossijskoj Federacii. EHkonomika regiona. - 2014, №2.
13. Najden S.N., Belousova A.V. Metodicheskij instrumentarij ocenki blagosostoyaniya naseleniya: mezhregional'nye сопоставления. EHkonomika regiona. - 2018, t. 14., vyp.1
14. Nacional'nye doklady PROON v period 1995–2013 gg. <http://www.undp.ru/index.php?iso=RU&lid=2&cmd=publications1&id=49>.

14. Национальные доклады ПРООН в период 1995-2013 гг. <http://www.undp.ru/index.php?iso=RU&lid=2&cmd=publications1&id=49>.
15. Национальная экономика: учебник / под ред. П.В. Савченко. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2018. 806 с. Гл. 12. Межрегиональное неравенство качества и уровня жизни в Российской Федерации.
16. Национальная экономика: учебник / под ред. П.В. Савченко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2016. 839 с. Гл. 45. Межрегиональное неравенство качества и уровня жизни: состояние и вектор развития.
17. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014 г.
18. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.
19. Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития: монография / отв. ред. Р.С. Гринберг, П.В. Савченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2016. 460 с. Глава 44. Межрегиональное неравенство уровня жизни: состояние и вектор развития.
20. Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития: монография / отв. ред. Р.С. Гринберг, П.В. Савченко; рук. авт. колл. П.В. Савченко. М.: ИНФРА-М, 2014. 416 с. Глава 33. Межрегиональное неравенство уровня жизни: состояние и вектор развития.
21. ПРООН. Доклад о человеческом развитии. 2013.
22. Социальная политика, уровень и качество жизни: Словарь / Под общ. ред. В.Н. Бобкова. 2-е изд., дополненное и переработанное. М.: ВЦУЖ, «Русак», 2014.
23. Долгушкин Н.К. Проблемы территориально-отраслевого разделения труда в АПК и их влияние на социально-трудовую сферу села (на примере Оренбургской области). Сб. мат-в науч.-практ. конф. «Повышение эффективности АПК в системе социально-ориентированных сельских территорий». Воронеж, 2015.
24. Долгушкин Н.К. Совершенствование размещения производительных сил в АПК важнейший фактор устойчивого развития сельских территорий. // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. №2. 2015.
15. Nacional'naya ehkonomika: uchebnik / pod red. P.V. Savchenko. - 5-e izd., pererab. i dop. - M.: INFRA-M, 2018. 806 S. Gl. 12. Mezhregional'noe neravenstvo kachestva i urovnya zhizni v Rossijskoj Federacii.
16. Nacional'naya ehkonomika: uchebnik / pod red. P.V. Savchenko. - 4-e izd., pererab. i dop. - M.: INFRA -M, 2016. - 839 s. Gl. 45. Mezhregional'noe neravenstvo kachestva i urovnya zhizni: sostoyanie i vektor razvitiya.
17. Regiony Rossii. Social'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2014 g.
18. Regiony Rossii. Social'no - ehkonomicheskie pokazateli. 2017: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.
19. Rossijskaya social'no - ehkonomicheskaya Sistema: realii i vektory razvitiya: monografiya/otv. red. R.S. Grinberg, P.V. Savchenko. - 2-e izd., pererab. i dop. - M.: INFRA-M, 2016. -460 s. Glava 44. Mezhregional'noe neravenstvo urovnya zhizni: sostoyanie i vektor razvitiya.
20. Rossijskaya social'no - ehkonomicheskaya Sistema: realii i vektory razvitiya: monografiya/otv. red. R.S. Grinberg, P.V. Savchenko; ruk. avt. koll. P.V. Savchenko. - M.: INFRA -M, 2014. -416 s. Glava 33. Mezhregional'noe neravenstvo urovnya zhizni: sostoyanie i vektor razvitiya.
21. PROON. Doklad o chelovecheskom razvitii. 2013
22. Social'naya politika, uroven' i kachestvo zhizni: Slovar'/ Pod obshch. red. V.N. Bobkova. - 2-e izd., dopolnennoe i pererabotannoe. M.: VCUZH, «Rusaki», 2014.
23. Dolgushkin N.K. Problemy territorial'no-otralevogo razdeleniya truda v APK i ih vliyanie na social'no-trudovuyu sferu sela (na primere Orenburgskoj oblasti). Sb. mat-v nauch.-prakt. konf. «Povyshenie ehffektivnosti APK v sisteme social'no-orientirovannykh sel'skih territorij». Voronezh, 2015.
24. Dolgushkin N.K. Sovershenstvovanie razmeshcheniya proizvoditel'nykh sil v APK vazhnejshij faktor ustojchivogo razvitiya sel'skih territorij. M. -EHkonomika, trud, upravlenie v sel'skom hozyajstve, №2, 2015.

Государственные финансы и качество жизни населения регионов (на примере ДФО)

Public Finances and the Quality of Life of the Population in Regions (Considering an Example of the Russian Far East)

Получено: 11.02.2018

Одобрено: 27.02.2018

Опубликовано: 14.05.2018

УДК: 332.1

DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10003

КАДОМЦЕВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Адрес: Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д.1 стр. 46, экономический факультет
Email: skadomtseva@mail.ru

Kadomtseva, SV.

PhD in Economics, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University
Address: 1/46 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russian Federation
Email: skadomtseva@mail.ru

ПИВКИНА НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА

аспирант экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Адрес: Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д.1 стр. 46, экономический факультет
Email: natasha.pivkina@mail.ru

Pivkina, NYu.

Postgraduate Student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University
Address: 1/46 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russian Federation
Email: Natasha.pivkina@mail.ru

Аннотация

Объект исследования. Качество жизни населения в регионах Дальневосточного федерального округа.

Предмет исследования. Оценка социально-экономических показателей качества жизни населения в регионах Дальневосточного федерального округа.

Цель исследования. Проанализировать на основе социально-экономических показателей регионов качество жизни населения по важнейшим составляющим и сравнить их с аналогичными показателями по ДФО и России в целом.

Основные положения статьи. Важнейшим условием улучшения демографических процессов в регионах ДФО становится повышение качества жизни. Перед руководителями регионов стоит задача повышения социально-экономических показателей выше среднероссийских для сохранения квалифицированных кадров в регионе. В статье проводится анализ уровня рождаемости и смертности, уровня внешней и внутренней миграции, денежных доходов населения, уровня бедности, уровня безработицы и инфляции. Улучшение транспортной доступности для регионов, обладающих огромной территорией и негативными миграционными процессами стимулирует закрепление населения.

Ключевые слова: качество жизни населения, регионы Дальнего Востока, региональная экономика, социально-экономическое развитие регионов, государственные финансы, транспортная инфраструктура.

Abstract

The Object of the Study. Quality of life of the population in the Russian Far East.

The Subject of the Study. Assessment of socioeconomic indicators of the quality of life in the regions of the Russian Far East.

The Purpose of the Study. Analyzing the quality of life of the population on the most important components based on socioeconomic indicators of regions and comparing them with similar indicators for the Russian Far East Federal Okrug and Russia as a whole.

The Basic Provisions of the Article. An important condition for improving demographic processes in the regions of the Russian Far East is the improvement of the quality of life. Prior to the leaders of the regions is the task of increasing socioeconomic indicators above the national average for the preservation of skilled personnel in the region. The birth rate and mortality rate, the level of external and internal migration, the monetary incomes of the population, the level of poverty, unemployment and inflation are analyzed. Improving transport accessibility for regions that have a huge territory and negative migration processes stimulates the consolidation of the population.

Keywords: quality of life of the population, regions of the Far East, regional economy, socioeconomic development of regions, public finances, transport infrastructure.

Одной из приоритетных задач правительства является обеспечение достойного уровня и качества жизни населения. В Стратегии национальной безопасности России под повышением качества жизни понимается «развитие человеческого потенциала, удовлетворение материальных,

социальных и духовных потребностей, снижение уровня социального и имущественного неравенства населения, прежде всего, за счет роста доходов населения» [14]. Основные исследования качества жизни населения Дальнего Востока, нашли отражение в ряде научных работ Авдеева Ю.А. [1],

Бобкова В.Н. [3], Мотрич Е.Л. [10], Набережной А.Н. [12]. Вместе с тем, развитие социальной инфраструктуры и влияние социально-экономических факторов на качество жизни приобретают особую актуальность для закрепления населения в современных условиях.

План развития Дальневосточного федерального округа (ДФО) предполагает обеспечение потребности в трудовых ресурсах и создание условий для закрепления населения в регионе. Важную роль в осуществлении этих задач должны сыграть федеральный и региональный бюджеты, позволяющие осуществить финансирование программ, направленных на улучшение демографической ситуации, снижение бедности, неравенства и безработицы, повышение качества жизни населения, развитие человеческого потенциала. Проведение эффективной социальной политики на региональном и муниципальном уровне будет способствовать формированию работника, адекватного требованиям новой экономики [Кадомцева, 2016, 8].

ДФО состоит из 9 субъектов и имеет общую площадь 6 169 тыс. кв. км (36,4% территории России). Численность населения в регионе по состоянию на 1 января 2017 г. составляла 6182,7 тыс. человек (4,2% населения России). Поскольку часть территории относится к районам Крайнего Севера в северных и центральных регионах Дальнего Востока плотность населения не превышает 0,1-0,2 чел./кв. км.

Один из самых развитых регионов ДФО – Хабаровский край, где средняя плотность населения составила 1,69 чел./кв. км (см. табл. 1) В столице субъекта – Хабаровске, который является также административным центром ДФО, проживает почти половина населения края. В состав ДФО входят 67 городов, среди них 2 крупнейших с населением от 500 тыс. до 1 млн. чел. – Владивосток и Хабаровск; 2 крупных (от 250 тыс. до 500 тыс. чел.) – Якутск и Комсомольск-на-Амуре, 6 больших и 6 средних, а также 50 малых с населением менее 50 тыс. жителей.

Самым крупным по площади субъектом РФ и ДФО является республика Саха (Якутия). Несмотря на обширную территорию, более 40% территории расположено за Северным полярным кругом, средняя плотность населения составляет 0,32 чел./кв. км, что в десятки раз ниже, чем в европейских регионах РФ. В субъекте отмечается стабильный естественный прирост населения в 2016 году, несмотря на суровые климатические условия, что связано с высоким коэффициентом рождаемости. В целом по ДФО уровень рождаемости выше среднероссийского, но при этом существуют значительные межрегиональные различия.

С одной стороны, это Республика Саха (Якутия), Сахалинская область и Чукотский автономный округ, в которых суммарный коэффициент рождаемости выше 2,0, а с другой – Магаданская область, где величина этого показателя существенно ниже среднероссийской [Архангельский В.Н. и др., 2017, 2, с. 48].

Высокие показатели смертности в большинстве регионов связаны со структурой населения. Во всех регионах, кроме республики Саха (Якутия) и ЧАО доля пожилых людей превышает долю молодежи.

Наибольшая численность населения ДФО проживает в Приморском крае, который имеет более высокую плотность населения по сравнению с другими субъектами ДФО – 11,68 чел./кв. км (в среднем по округу – 1 чел./кв. км) Однако численность населения в регионе с каждым годом сокращается, это происходит как за счет естественной убыли населения, так и за счет миграции (см. табл. 2). Отток трудоспособного населения является одной из ключевых проблем Дальнего Востока, чему способствует социально-демографическая ситуация и ухудшение качества жизни в регионе. Положительный естественный прирост населения сохраняется в Камчатском и Хабаровском краях, Сахалинской области, Чукотском автономном округе. Самые высокие показатели смертности остаются в Еврейской автономной области – 15,2 %, Приморском крае – 13,6%, Амурской области – 13,7 %. Наибольшая доля жителей старше трудоспособного возраста в Приморском и Хабаровском краях, Амурской, Сахалинской областях и Еврейской автономной области.

Во всех дальневосточных регионах сохраняется отрицательное сальдо миграции, высокие показатели оттока в Чукотском автономном округе и Еврейской автономной области. Значительная часть населения перемещается в города – административные центры, что связано с более развитой социальной инфраструктурой, высокой транспортной доступностью. Наиболее предпочтительным для выезжающих из ДФО в регионы России является ЦФО, куда в 2010 г. выехало 30,9% от общего числа дальневосточников, 15,2% мигрантов убыло в ЮФО [Мотрич, 2013, 10, с. 35]. Дальний Восток выполняет роль донора для восполнения населения других субъектов России, что приводит к сокращению трудовых ресурсов в регионе. Главную угрозу составляет отток из округа квалифицированной части трудового потенциала в активном трудовом возрасте [Авдеев Ю.А. и др., 2017, 1, с. 19].

Самая восточная территория федерального округа и единственная область, полностью рас-

Таблица 1

Основные социально-экономические характеристики субъектов ДФО*

	Площадь, тыс. км	Численность населения на 1 янв. 2017 г., тыс. чел.	Плотность населения, чел./кв. км	Валовый региональный продукт в 2015 г., млн. руб.	Валовый региональный продукт на душу населения в 2015 г., тыс. руб.
Республика Саха (Якутия)	3083,5	962,8	0,31	749987,5	779,0
Камчатский край	464,3	314,7	0,68	171900,1	546,2
Приморский край	164,7	1923,1	11,67	716650,0	372,7
Хабаровский край	787,6	1333,3	1,69	571524,8	428,7
Амурская область	361,9	801,8	2,21	276877,1	345,3
Магаданская область	462,5	145,6	0,31	124596,9	855,7
Сахалинская область	87,1	487,4	5,60	829298,6	1701,47
Еврейская автономная область	36,3	164,2	4,52	44873,3	273,3
Чукотский автономный край	721,5	49,8	0,07	63910,2	1283,3
Дальневосточный федеральный округ	6169,3	6182,7	1,00	3549618,5	574,12

* Приведенные в данной таблице и дальнейшие показатели рассчитаны на основе данных Росстата (Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. М.: Росстат) [13].

Таблица 2

Показатели естественного движения населения регионов Дальнего Востока в 2016 г.

	Коэффици- енты рож- даемости, промилле	Коэффи- циенты смертности, промилле	Коэффици- енты есте- ственного прироста / убыли	Коэффици- енты миграцион- ного прироста	Структура населения		
					Население моложе трудо- способного возраста	Население трудо- способного возраста	Население старше трудо- способного возраста
Республика Саха (Якутия)	16,0	8,4	7,6	-43	24,8	58,8	16,4
Камчатский край	12,9	11,5	1,4	-57	18,7	61,0	20,3
Приморский край	12,2	13,6	-1,4	-17	17,6	58,1	24,3
Хабаровский край	13,4	13,1	0,3	-12	18,4	58,9	22,7
Амурская область	12,9	13,7	-0,8	-41	20,3	57,1	22,6
Магаданская область	11,2	11,4	-0,2	-51	18,7	60,4	20,9
Сахалинская область	14,2	13,1	1,1	-10	19,2	57,7	23,1
Еврейская автономная область	13,4	15,2	-1,8	-97	21,0	56,5	22,5
Чукотский автономный округ	13,6	10,0	3,6	-103	22,9	63,2	13,9
Дальневосточ- ный федераль- ный округ	13,3	12,5	0,8	-28	19,6	58,4	22,0

положенная на островах – Сахалинская область, имеет важное экономическо-географическое положение. По объему ВРП в 2015 г. Сахалинская область занимает 1-е место среди регионов Дальнего Востока и 19-е место по России. Основные отрасли специализации области связаны с нефтегазовой, рыбной, горнодобывающей и лесной промышленностью. По объему ВРП на душу населения показатели области почти в 3 раза превышают значения по ДФО, что связано с высокими доходами от добычи полезных ископаемых.

Положительная динамика объема ВРП была в республике Саха (Якутия). Основными отраслями специализации области является добыча полезных ископаемых (около половины ВРП), транспорт и связь, строительство; оптовая и розничная торговля. Республика занимает лидирующие позиции в России по добыче алмазов, также здесь находится около 20% от общероссийских запасов золота, однако большая часть сосредоточена в трудных для освоения территориях.

Экономика Дальнего Востока представляет собой многоотраслевое хозяйство, включающее такие виды деятельности, как: добыча полезных ископаемых, рыболовство и рыбоводство, лесное и сельское хозяйство, транспорт и связь, оптовая и розничная торговля и др. Рост ВРП за последние годы был связан с изменением структуры ВРП и увеличением таких видов деятельности, как: рыболовство и рыбоводство, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг.

Структура занятости населения ДФО определяет более высокие, чем по России среднедушевые денежные доходы населения. (кроме Еврейской АО) В то же время максимальное соотношение среднедушевых денежных доходов с ПМ составляет 415,2% в Сахалинской области, а минимальное – 213,5% в Еврейской АО. По среднедушевому денежному доходу Дальний Восток превосходит среднероссийский показатель. Однако по сравнению с другими федеральными округами «существует значительный «разрыв» между общим развитием экономики и доходами населения» [Мотрич, 2017, 11].

Стоимость жизни на Дальнем Востоке продолжает оставаться одной из самых дорогих. Для всех регионов показатели ПМ выше общероссийского, самое низкое значение составляет 12028 руб. в Амурской области, что превышает среднероссийский показатель на 15%. (см. табл. 3) Самыми дорогими регионами традиционно являются Камчатский край и Чукотский АО, а также Магаданская область. Значение ПМ в этих регионах близки к Ненецкому автономному округу

и Ямало-ненецкому автономному округу [Бобков, 2017, 2].

По итогам 2016 года уровень инфляции ниже 4% был зафиксирован в 8 субъектах РФ, в том числе в Магаданской области. Невысокий уровень инфляции в большинстве регионов объясняется активной политикой правительства. В Еврейской АО уровень инфляции существенно превысил средние значения по региону. Более высокая инфляция связана с транспортными расходами, характерными для труднодоступных регионов. Уровень безработицы в ДФО – 5,8%, что примерно равно общероссийскому. Более высокий уровень отмечается в Еврейской АО, при этом 49,4% безработных ищут работу уже более 12 месяцев. В округе почти третья часть безработных ищут работу более одного года.

В Хабаровском крае, Сахалинской области и Чукотском АО сохраняется более низкий уровень бедности по сравнению с большинством регионов Дальнего Востока. Снижению количества населения, живущего ниже уровня ПМ, способствовал рост доходов населения и усиление экспортной ориентации экономики. Для северных и восточных регионов с высокой стоимостью жизни остается высокий риск бедности пожилого населения, пенсии которых остаются низкими.

Бюджетная политика региональных правительств направлена на реализацию задач социально-экономического развития ДФО, поставленных в стратегиях и программах, при этом предполагается обеспечение сбалансированности и устойчивости бюджетной системы субъектов [3, 8, 11]. По итогам 2016 г. только в Амурской области доходы превышали расходы бюджета (см. табл. 4). Большую долю в доходах занимали поступления от налога на доходы физических лиц, произошло увеличение налога на прибыль организации и налога на имущество в структуре доходов. Расходы регионального бюджета в предыдущие годы были больше, чем доходы, однако политика сдерживания расходов привела к снижению дефицита бюджета. Темпы роста финансирования социальных расходов, которые традиционно составляют половину бюджета, стали замедляться (расходы на здравоохранение, физическую культуру и спорт уменьшились почти в 2 раза).

В Приморском крае наибольшую часть доходов составляют налоговые поступления – около 79 %, из них наибольшая доля приходится на НДФЛ (46%), что связано с высокой численностью занятого населения; около 20% составляет налог на прибыль организаций, налог на имущество – 15 % и др. дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности. Большая часть доходов

Таблица 3

Уровень и качество жизни населения регионов Дальнего Востока в 2016 г.

	Среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.	Соотношение среднедушевых денежных доходов с ПМ, %	Уровень безработицы, %*	Удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, %	Уровень бедности, %	Уровень инфляции, %
Республика Саха (Якутия)	38933	300,8	7,2	27,6	19,8	6,0
Камчатский край	41054	241,3	4,5	20,2	18,9	5,7
Приморский край	32446	289,9	6,9	36,7	15,7	5,1
Хабаровский край	37461	330,7	5,3	28,9	12,7	5,2
Амурская область	29653	294,7	5,8	38,1	16,1	5,0
Магаданская область	50753	326,1	4,3	30,0	13,3	3,7
Сахалинская область	49599	415,2	6,3	26,7	9,9	4,8
Еврейская автономная область	23718	213,5	7,9	49,4	25,1	6,7
Чукотский автономный округ	63909	482,2	4,0	27,4	9,1	5,9
Россия	30744	370,1	5,5	29,6	13,4	5,4

* Уровень безработицы определен по данным выборочных обследований рабочей силы, в среднем за год.

Таблица 4

Структура бюджетов регионов Дальнего Востока в 2016 г.

	Доходы, млн. руб.	Расходы, млн. руб.	Дефицит / Профицит, млн. руб.	Объем доходов бюджета на душу населения, тыс. руб.
Республика Саха (Якутия)	196187,2	203726,7	-7539,5	203,76
Камчатский край	72039,3	72624,4	-585,1	228,9
Приморский край	112869,64	108222	-4647,6	58,7
Хабаровский край	101794	106430	-4636	76,35
Амурская область	57804	54293	+3511	72,1
Магаданская область	32919,6	33755,5	-836,5	233,0
Сахалинская область	156012,4	159270,4	-3258	320,1
Еврейская автономная область	11352,2	12090,2	-738	69,14
Чукотский автономный округ	32964,0	30162,5	2801,5	661,93

консолидированного бюджета Хабаровского края представлена налоговыми поступлениями – 77%, безвозмездными доходами – 17% и неналоговыми доходами.

По общему объему доходов консолидированного бюджета республика Саха (Якутия) занимает 11 место и 7 место по объему полученных межбюджетных трансфертов среди субъектов РФ в 2016 году. В структуре доходов бюджета 22 % от

общих доходов региона составили дотации; 20 % - налог на прибыль организации; 15 % - НДС/Л. Дефицит бюджета составил 7751,5 млн. рублей, что соответствует 1% ВРП. Также наиболее дотационными регионами остаются Камчатский край (более 60 % доходов бюджета приходится на трансферты), Чукотский автономный округ (около 50 % трансфертов). В структуре межбюджетных трансфертов дотации на выравнивание бюджет-

ной обеспеченности для большинства региональных бюджетов составляют основную долю, что характерно для дальневосточных регионов.

Сахалинская область находится на 18 месте по общему объему доходов и на 78 месте по объему полученных межбюджетных трансфертов среди субъектов РФ. Таким образом, регион является наименее дотационным по всем видам межбюджетных трансфертов. Однако, если учитывать, что численность населения составляет 487,4 тыс. человек, то объем доходов на душу населения около 340 тыс. рублей. Основными источниками доходов бюджета региона являются: налог на прибыль организации – около 54 % от общих доходов региона; налог на доходы физических лиц – 15 %.

В последние годы бюджетная политика в регионах ДФО была направлена на создание эффективной системы межбюджетных отношений, повышение эффективности средств бюджетных расходов, укрепление доходной части региональных бюджетов, оптимизацию уровня государственного долга. Необходимость нового построения экономических отношений между федеральным центром и регионами связывается с проблемой неравенства территорий [Евстигнева, 2014, 6]. Доходы бюджета на душу населения в год колеблются от 661,93 тыс. руб. в Чукотском автономном округе до 58,7 тыс. руб. в Приморском крае, что потребовало изменений в правила зачисления доходов от прибыли в региональные бюджеты.

Учитывая географические особенности ДФО, особое внимание следует уделять развитию инфраструктуры регионов. Функционирование объектов инфраструктуры в небольших и отдаленных населенных пунктах является необходимым условием региональных особенностей расселения населения [Набережная, 2017, 12, с. 173]. Социально-экономическое развитие территории напрямую зависит от уровня развития транспортного комплекса. Преимущества Дальнего Востока связаны с обеспеченностью природными ресурсами (минеральными, земельными и др.), а также с выгодным приграничным положением на путях мировой торговли. Барьерами развития для регионов остаются слабый инвестиционный климат, низкая мобильность населения, отсутствие трудовой мотивации, что подтверждается высокими показателями безработицы и высокими транспортными издержками.

Государственная политика должна быть направлена на стимулирование развития внутренних районов страны, локальных территорий с конкурентными преимуществами, прежде все-

го агломерационными и инфраструктурными, так как «регионы с конкурентными преимуществами обеспечивают более высокую отдачу от инвестиций, что помогает быстрее расти экономике всей страны» [Зубаревич, Сафронов, 2013, 7, с. 17].

Реализация инвестиционных проектов способствует созданию новых рабочих мест и притоку населения в регион. В настоящее время «большая часть инвестиций направлена на добычу полезных ископаемых, химию и нефтехимию, на втором месте – транспорт и логистика, далее туризм и сельское хозяйство» [7]. Повысить конкурентоспособность поможет переход к долгосрочным институциональным и инфраструктурным мерам поддержки. Строительство социальной инфраструктуры может реализоваться за счет привлечения частных инвестиций в рамках концессионных соглашений.

Сдерживающий фактор территориального и экономического развития ДФО – транспортная инфраструктура. Ограничения транспортной инфраструктуры препятствуют росту грузовых и пассажирских перевозок (ограниченный период навигации). В Республике Саха (Якутия) только 58% населенных пунктов имеют круглогодичную наземную связь с центрами районов. [Набережная, 2017, 12, с. 173] Зависимость территорий на Дальнем Востоке от торговли с Китаем по-прежнему, остается весьма высокой. Например, в 2010 году доля импорта из Китая составляла: Хабаровск (51%), Приморье (62%), Амур (90%) и Еврейский автономный округ (96%). В последнее десятилетие порты Владивостока и Находки в Приморье стали крупными импортерами японских и южнокорейских автомобилей и запчастей. [Thornton, Judith, 2011, 17]

Развитие транспортной инфраструктуры приводит к улучшению качества жизни населения, повышает привлекательность регионов для инвесторов. Осуществление транзитных перевозок и пассажирских перевозок создает координационные центры устойчивой экономической деятельности, новые позиции в сфере занятости, что стимулирует рост налоговых и неналоговых доходов региональных бюджетов [Tsvetkov, 2012, 18].

Программа финансирования транспортной инфраструктуры представлена в табл. 5. Наибольшая доля финансирования в регионах ДФО приходилась в 2016 г. на дорожное хозяйство. В 2019 г. ожидается, что рост доли расходов ДФО на эту программу будет превышать федеральные расходы более, чем в 2 раза. Объем государственной поддержки на развитие авиации почти сравнялся со средствами на ДФО.

Таблица 5

Финансирование транспортной инфраструктуры ДФО

	2016		2019	
	РФ, млрд. руб.	Доля ДФО, %	РФ, млрд. руб.	Доля ДФО, %
Железнодорожный транспорт	124,8	0	94,3	0
Авиация	61,5	9	28,5	24
Речной и морской транспорт	55	6	49,5	9
Дорожное хозяйство (межбюджетные трансферты)	136,5	21	23,5	55
Всего	377,8	10	195,8	12

В 2016 году функционирование транспортного комплекса Дальнего Востока выразилось в росте количественных показателей транспортной работы, однако существенных положительных изменений качественных характеристик достигнутых величин не произошло [16]. В настоящее время предусмотрено предоставление субсидии на обеспечение доступности воздушных перевозок пассажиров с Дальнего Востока в европейскую часть страны и в обратном направлении. На эти цели в 2017 г. было выделено 2965,6 млн. рублей. Кроме того, предусмотрена государственная поддержка транспортных расходов федеральных казенных предприятий, расположенных в районах крайнего Севера.

Развитие транспортной доступности, дотация населению на билеты будет способствовать усилению миграционной подвижности населения, что может привести как к притоку трудовых мигрантов на Дальний Восток, так и оттоку населения с высокими образовательными и квалификационными характеристиками. Только повышение качества жизни населения, создание благоприятной образовательной, культурной, рекреационной инфраструктуры, развитие здравоохранения будут способствовать положительному решению вопроса о трудовом потенциале, необходимом для успешного социально-экономического развития этого перспективного региона страны.

Список литературы

1. Авдеев Ю.А., Сидоркина З.И., Ушакова В.Л. Территориальная структура демографического потенциала российского Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2017. №2(204). С. 16-22.
2. Архангельский В.Н., Джанаева Н.Г., Елизаров В.В. Региональные различия рождаемости на Дальнем Востоке // Уровень жизни населения регионов России. 2017. №2(204). С. 41-50.
3. Бобков В.Н., Бобков Н.В. Развитие потенциала человека и качества жизни как условие процветания Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2017. №2(204). С. 141-148.
4. Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N 308 [Эл. ресурс]: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.11.2017).
5. Дальний Восток Время инвестировать Ведомости №7(12) / 06.09.2017 [Эл. ресурс]: URL:<http://mediator-rus.com/images/Vedomosti-VEF-2017.pdf> (дата обращения 16.12.2017).
6. Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Контуры нового экономического пространства // Вопросы экономики. 2014. №11. С. 140–155.
7. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России

References

1. Avdeev Ju.A., Sidorkina Z.I., Ushakova V.L. Territorial'naja struktura demograficheskogo potenciala rossijskogo Dal'nego Vostoka // Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii. 2017. №2(204). S. 16-22.
2. Arhangel'skij V.N., Dzhanajeva N.G., Elizarov V.V. Regional'nye razlichija rozhdaemosti na Dal'nem Vostoke // Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii. 2017. №2(204). S. 41-50.
3. Bobkov V.N., Bobkov N.V. Razvitie potenciala cheloveka i kachestva zhizni kak uslovie процветания Dal'nego Vostoka // Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii. 2017. №2(204). S. 141-148.
4. Gosudarstvennaja programma RF «Social'no-jekonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona» Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15 aprelja 2014 g. N 308 [Jel. resurs]: <http://www.consultant.ru/> (data obrashhenija: 30.11.2017).
5. Dal'nij Vostok Vremja investirovat' Vedomosti №7(12) / 06.09.2017 [Jel. resurs]: URL:<http://mediator-rus.com/images/Vedomosti-VEF-2017.pdf> (data obrashhenija 16.12.2017).
6. Evstigneeva L., Evstigneev R. Kontury novogo jekonomicheskogo prostranstva // Voprosy jekonomiki. 2014. № 11. S. 140–155.
7. Zubarevich N.V., Safronov S.G. Neravenstvo social'no-jekonomicheskogo razvitija regionov i gorodov Rossii 2000-h godov: rost ili snizhenie? // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2013. №6. S. 15-26.

2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. №6. С. 15-26.

8. *Кадомяева С.В., Палочкина В.В.* Модели финансирования развития человеческого потенциала при переходе к информационному обществу // Социальная политика и социальное партнерство. 2016. №3. С. 10-23.

9. Концепция развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 октября 2015 года N 2193-р [Эл. ресурс]: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.11.2017)

10. *Мотрич Е.Л.* Народонаселение Дальнего Востока России: настоящее и будущее // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2013. № 1(167). С. 29-36.

11. *Мотрич Е.Л.* Оценка миграционной ситуации на Дальнем Востоке России: 1991–2016 гг. // Уровень жизни населения регионов России. 2017. №2(204). С. 70-77.

12. *Набережная А.Н.* Оценка влияния социально-демографических факторов на уровень жизни населения региона // Уровень жизни населения регионов России. 2017. №2(204). С. 169-174.

13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. М.: Росстат.

14. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [Эл. ресурс]: Указ Президента РФ от 31.12.2015 No 683. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.11.2017).

15. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года [Эл. ресурс]: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.12.2009 No 2094-р. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.11.2017).

16. Что происходит в экономике ДФО? [Эл. ресурс]: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3283203> (дата обращения 10.12.2017).

17. Thornton, Judith A. (2011) Institutional Change and Economic Development in Siberia and the Russian Far East. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1943814> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1943814>

18. *Tsvetkov V.A., Zoidov K. Kh., Medkov A.A.* (2012) Problems of economic security in Russian transportation and intermediate carrier infrastructure // Journal Economy of Region №1, p. 100-109.

8. *Kadomceva S.V., Palochkina V.V.* Modeli finansirovaniya razvitiya chelovecheskogo potenciala pri perehode k informacionnomu obshhestvu // Social'naja politika i social'noe partnerstvo. 2016. №3. S. 10-23.

9. Konceptij razvitiya prigranichnyh territorij sub#ektov Rossijskoj Federacii, vhodjashhij v sostav Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga, utverzhdennoj rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28 oktjabrja 2015 goda N 2193-r [Jel. resurs]: <http://www.consultant.ru/> (data obrashhenija: 30.11.2017).

10. *Motrich E.L.* Narodonaselenie Dal'nego Vostoka Rossii: nastojashhee i budushhee // Vestnik Dal'nevostochnogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk. 2013. № 1(167). S. 29-36.

11. *Motrich E.L.* Ocenka migracionnoj situacii na Dal'nem Vostoke Rossii: 1991–2016. // Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii. 2017. №2(204). S. 70-77.

12. *Naberezhnaja A.N.* Ocenka vlijaniya social'no-demograficheskijh faktorov na uroven' zhizni naselenija regionov Rossii. 2017. №2(204). S. 169-174.

13. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2017: stat. sb. M.: Rosstat.

14. Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Jel. resurs]: Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.2015 No683. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashhenija: 30.11.2017).

15. Strategija social'no-jekonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona na period do 2025 goda [Jel. resurs]: Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29.12.2009 No2094-r. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashhenija: 30.11.2017).

16. Chto proishodit v jekonomike DFO? [Jel. resurs]: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3283203> (data obrashhenija 10.12.2017).

17. Thornton, Judith A. (2011) Institutional Change and Economic Development in Siberia and the Russian Far East. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1943814> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1943814>

18. *Tsvetkov V.A., Zoidov K. Kh., Medkov A. A.* (2012) Problems of economic security in Russian transportation and intermediate carrier infrastructure // Journal Economy of Region №1 pp. 100-109.

Ограниченность прожиточного минимума трудоспособного населения как инструмента регулирования минимального уровня трудовых доходов в России и ее арктическая специфика

Limitations of the Living Working-age Population As a Tool for Regulating the Minimum Level of Labour Incomes in Russia and Its Arctic Specificity

Получено: 13.02.2018 Одобрено: 05.03.2018 Опубликовано: 14.05.2018 УДК: 369.011.42 DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10004

ЗЛЕНКО ЕЛЕНА ГЕННАДЬЕВНА

Заместитель Председателя Законодательного собрания
Ямало-Ненецкого автономного округа.
Email: zlenko@zs-yamal.ru

ZLENKO, EG.

Deputy Chairman of the Legislative Assembly of the
Yamalo-Nenetskiy Avtonomnyy Okrug
Email: zlenko@zs-yamal.ru

Аннотация

Объект. Минимальный уровень трудовых доходов работающего населения.

Предмет. Прожиточный минимум трудоспособного населения.

Цель. Выявление основных признаков ограниченности прожиточного минимума трудоспособного населения как инструмента регулирования минимальных трудовых доходов и их арктической специфики.

Основные положения статьи. В механизме регулирования минимальных доходов, действующем в России, прожиточный минимум трудоспособного населения предназначен для обоснования гарантированного государством минимального размера оплаты труда. Основные дискуссии разворачиваются вокруг вопросов, раскрывающих ограниченность прожиточного минимума трудоспособного населения как регулятора минимальных доходов. Его уязвимость исходит из методологии определения и проявляется как в нормах потребления, так и в степени соответствия товарных наборов современным реалиям. Другая, не менее важная сторона ограниченности прожиточного минимума трудоспособного населения, связана со способом его исчисления, который с 2013 г. изменен с нормативного на нормативно-статистический. Вектор действия ограниченности регулятора направлен на снижение уровня минимальных доходов. Регионы Арктики, расположенные в сложных для проживания климатических условиях, существенно отличаются от других российских регионов по характеристикам потребления населения, которые для северян выше. Поэтому ограниченность прожиточного минимума трудоспособного населения как инструмента регулирования минимальных доходов для Арктики является более значимой. Кроме того, значимость усиливается из-за снижения стимулирующей функции минимального размера оплаты труда, связанного с порядком начисления северных выплат. На арктическом рынке труда это содействует распространению политики дешевого труда, а на домохозяйственном уровне финансовые затруднения ведут к невыполненным финансовым обязательствам по установленным платежам. Негативные последствия сказываются на уровне социальной устойчивости и на уровне освоения Арктической зоны. На фоне других арктических стран мира российская Арктика заметно отстает в этом. Одним из факторов влияния на ускорение позитивных изменений в Арктике является использование наиболее успешного зарубежного опыта финансового регулирования, в том числе опыта учета экономических интересов

Abstract

Object. The minimum level of labour incomes of the working population

Subject. Subsistence level of the able-bodied population.

Purpose. Identification of the main signs of the limited subsistence level of the able-bodied population as a tool for regulating minimum labour incomes and their Arctic specificity.

The Main Provisions of the Article. In the mechanism of regulation of the minimum incomes operating in Russia, the subsistence level of the able-bodied population is intended to justify the minimum wage guaranteed by the state. The main discussions are held around issues revealing the limited living wage of the able-bodied population as a regulator of the minimum income. Its vulnerability comes from the methodology of definition and is manifested both in the norms of consumption, and in the degree to which the commodity sets correspond to contemporary realities. Another, no less important side of the limitation of the subsistence level of the able-bodied population, is related to the method of calculating it, which has been changed since 2013 from normative to normative-statistical. The vector of the regulator's limitations is aimed at reducing the level of minimum income. Regions of the Arctic, located in difficult climatic conditions for living, are significantly different from other Russian regions in terms of consumption characteristics of the population, which are higher for northerners. Therefore, the limited subsistence level of the able-bodied population as an instrument for regulating the minimum income for the Arctic is more significant. In addition, the significance is strengthened by the reduction in the incentive function of the minimum payment for a fee associated with the procedure for calculating northern payments. In the Arctic labour market, this promotes the spread of cheap labour policies, and at the household level, financial difficulties lead to outstanding financial obligations for established payments. Negative consequences affect the level of social sustainability and the level of development of the Arctic zone as well. Against the background of other arctic countries in the world, the Russian Arctic lags behind in this aspect. One of the factors influencing the acceleration of positive changes in the Arctic is the use of the most successful foreign experiences of financial regulation, including the experience of taking into account the economic interests of the family in the policy of income. The work was carried out on the basis of an analysis of normative legal acts, a database of state statistics and publications on the topic of open access research.

семьи в политике доходов. Работа выполнена на основе анализа нормативных правовых актов, базы данных государственной статистики и публикаций по теме исследования открытого доступа.

Ключевые слова: Арктика; бедность; минимальный размер оплаты труда; прожиточный минимум трудоспособного населения; регион, регулирование минимальных трудовых доходов.

Keywords: Arctic; poverty; the minimum wage; subsistence level of the able-bodied population; a region, regulation of minimum earnings

Введение

Регулирование минимального уровня доходов на рынке труда играет большую роль в обеспечении основных функций заработной платы – воспроизводственной, стимулирующей и социальной. Для России приоритетной является задача выравнивания гарантированного государством минимального размера оплаты труда с величиной прожиточного минимума трудоспособного населения, определяющего стоимость жизни данной категории населения с учетом динамики потребительских цен.

Особенность такого механизма регулирования состоит в том, что используемый для обоснования минимального размера оплаты труда показатель является уязвимым как по методологии его формирования, так и по способу исчисления. В целом это проявляется в его ограниченности, что работает на понижение гарантированного уровня минимальных доходов на рынке труда.

Основные дискуссии по вопросам методологического характера касаются ограниченности нормативной составляющей потребления и степени соответствия товарных наборов современным реалиям. Способ исчисления величины прожиточного минимума, изменившийся с 2013 г. в связи с переходом с нормативного на нормативно-статистический, также находится в центре внимания и рассматривается с позиции влияния неравномерного роста потребительских цен на ограниченность прожиточного минимума.

Существенные региональные расхождения величины прожиточного минимума обусловили дискуссионный характер вопроса о сценариях повышения минимального размера оплаты труда – устанавливать его в едином формате для всех регионов или дифференцированно. Российские ученые – Бобков В.Н., Аникеев С.Д., Локтюхина Н.В., Рожков В.Д., Пироженов Е.А., Демидов И.Ф. – по результатам анализа состояния рынка труда и прогноза его развития в России, который представили в своей публикации, указывают на возможность применения дифференцированного подхода к регулированию минимального уровня оплаты труда, поскольку в нашей стране и на региональном уровне

и по видам экономической деятельности созданы условия для этого [Бобков, 2015, 3, с. 13].

Для северных регионов, и в этом они отличаются от других субъектов Российской Федерации, особое место занимает проблема учета северных коэффициентов и надбавок при установлении минимального размера оплаты труда. Система их начисления досталась в наследство от СССР и, по мнению экспертов, она давно устарела и требует обновления. Как показали представленные в работе Корчак Е.А. результаты научного исследования по изучению уровня жизни населения регионов Севера и Арктики, проблемы рынков труда негативно сказываются на уровне социальной устойчивости северных регионов [Корчак, 2015, 8, с. 608].

Результаты научных исследований, выполненных в рамках проекта Российского научного фонда «Программно-целевое управление комплексным развитием Арктической зоны РФ» и представленных в коллективной монографии под ред. акад. В.В. Ивантера, раскрывают важнейшие проблемы освоения российской Арктики с использованием сравнительного анализа с другими странами мира, в том числе по вопросам качества жизни населения, проживающего и работающего в Арктике. Отмечается, что «многие проблемы развития Арктики требуют сотрудничества стран и организаций, так как совместные исследования в этой области могут привести к положительным результатам, как для каждой страны, так и для всех сотрудничающих стран» [2016, 2, с. 17-18].

Роль прожиточного минимума трудоспособного населения в регулировании минимального уровня доходов на рынке труда и арктические проблемы

На рынке труда механизм регулирования минимальных доходов строится с учетом достигнутого уровня прожиточного минимума трудоспособного населения, в соотношении с которым устанавливается гарантированный государством минимальный размер оплаты труда. При этом высокой заинтере-

Таблица 1

Скорректированные на региональную величину прожиточного минимума трудоспособного населения значения минимального размера оплаты труда (МРОТ) в регионах Арктики (пересчет по единому федеральному проценту к прожиточному минимуму трудоспособного населения)*

	2011 г. 1 квартал	2013 г. 1 квартал	2015 г. 1 квартал	2016 г. 1 квартал
<i>Россия</i>				
- МРОТ	4330	5205	5965	6204
- отношение МРОТ к ПМ трудоспособного населения	62,0	68,2	57,3	59,0
Субъекты Арктической зоны: скорректированные значения МРОТ				
Ненецкий автономный округ	7952	9311	10836	12099
Чукотский автономный округ	7153	8876	9417	10695
Ямало-Ненецкий автономный округ	6669	8189	9132	9608
Мурманская область	5633	7071	8198	8385
Наибольшее из рассчитанных региональных значений МРОТ	7952	9311	10836	12099
Отношение наибольшего рассчитанного регионального значения МРОТ к общероссийскому	1,84	1,79	1,82	1,95

* Расчеты автора на основе источника [Росстат, 11].

сованности наемных работников в повышении соотношения противостоит болезненное отношение представителей бизнеса из-за роста издержек.

Существующая дифференциация в величине прожиточного минимума трудоспособного населения позволяет рассматривать различные сценарии повышения минимального размера оплаты труда. Ранее Минтруд России высказывал мнение, что единый федеральный минимальный размер оплаты труда устанавливать нерационально, поскольку в каждом регионе действует свой прожиточный минимум трудоспособного населения и рабочая сила в ряде регионов будет переоценена. В настоящее время принято решение отказаться от региональной дифференциации минимального размера оплаты труда [2017, 9].

При отказе от регионализации минимального размера оплаты труда в худшем положении оказывается население российских регионов с более высоким прожиточным минимумом трудоспособного населения, чем в целом по России, и, прежде всего, это касается арктических регионов, поскольку стоимость жизни здесь выше.

Расчеты показывают, что скорректированный на региональную величину прожиточного минимума трудоспособного населения минимальный размер оплаты труда в арктических регионах будет превышать общероссийский почти в 2 раза (см. табл. 1). К примеру, в Ненецком автономном округе скорректированный минимальный размер оплаты труда составил бы 12099 руб. в 1 квартале 2016 г. против общероссийского значения показателя 6204 руб.

Особое место в регулировании минимального уровня трудовых доходов занимает вопрос о северных коэффициентах и надбавках. Интерес работающих состоит в том, чтобы северные доплаты начисляли сверх установленного минимального размера оплаты труда. Их поддерживают в этом профсоюзы, отстаивая на всех уровнях власти свою позицию: минимальный размер оплаты труда устанавливается для нормальных условий работы, но когда условия отличаются от нормальных, то это должны соответствующим образом компенсировать [2017, 5].

Проблема с начислением северных коэффициентов и надбавок повышает напряженность на рынке труда. Комплексное наблюдение условий жизни населения в 2016 г. показало, что доля неудовлетворенных заработком – *не вполне удовлетворены и совсем не удовлетворены* – особенно высока по сравнению со среднероссийскими параметрами (50,3% и 11,9% респондентов, соответственно) в Чукотском автономном округе (54% и 22,8%). В экономически более развитых арктических регионах – в Ненецком автономном округе (37,7% и 12,3%), в Мурманской области (50,6% и 11,9%) и в Ямало-Ненецком автономном округе (41,6% и 11,2%) – показатели лучше [2017, 7, Приложение, таблица 3.4]. Тем не менее они также говорят о достаточно напряженной ситуации, учитывая тяжелые условия для проживания и высокую стоимость жизни. Исследования показывают, что для арктических территорий России, которые находятся в начальной стадии современ-

Таблица 2

Распределение домохозяйств по оценкам своего финансового положения и финансовых затруднений в целом по России и регионах Арктики в 4 квартале 2016 г. (по данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) в процентах ко всем домохозяйствам

	Доля домохозяйства с оценкой своего финансового положения		Доля домохозяйств с финансовыми затруднениями, не позволившими внести установленные платежи за:			
	не хватает денег даже на еду	денег хватает на еду, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно	жилищно-коммунальные услуги / электроэнергию	основное или дополнительное образование для детей и/или взрослых	лекарства, назначенные врачом для неотложного лечения	использование банковского кредита на потребительские цели
Российская Федерация	0,9	18,8	9,3/6,6	3,4	9,2	4,5
Ненецкий автономный округ	0,3	15,5	10,4/3,4	0,6	1,4	10,8
Мурманская область	0	6,1	5,7/3,1	0,1	0,7	0,9
Ямало-Ненецкий автономный округ	0	2,4	4,8/2	0,7	1,2	3
Чукотский автономный округ	1,1	13,1	6,5/3,7	2,7	5,3	4,6

Источник: [2017, 6, с. 82-83, 86-87].

ной модернизации, характерна низкая удовлетворенность работающих трудом, его содержанием и условиями [2016, 2, с. 422].

Во всех арктических регионах при оценке домохозяйствами своего финансового положения находят подтверждение признаки абсолютной бедности. Это – стандартизованные ответы «не хватает денег даже на еду» и «денег хватает на еду, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно». Данные об этом для 4 квартала 2016 г. приведены в таблице 2.

Ненецкий автономный округ оказался в худшем положении по не внесенным установленным платежам за жилищно-коммунальные услуги и использование банковского кредита на потребительские цели, Чукотский автономный округ – за электроэнергию, за основное или дополнительное образование для детей и/или взрослых и по лекарствам, назначенным врачом для неотложного лечения. В экономически развитых регионах Арктики – в Ямало-Ненецком автономном округе и в Мурманской области – ситуация с невыплатами лучше, однако и здесь зафиксированы задержки. Из ответов видно, что финансовая ограни-

ченность заставляет домохозяйства выходить из сложных жизненных ситуаций за счет потребительских кредитов. Риски по невыплатам особенно высоки в Ненецком автономном округе.

В январе 2018 г. Президент Российской Федерации В.В.Путин, исходя из позитивного тренда в экономике, объявил о выравнивании минимального размера оплаты труда и прожиточного минимума трудоспособного населения на полгода раньше запланированных сроков, а именно, с 1 мая 2018 г. Устранение разрыва между прожиточным минимумом трудоспособного человека и минимального размера оплаты труда является важным для работающих, однако по мнению экономиста Малевой, эта мера способна привести к сокращению бедности лишь на 0,5–1%, поскольку оплата труда является характеристикой индивидуальной, а бедность – семейной [2017, 12]. При формировании прожиточного минимума трудоспособного человека иждивенческая нагрузка учитывается в части общесемейных расходов, однако это не меняет индивидуальной сущности показателя. Бедность по трудовым доходам – это проблема международного значения. В сфере тру-

да умеренная бедность (трудящиеся живут с доходом от 1,90 до 3,10 долл. США в день) остается широко распространенным явлением. В 2017 г. она затронула 430 миллионов работников [2018, 19].

Среди зарубежных арктических территорий система регионального финансового регулирования, сложившаяся в Швеции, признана одной из наиболее эффективных. Она включает в себя наряду с другими компоненты выравнивания доходов и расходов. В целом система позволила добиться в Швеции «существенного снижения региональной диверсификации, а также высокого уровня жизни населения на всей территории проживания» [Вербиненко 2017, 4, с. 130]. Здесь большое значение придается семейной политике, учитывая, во-первых, что она отчасти переплетается с политикой, проводимой на рынке труда, а, во вторых, что участие в трудовой деятельности и созданные условия для того, чтобы поддерживать себя, дают преимущества для экономики страны. Политические цели достигаются различными средствами. Среди них – родительское страхование, которое считается одной из наиболее важных мер. Родительское страхование связано с сочетанием работы и интересов семьи, с выбором и возможностью находить индивидуальные решения для семей, с разделением ответственности за свою экономику семей с двумя кормильцами [2017, 17, с. 10, 12].

Признаки ограниченности прожиточного минимума трудоспособного населения как инструмента регулирования минимальных доходов

Методологически предопределено, что прожиточный минимум трудоспособного человека отражает необходимые для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности социально значимые потребности, что конкретизируется в составе и объемах потребления товарных позиций минимальной потребительской корзины, устанавливаемых в законодательном порядке. Регулярные пересмотры минимальной потребительской корзины, осуществляемые в соответствии с российским законодательством, происходят в сторону повышения качества жизни. К примеру, с 1 января 2013 г. в нормативной продуктовой корзине были увеличены объемы потребления мяса и мясопродуктов, рыбы, молока и молокопродуктов, яиц, овощей и фруктов. Одновременно были снижены объемы потребления хлебных продуктов, картофеля, масла растительного, маргарина и других жиров. Для трудоспособного населения норма потребления мясопродуктов в среднем на одного человека в год в целом по России увеличилась на 57,5%,

рыбодуктов – на 15,6%, фруктов и овощей – в 2,6 раза [2012, 10]. При формировании следующей ПК нормы потребления продуктов питания предполагается, по данным Минтруда России, приблизить к нормам здорового питания за счет снижения углеводной части продуктового набора, и роста белковой [2017, 16].

В потреблении малообеспеченных семей предпочтение отдается более дешевым товарам, учитывая ограниченность в финансовых ресурсах. Согласно данным выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств, проводимых органами российской статистики, в 4 квартале 2016 г. в целом по России домохозяйства с потребительскими расходами на уровне стоимости минимальной потребительской корзины (третья децильная группа из распределения домохозяйств по 10%-ым группам в зависимости от среднедушевых располагаемых ресурсов) употребляли больше, чем в среднем по домохозяйствам, хлебобулочных изделий и крупы (17,7% в структуре расходов на продукты питания на 1 члена домохозяйства в месяц против 15,9% в среднем), молочных изделий, сыра и яиц (17,2 против 15,6%), масла и жиров (4,6 против 4%). Меньше они употребляли мяса (29,9 против 31,1%), рыбы и морепродуктов (6,8 против 8,1%), фруктов и овощей (13,2 против 14,9%). При этом потребительские расходы в абсолютном выражении в 3-ей децильной группе были почти в 2 раза меньше, чем в среднем по домохозяйствам (9162,7 руб. против 17698,4 руб.) [2017, 6, с.15,20,34,57].

Со стороны экспертов критике подвергается переход с 1 января 2013 г. от нормативного способа формирования минимальной потребительской корзины к нормативно-статистическому, когда в минимальной потребительской корзине нормативным оставили лишь набор продуктов питания, а наборы по непродовольственным товарам и услугам стали оцениваться, исходя из соотношения со стоимостью продуктового набора. По мнению Бобкова В.Н., в пользу нормативного способа исчисления прожиточного минимума говорит то, что при нормативно-статистическом подходе не учитывается должным образом инфляция на разные группы товаров и услуг. В нашей стране инфляция на услуги носит опережающий характер, и это значит, что уровень прожиточного минимума по факту будет занижаться. Возврат к нормативному способу потребует пересмотреть сроки износа одежды, обуви, белья, поскольку за эти годы изменилось в худшую сторону качество многих товаров, и претерпел изменения ритм жизни. Вместе с тем, многие потребности, которые сегодня могут рассматриваться как базовые, не учитываются сегодня в составе минимальной потребительской

корзины. Это, к примеру, средства коммуникации и плата за их использование, платные услуги образования и здравоохранения [2017, 16].

Претензии к методике определения прожиточного минимума, связанные с относительным ростом платных услуг в медицине, образовании, культуре, высказывают профсоюзы. Также они обращают внимание на обязательные платежи и сборы, входящие в состав прожиточного минимума трудоспособного населения, в связи с повышением налоговой нагрузки «за счёт перехода подсчёта налога на недвижимость по кадастровой стоимости» [2017, 5].

О том, что нормативно-статистический способ исчисления ПМ не отражает «фактические различия в стоимости жизни в северных и арктических регионах из-за больших расходов на услуги ЖКХ и транспорт», говорит в своей публикации, посвященной современным проблемам рынка труда в северных регионах, включая Арктику, Широкова Л.Н. [Широкова, 2017, 15, с. 68].

На наш взгляд, важное значение имеет и то, что согласно принятой методологии в прожиточном минимуме трудоспособного населения принимаются во внимание затраты только простого труда, легкого и ненапряженного. Это ведет к недооценке потребностей при более сложных условиях труда, что имеет важное значение для работающих в Арктике. Известно, что в условиях низкой температуры даже кратковременные физические нагрузки при субкалорийном питании, имеющем пониженную энергетическую ценность, способны вызвать дефицит витамина С в организме. А, например, при автономном переходе в условиях Арктики получаемая калорийность суточного рациона не должна быть меньше 4500-5000 ккал [2015, 1]. Для сравнения: для регионов I и II Зон, в которую входят арктические регионы в зависимости от особенностей потребления, рекомендовано формировать минимальный набор питания, исходя из энергетической ценности 2908–2916 ккал в сутки [2013, 13, Приложения 1, 2].

Рекомендованные минимальные значения также значительно меньше, чем среднесуточное потребление килокалорий на душу населения

в целом по Российской Федерации (в 2013 г. 3361 ккал) и в таких северных странах, как Швеция (3179 ккал) и Финляндия (3368 ккал) с учетом имеющихся данных и согласно оценке ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), англ. *Food and Agriculture Organization*, FAO) [2017, 14, с.629].

В одном из наиболее значительных международных проектов – Survey of Living Conditions in the Arctic (SLiCA) – по результатам исследования условий жизни была составлена общая картина на арктических территориях. Исследование показало, что в большинстве случаев отмечается удовлетворенность (очень или несколько удовлетворены) качеством жизни в своих общинах, несмотря на суровые условия и столкновение с рядом социальных проблем. Этот вывод резко контрастировал с картиной коренных народов Чукотки и Кольского полуострова. По мнению авторов, значение такого крупного международного исследования, как SLiCA, в том, что оно может рассматриваться как базовая линия для изучения быстрых социальных изменений в Арктике [2015, 18, с. 22-23].

Заключение

Проблемы в регулировании минимальных трудовых доходов являются сдерживающим фактором для развития и экономики, и социальной сферы. В особой степени это относится к арктическим регионам, где уровень освоения остается низким, проблема оттока трудовых ресурсов сохраняется. Оценка прожиточного минимума трудоспособного населения с позиции регулирования минимального уровня трудовых доходов показала, что показатель имеет хорошо выраженные признаки ограниченности. Это означает, что регулирование минимальных трудовых доходов происходит в условиях, при которых занижается реальная стоимость жизни, а, следовательно, сохраняются возможности для проведения политики дешевого труда. Сегодня требуется привести в соответствии с современными реалиями механизм регулирования минимальных трудовых доходов и тем самым содействовать политике достойного труда.

Список литературы

1. Арктика без опасности: Особенности питания / Система дистанционного обучения для подготовки спасателей к действиям в условиях Арктической зоны. Образовательный портал. ФГБОУ ВПО Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2015. <http://arctica.igps.ru/survival/info/10>

References

1. Arctic without danger: Features of power supply / Distance learning system for training rescuers for action in the Arctic zone. Educational portal. - St. Petersburg State University of Emergency Situations Ministry of Emergencies, 2015 <http://arctica.igps.ru/survival/info/10>

2. Арктическое пространство России в XXI веке: факторы развития, организация управления / под ред. акад. В.В. Ивантера. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Издательский Дом «Наука», 2016. 1017 с. https://elibrary.ru/download/elibrary_28355575_71968057.pdf
3. Бобков В.Н., Аникеев С.Д., Локтюхина Н.В., Рожков В.Д., Пироженко Е.А., Демидов И.Ф. О состоянии и прогнозе развития рынка труда и занятости населения Российской Федерации (2006–2017 гг.) // Уровень жизни населения регионов России, № 1(195), 2015. С. 8–22.
4. Вербиненко Е.А., Бадыевич Р.В. Финансовое регулирование развития арктических территорий в зарубежных странах // Фундаментальные исследования № 4, 2017. С.126–132. <https://fundamental-research.ru/pdf/2017/4-1/41447.pdf>
5. Встреча с главой Федерации независимых профсоюзов России Михаилом Шмаковым. Рабочая встреча президента России Путина В.В. 12 мая 2017 года, Москва, Кремль <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54487>
6. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в IV квартале 2016 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). Росстат, Москва, 2017 г. – 89 с. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812
7. Комплексное наблюдение условий жизни населения. 2016: Статистический сборник/Росстат-М.: «Статистика России», 2017 - 257 с. Приложение «Regions_2016». http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/
8. Корчак Е.А. Уровень жизни населения регионов Севера и Арктики РФ // Фундаментальные исследования. 2015. №7-3. С.605–609. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38787> (дата обращения: 13.01.2018).
9. К чему приведет повышение минимальной зарплаты до прожиточного минимума. <https://www.rbc.ru/economics/02/05/2017/5908c3549a794710905fe131>
10. Мясная диета/Российская газета - Федеральный выпуск №5756 (83), 2012. <https://rg.ru/2012/04/13/korzina-site.html>
11. Официальный сайт Росстата. <http://www.gks.ru>
12. Парадоксы российской нищеты: нарисован «групповой портрет» бедняков. Интервью директора Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС Татьяны Малевой, 28 марта 2017. <http://www.mk.ru/social/2017/03/28/paradoksy-rossiyskoj-nishhety-narisovan-grupповoy-portret-bednyakov.html>
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2013 г. N 54 «Об утверждении методических рекомендаций по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в субъектах Российской Федерации», Приложение N 1 и 2.
14. Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 686 с. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078
15. Широкова Л.Н. Современные проблемы рынка труда в северных регионах, включая Арктику // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017, № 1(52). с.60-71. https://elibrary.ru/download/elibrary_29026027_44914224.pdf/
16. Что отдать на съедение / Российская газета - Федеральный выпуск №7190 (24). <https://rg.ru/2017/02/02/mintrud-peresmotrit-soderzhanie-potrebitelskoj-korziny.html>
17. Family policy in Sweden 2008. Social Insurance Report 2008. p. 24. https://www.forsakringskassan.se/wps/wcm/connect/fff41e54-76cc-4415-a7e8-3790ea717b60/socialforsakringsrapport_2008_15.pdf?MOD=AJPERES
18. SLiCA: Arctic living conditions / Birger Poppel (ed.) (2015). Copenhagen, Nordic Council of Ministers. - 429 p. www.norden.org/en/publications
19. Unemployment to remain high, quality jobs harder to find in 2018 – UN labour agency. 2018 http://www.inform.kz/en/unemployment-to-remain-high-quality-jobs-harder-to-find-in-2018-un-labour-agency_a3130843
2. Arctic space of Russia in the XXI century: development factors, management organization / Ed. acad. V.V. Ivanter. - St. Petersburg: St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great; Publishing House "Science", 2016. - 1017 p. https://elibrary.ru/download/elibrary_28355575_71968057.pdf
3. Bobkov VN, Anikeev SD, Loktyukhina NV, Rozhkov VD, Pirozhenko EA, Demidov IF. On the state and forecast of the development of the labor market and employment of the population of the Russian Federation (2006-2017). // Living standards of the population of the Russian regions, No. 1 (195), 2015. - p. 8 – 22
4. Verbinenko EA, Badylevich RV. Financial Regulation of the Development of Arctic Territories in Foreign Countries // Fundamental Research No. 4, 2017 - p.126-132. <https://fundamental-research.ru/pdf/2017/4-1/41447.pdf>
5. Meeting with the head of the Federation of Independent Trade Unions of Russia Mikhail Shmakov. Working meeting of Russian President Vladimir V.V. May 12, 2017, Moscow, The Kremlin. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54487>
6. Income, expenses and household consumption in the fourth quarter of 2016 (results of sample survey of budgets of households). Rosstat, Moscow, 2017 – 89 p. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812
7. Comprehensive observation of the living conditions of the population. 2016: Statistical compilation / Rosstat-M: "Statistics of Russia", 2017 - 257 p. Application "Regions_2016". http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/
8. Korchak EA. The level of life of the population of the regions of the North and the Arctic RF // Fundamental research. - 2015. - № 7-3. - pp. 605-609. URL: <https://fundamental-research.ru/en/article/view?id=38787> (reference date: January 13, 2013).
9. What will be the increase in the minimum wage to the subsistence minimum. <https://www.rbc.ru/economics/02/05/2017/5908c3549a794710905fe131>
10. Meat Diet / The Russian Newspaper - Federal issue №5756 (83), 2012. <https://rg.ru/2012/04/13/korzina-site.html>
11. Official site of the Federal Service of State Statistics [Electronic resource]. <http://www.gks.ru>
12. Paradoxes of Russian poverty: a "group portrait" of the poor is drawn. Interview of Tatiana Maleva, Director of the Institute for Social Analysis and Forecasting of the Russian Academy of Science and Technology, March 28, 2017. <http://www.mk.ru/social/2017/03/28/paradoksy-rossiyskoj-nishhety-narisovan-grupповoy-portret-bednyakov.html>
13. Decree of the Government of the Russian Federation of January 28, 2013 No. 54 "On the approval of methodological recommendations for determining the consumer basket for the main socio-demographic groups in the constituent entities of the Russian Federation", Appendices Nos. 1 and 2
14. Russian Statistical Yearbook. 2017: Stat.sb./Rosstat. - M., 2017 - 686 p. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078
15. Shirokova L.N. Modern problems of the labor market in the northern regions, including the Arctic // North and the market: the formation of the economic order. 2017, No. 1 (52). - p.60-71. https://elibrary.ru/download/elibrary_29026027_44914224.pdf/
16. What to give for devouring / Rossiyskaya gazeta - Federal issue №7190 (24). <https://rg.ru/2017/02/02/mintrud-peresmotrit-soderzhanie-potrebitelskoj-korziny.html>
17. Family policy in Sweden 2008. Social Insurance Report 2008. p.24. https://www.forsakringskassan.se/wps/wcm/connect/fff41e54-76cc-4415-a7e8-3790ea717b60/socialforsakringsrapport_2008_15.pdf?MOD=AJPERES
18. SLiCA: Arctic living conditions / Birger Poppel (ed.) (2015). Copenhagen, Nordic Council of Ministers.- 429 p. www.norden.org/en/publications
19. Unemployment to remain high, quality jobs harder to find in 2018 – UN labour agency. 2018. http://www.inform.kz/en/unemployment-to-remain-high-quality-jobs-harder-to-find-in-2018-un-labour-agency_a3130843

Проблемы функционирования локальных рынков труда в контексте новой экономической реальности

Problems of the Functioning of Local Labour Markets in the Context of the New Economic Reality

Получено: 19.02.2018

Одобрено: 05.03.2018

Опубликовано: 14.05.2018

УДК: 331.5

DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10005

КАТАБАЙ ПАВЕЛ ХАФИЗУЛЛОВИЧ

аспирант Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Email: Katabay.PKH@rea.ru

КАТАБАЙ, РКН

Postgraduate Student, GV Plekhanov Russian Economic University
Email: Katabay.PKH@rea.ru

Аннотация

В статье выявлены барьеры модернизации и инновационного развития социально-трудовой сферы российской экономики и сформулированы концептуальные основы государственного управления развитием экономических отношений в России в рамках новой экономической реальности, а также стратегии перевода российской экономики на инновационный путь развития и повышения инновационной активности бизнеса. Определяется понимание локальных рынков труда как экономической категории, даётся институциональная характеристика рынка труда и, объясняется видение процесса институционализации развития экономических отношений на локальных рынках труда.

Ключевые слова: локальный рынок труда; институционализация; региональные модели рынка труда; экономические отношения; государственная политика.

Abstract

Barriers of modernizing and innovative developing the social and labour sphere of the Russian economy have been revealed and conceptual principles of state management of the development of economic relations in Russia in the framework of the new economic reality as well as the strategy of resetting the Russian economy on the innovative way of development and increasing business activity have been formulated. Local labour markets have been defined as an economic category. Institutional characteristics of the labour market have been presented, and the process of institutionalizing the development of economic relations has been explained.

Keywords: a local labour market, institutionalization, regional models of labour market, economic relations, state policy.

Введение

Локальные рынки труда формируют специфические требования к качеству человека как субъекта определенных экономических (производственных) отношений, в том числе социально-трудовых отношений, и соответствующих общественных институтов. Указанная специфика видоизменяется в каждом субъекте (регионе) Российской Федерации. Отсюда важнейшей, актуальной проблемой выступает решение задачи обоснования комплексного, взаимоувязанного воздействия на повышение эффективности экономических отношений на локальных рынках труда.

Проблемы развития и регулирования экономических отношений на рынке труда, в том числе социально-трудовых отношений, воспроизводства человеческого и трудового потенциала, совершенствования системы профессионального образования раскрыты в работах Л. Абалкина, М. Алле, А. Белкина, В. Белкина, О. Белокрыловой,

Д. Берто, В. Бобкова, Дж. Бьюкенена, Д. Валового, Н. Волгина, С. Глазьева, В. Гойло, П. Дерингера, Т. Заславской, О. Иншакова, Р. Капелюшников, Дж. Коммонса, Л. Костина, Р. Коуза, Н. Лумана, Р. Мертона, А. Нестеренко, А. Никифоровой, Д. Норга, А. Оноре, Т. Парсонса, М. Поланьи, А. Пороховского, В. Радаева, С. Рощина, Т. Сухопаровой, В. Тамбовцева, О. Уильямсона, Дж. Ходжсона, А. Шаститко, Р. Эренберга и др.

Постепенным переходом экономики к новой, постиндустриальной стадии, основанной на резко возросшей роли знаний и технологий, новых форм занятости и общественного капитала показывает, что теоретическое обоснование перспектив развития экономических отношений на локальных рынках труда в условиях новой экономической реальности становится предметом всё более острых дискуссий. Теоретическое исследование данной тенденции на методологической базе институционального анализа является актуальной задачей.

Институционализация развития экономических отношений на локальных рынках труда

Локальные рынки труда в каждом российском регионе имеют ярко выраженную специфику. Специфика определяется достаточно большим количеством факторов. Во-первых, это культурно-исторические особенности развития регионов. Во-вторых, экономической структурой региона и его ресурсным потенциалом, в той или иной мере определяющих виды деятельности. В-третьих, итогами политики размещения производительных сил. В-четвёртых, структурой региональной системы образования. В-пятых, миграцией населения как самого региона, так и прилегающих территорий. Эти (и другие) обстоятельства определяют цели региональной экономической политики.

Основной целью экономической политики, осуществляемой на рынках труда разных уровней, является регулярная разработка и реализация главными экономическими агентами этих рынков мероприятий, содействующих обеспечению достаточно полной занятости и формированию оптимально структурированной совокупной рабочей силы, соответствующей по своим отраслевым, профессиональным, квалификационным и другим признакам структуре совокупного общественного продукта и необходимым его прогрессивным изменениям в ближайшей, среднесрочной и более отдаленной перспективе [21; 26; 27; 29].

Подготовка современной рабочей силы, как и прежде, осуществляется вначале в семье, затем в системе общего, профессионального и высшего образования при постоянном содействии системы общественного здравоохранения и разных сфер социального обеспечения. Однако эффективно функционирующая высококвалифицированная рабочая сила может окончательно сформироваться и постоянно воспроизводиться только при занятости на соответствующих рабочих местах и в благоприятных экономических условиях. Создание и поддержание этих благоприятных условий, способных обеспечить на должном уровне воспроизводство общественно необходимой рабочей силы, и является основной целью экономической политики на рынках труда. Одновременно воспроизводство общественно необходимой рабочей силы нуждается также в достижении на практике правильного сочетания социальной и экономической политики, проводимой на общегосударственном, региональном, местном и внутрифирменном уровнях.

В последние годы работодатели и учебные заведения обращают своё внимание не только на овладение обучающимися знаниями, умения-

ми и навыками, но и формирование профессиональных компетенций. В то же время понимание места и процесса их формирования остаётся дискуссионным [22]. На мой взгляд, к компетенциям следует относить возможность удовлетворять не только требования (функциональные обязанности) рабочего места, но и требования организации и управления производственным процессом. А это обстоятельство меняет понимание процесса воспроизводства рабочей силы как совокупности умственных и физических способностей к труду.

В политической экономии (как классической общеэкономической науке об основных законах развития и функционирования общенациональных капиталистических и иных трансформационных, рыночных в своей основе экономик) рабочая сила – это особого рода товар, который «продается» наемным работником, или, иными словами, «сдается им в аренду» в форме своих трудовых услуг и на определенных условиях [20]. Как правило, эти юридически оформляемые условия ежегодно или несколько реже пересматриваются в процессе переговоров между работником и работодателем в индивидуальном и ассоциированном порядке. Таким образом при посредстве рынка труда и трудоустройства наемные работники в современных промышленно развитых и демократических странах приобретают фактически статус общественно необходимой рабочей силы и реальную возможность для ее воспроизводства (простого или расширенного). Но сам процесс воспроизводства рабочей силы становится эффективным и продуктивным лишь тогда, когда реальная заработная плата наемных работников приходит в соответствие со стоимостью и ценою их рабочей силы. От этого соответствия зависит, в частности, и возможность адаптации работников на конкретных рабочих местах в течение необходимого времени, их перераспределение на новые, более сложные и ответственные рабочие места, что должно сопровождаться определенным повышением заработной платы.

Разумеется, что периодически возникающие по поводу оплаты труда конфликты и негативные тенденции нуждаются в своевременном их выявлении и осуществлении необходимой корректировки политики в области заработной платы, проводимой объединениями работодателей и наемных работников.

Вышеотмеченное является новым челленжем локальным рынкам труда и актуализирует их исследование по новым обстоятельствам, т.е. в рамках новой экономической реальности.

Следует особо отметить, что для экономиста неоклассического направления рынок труда

подобен рынку всякого другого товара и, значит, характеризуется тем, что продавец и покупатель принимают если и не оптимальные, то вполне рациональные решения. В условиях конкуренции заработная плата как цена труда устанавливается в результате колебаний спроса и предложения. А масштабы привлеченного труда определяются его предельной производительностью. «Исследования спроса на труд за прошедшие 50 лет концентрировались на описании этого спроса во все сужающихся границах – как результата усилий нанимателя минимизировать издержки и максимизировать прибыль» [25]. От производительности зависит в конечном счете и карьера работников.

В ортодоксальной экономической теории труд рассматривался как обычный фактор производства, обладающий признаками однородности (гомогенности) и делимости. Со временем в экономические модели начали включаться различия в условиях труда, и его оплата предстала как распадающаяся на две принципиально различные части: собственно оплату трудовых усилий и компенсации за особые условия труда. Интересно, что марксистский взгляд в данном случае развивался во многом параллельно неоклассическому: первоначально труд (рабочая сила) выступает здесь как однородный товар, безразличный к сфере своего приложения (сложный труд есть лишь помноженный простой). Таким образом пытаются обойти вопрос о системном нарушении идеального равновесного состояния.

Предпосылка об однородности рынка труда стала первой жертвой критики данной позиции. Дело в том, что и с экономической точки зрения предельная производительность труда зависит не только от индивидуальных способностей вовлеченных работников, но и от технологического уровня предприятия, состояния рыночной конъюнктуры, наличия резервной армии труда требующейся квалификации. Однородность рынка труда и открытость отношений занятости начали ставиться под сомнение в рамках так называемой новой институциональной экономики.

Ряд авторов выдвинули положение о том, что наряду с неким внешним рынком труда, подобным рассматриваемому экономической теорией конкурентному рынку, крупные предприятия создают свои внутренние рынки труда. Последние в значительной степени отгорожены от внешнего конкурентного рынка и не подвержены его спонтанным колебаниям. В рамках этих внутренних рынков условия труда и его оплаты регулируются достаточно устойчивыми административными правилами. Здесь устанавливаются свои стандарты найма и увольнения, оплаты труда

и должностного продвижения работников. Часть этих правил вовсе не связана с обеспечиваемым уровнем производительности работников (например, продвижение может ориентироваться на стаж работы на данном предприятии). Появление относительно обособленных внутренних рынков труда во многом вызывается спецификой квалификации, требуемой для данного производства, и необходимостью вести профессиональную подготовку непосредственно на рабочих местах. Оно связано также с существованием неформальных внутрифирменных связей [30; 32]. В результате в пределах каждого внутреннего рынка утверждаются свои обычаи и неписанные нормы, свои представления о справедливости. И хотя последние не фиксируются никакими документами, всякие попытки отхода от этих «доморощенных» норм и обычаев немедленно ведут к весьма болезненным последствиям.

Существует и концепция «трудовой очереди», основывающаяся на предположении о том, что работодатели ранжируют нанимаемых в соответствии с уровнем их профессиональной подготовки [28]. Сравнительные же шансы стоящих рядом в этой очереди определяются еще и вмешательством Его Величества Случая (т.е. действует своего рода лотерея).

Итак, приверженцы неоклассического направления рассматривают поведение атомизированных индивидов, адаптирующихся к изменению рыночных условий. Устойчивые отклонения от рационального выбора они объясняют индивидуальными психологическими предпочтениями [24]. Институционалисты же делают попытку включить в объяснение этих устойчивых отклонений действие социальных институтов, показав их эффективность, функциональность [23]. Таким образом начинается «отвоевывание» полей у конкурентного рынка.

При этом большая часть литературы посвящена уровню фирмы. Но ясно, что рынок труда регулируется и на других уровнях – усилиями правительств и местных властей, объединений предпринимателей и профсоюзов. Государство прямо и косвенно стимулирует создание рабочих мест или особые формы занятости (включая частичную) – прямым администрированием или через размещение выгодных заказов, изменение трудового законодательства и масштабов социальной поддержки низших слоев. Расширение государственного сектора, усиление бюрократических организаций все больше вырывает широкие группы занятых из сферы свободного рынка, ограничивает эластичность спроса на труд по его оплате.

Всё вышеотмеченное ещё раз подчёркивает актуализацию исследования локальных рынков труда.

Институциональную характеристику рынку труда

В экономической теории (в отличие от правоведения) к рабочей силе как к товару применяется общепринятая спецификация прав собственности: считается, что владельцем (собственником) рабочей силы является ее носитель – работник. Факт собственности работника на рабочую силу, на свои способности нисколько не отражен в гражданском и трудовом законодательстве. Но, таким образом, как можно юридически заключать контракт о продаже (в институциональном смысле – временной передаче кому-нибудь в собственность) рабочей силы, если в формальном праве не определен ее собственник?

Поэтому, сегодня остро стоит проблема юридического закрепления (институционализации) обмена и спецификации прав собственности (в том числе определенных правомочий и ответственности) на рабочую силу как трансакции в институциональном смысле. При этом исследователи речь ведут не о трансакциях рабочей силы как физических и умственных способностей работников в трактовке классиков, а и о трансакциях человеческого потенциала, человеческого капитала, человеческих ресурсов, компетенций в рамках соответствующих ранее указанных теорий [1; 2; 6; 7].

Если саму рабочую силу (человеческий потенциал) признать не только товаром, но и продуктом, на производство которого израсходованы средства производства, находящиеся в чьей-либо собственности, то возникает проблема принадлежности по праву собственности самой произведенной (новой) рабочей силы (человеческого потенциала). На нее «по праву» претендуют различные физические и юридические лица, общественные и государственные структуры, предоставившие средства на ее подготовку. К данным субъектам подготовки можно отнести самого работника при личной подготовке, его родителей, предприятия, государственные и частные медицинские и учебные заведения, спортивные организации, организации творчества детей и взрослых, организации профессиональной подготовки и переподготовки, страховые компании, фонды и т.д. Отсюда, рабочая сила, человеческий потенциал (пучки прав на них) принадлежит не только их носителю, затратившему определенные усилия на их количественное и качественное приращение, но и другим лицам, способствующим их обучению, передаче опыта, профилактике, лечению и пр.

Так, на практике сейчас наблюдается тенденция неформального частичного обладания рабочей силой не самим работником, а различного рода бирж труда, центров занятости, кадровых и лизинговых агентств в области труда, частных фирм и т.д., и получения при этом соответствующей трудовой, в том числе интеллектуальной, ренты. Некоторые предприятия занимаются сами подготовкой работников для себя, что проявляется, например, в выдаче «грантов» на обучение в государственных и негосударственных вузах с обязательным затем возвратом кредита или последующей отработкой, в наличии при крупных фирмах собственных школ и вузов для работников и их детей, в наличии системы производственного обучения.

Следует отметить, что проблема спецификации прав собственности на рабочую силу (человеческий потенциал в законодательстве не разрешена, что может приводить к определенным трудностям в хозяйственной практике. Например, если пострадал от аварии специалист какого-то предприятия, положена ли ему компенсация за потерю работника? А положена ли компенсация государству за потерю своего гражданина? Ведь юридически сегодня только сами работники и члены их семей имеют право на возмещение оказанного ущерба.

Кроме того, до сих пор не разрешен весьма спорный вопрос в экономической теории: можно ли вообще передать кому-либо рабочую силу во временное пользование? В экономических исследованиях обычно труд объективируется, отделяется от личности и изучается главным образом как элемент производства и как предмет оборота, меновой сделки. Все это вызывает возражения у ряда ученых. Хотя имеется практика аренды футболистов, музыкантов и т.п.

По Талю рабочая сила не товар, ибо она неотделимая часть человеческой личности, составляет самоцель и центр всей хозяйственной жизни [31]. С ним был солидарен Туган-Барановский, согласно которому рабочая сила возникает не хозяйственным способом, а в процессе жизнедеятельности человека, для него хозяйственный процесс является средством, а не самоцелью. Здесь самоцелью для себя является он сам, в отличие от позиции капиталиста, для которого работник – всего лишь средство для достижения своих, пусть и народнохозяйственных, целей.

Проведённое рассмотрение сути локальных рынков труда и их институциональной характеристики делает возможным определить процесс институционализации развития экономических отношений на локальных рынках труда. При

этом институционализация понимается, возможно, достаточно узко – как фактически правовое оформление некоторых социальных отношений. Именно это понимание положено в основу определения базовых экономических отношений на рынках труда как социально-трудовых. Под правом можно понимать не только само право юридическое, но и естественное (типа традиций, договорённостей и т.п.). Но, в данном контексте придерживаемся формального права.

Теперь собственно об институционализации развития экономических отношений на рынках труда. Для её понимания необходимо назвать особенности локальных рынков труда. К ним отнесём такие как:

- сложившийся дисбаланс между численностью трудовых ресурсов и имеющимися в регионе рабочими местами;
- деформация системы трудовых отношений, обусловленная значительными масштабами занятости в неформальном секторе экономики;
- ухудшение качественных характеристик системы рабочих мест, которые практически не обновлялись, что ограничивает возможности, с одной стороны, роста эффективности труда, а с другой - трудоустройства населения;
- отсутствие экономического интереса у работников в результатах своего труда и производства в целом, низкая производительность и эффективность труда, особенно в сельской местности;
- недостаточная адаптированность системы профессионального образования к новым условиям хозяйствования, особенно в части учета перспектив спроса на рабочую силу в профессиональном разрезе, что приводит к выпуску учебными заведениями всех уровней специалистов по профессиям, не пользующимся спросом на рынке труда;
- проблема с трудоустройством отдельных социально-демографических групп населения (молодежь, женщины, инвалиды и т. д.);
- значительная дифференциация напряженности рынка труда в разных регионах, наличие большого числа территорий с критической ситуацией на рынке труда;
- развитие теневой экономики.

Отдельно следует указать на особенности рынков труда для молодёжи [4; 5].

С началом экономических преобразований молодёжь одной из первых превратилась в маргинальную группу населения в сфере занятости и на рынке труда. Работодатели в большинстве своем не хотят тратить время на подготовку молодого работника до состояния специалиста, а предпочитают нанимать уже сформировавшихся опытных

специалистов [8]. Частный сектор, не инвестируя в образование специалистов, отбирает лучших [9; 11; 34; 36]. В течение длительного периода усилия государства были сосредоточены на обеспечении временной занятости молодежи, а не на реализации активных направлений политики занятости [33; 35; 37].

Необходимость институционализации развития экономических отношений на локальных рынках определяет возможные направления повышения эффективности экономических отношений на локальных рынках труда с их научным обоснованием.

Возможные направления повышения эффективности экономических отношений на локальных рынках труда

Рынок труда представляет собой важнейшую составляющую общеэкономического рыночного механизма. Субъектами рынка труда являются работники и работодатели, представителями их интересов выступают общественные организации, в том числе профсоюзы, союзы предпринимателей, а также различные ассоциации, которые осуществляют защиту интересов субъектов трудовых отношений. Рынок труда, как и любой другой, включает в себя продавцов и покупателей, которые в масштабах всей страны формируют национальный рынок труда, в пределах мобильности работников – региональный как локальный [3]. Что касается частных рынков, то о них, как правило, говорят условно, так как люди, изменив условия, могут работать и в ином качестве [12].

Равновесие между спросом и предложением рабочей силы на рынке труда предполагает его оптимальное функционирование. Соотношение спроса и предложения характеризует конъюнктуру рынка труда. При их совпадении конъюнктура будет равновесной, при превышении спроса над предложением трудодефицитной, при превышении предложения над спросом – трудоизбыточной [13].

Определение моделей и видов рынка труда имеет важное практическое значение, поскольку дает возможность выбора стратегии в сфере занятости, исходя из особенностей экономического развития страны в целом и ее отдельных регионов, состава трудоспособного населения, политической ситуации, долговременных и краткосрочных программ социального развития. Повышение таких показателей на рынке труда как уровень экономически активного населения, занятости и безработицы приведет к улучшению и благосостоянию [14; 15; 16]. В отличие от других рынков, рынок труда характеризуется особенно-

стью функционирования, так как взаимодействует со специфическим товаром.

Объективность существования особенностей функционирования российского рынка труда признается всеми его исследователями, но выделение этих особенностей и их содержание отличаются.

К особенностям российской модели рынка труда также необходимо отнести глубокую территориальную дифференциацию занятости и усиление степени монополизма рынка труда [10; 32].

В национальных рамках критерием выделения региональных моделей рынка труда выступает степень деловой активности в регионе. По этому критерию выделяют следующие региональные модели рынка труда:

- отличающиеся высокой занятостью;
- характеризуемая среднероссийскими параметрами занятости и безработицы;
- депрессивная.

К первой модели относятся, безусловно, Москва и Санкт-Петербург. Для нее характерны высокая степень деловой активности, высокая занятость, низкая безработица и высокая скорость выхода из рядов безработных.

Ко второй модели можно отнести рынок труда городов, где характерны средние показатели занятости и безработицы, высокий уровень скрытой безработицы вследствие сформировавшейся придерживаемой модели занятости. Примером иных моделей рынка труда могут выступать города, представляющие собой образец типичного монополистического рынка (например, шахтерские города).

Предметом данного подхода (а вместе с тем и объектом управления) являются экономические отношения на рынке труда, в которые вступают участники производственного, трудового процесса, обладающие определенными социальными и профессиональными статусами и ролями, формирующие человеческий потенциал и профессиональные структуры экономики во взаимосвязи с институциональными и технологическими структурами.

В целях снижения барьеров модернизации и инновационного развития социально-трудовой сферы современной российской экономики возможно использовать следующие основные *принципы управления развитием экономических отношений на рынке труда* [10] в условиях новой, пятой модернизации и перехода к постиндустриальной экономике:

- учет не только физической производственной (трудовой) среды, но и социальной среды с точки зрения возможности индивида проявить

себя как существо деятельное и целеустремленное, а также с точки зрения «формальности – неформальности» экономических отношений;

- контроль над приобретением компетенций (квалификации, знаний, умений, навыков) руководителями и работниками для выполнения отдельных видов работ с точки зрения инновационного развития, что предполагает развитие системы непрерывного профессионального образования;

- учет факторов культуры безопасности и культуры труда, отвечающим человеческой природе и возможностям человека и способствующим развитию у участников производственного процесса эстетических вкусов, как по отношению к самому процессу труда, так и к производимой продукции;

- учет новых форм и закономерностей развития экономических отношений на рынке труда;

- учет исторического опыта регулирования экономических отношений на рынке труда в российской экономике в условиях предыдущих модернизаций экономики;

- учет выделенных в работе крайних сценариев развития постиндустриальной экономики (благоприятного – сценария «прогресса знаний», «экономики знаний», и неблагоприятного – сценария «деквалификация работников»).

Очертим первоочередные меры по модернизации управления развитием экономических отношений на рынках труда в рамках государственной стратегии перевода российской экономики на инновационный путь развития и повышения инновационной активности бизнеса.

Технологические вызовы XXI столетия определяют основные векторы социально-экономического развития государств, которые связаны с переходом к постиндустриальной экономике, экономике, основанной на знаниях, интеллектуальной экономике. Ее технологическим обликом является новый шестой технологический уклад. Интеллектуальная экономика, основные черты которой зарождаются при переходе к шестому технологическому укладу, в целом определяет новую парадигму управления экономическим развитием. Ориентиром становится не столько развитие конкурентоспособных производств, сколько создание условий гармоничного, устойчивого развития экономики и системы социальных ценностей и новых моральных принципов, в основе которых лежит идея социальной справедливости и обеспечения благосостояния жителей и будущих поколений. В условиях глобализации экономики главное значение приобретают экономические отношения, ориентированные на устойчивое развитие и партнерство цивили-

заций, ликвидацию технологических разрывов, модернизацию производства, отвечающие современному уровню развития науки и техники, обеспечению экологической безопасности.

Сохраняется технологическая многоукладность российской экономики. Если в успешно развивающихся странах технологическая многоукладность преодолевается за счет относительно более высоких темпов развития передовых технологических укладов (темпы роста пятого технологического уклада в новых индустриальных странах, Китае, Индии, Бразилии более чем пятикратно превышает общие темпы экономического роста), то в российской экономике, наоборот, наблюдается снижение их веса. В фазе зрелости доминирующего технологического уклада преодоление технологического отставания в области его ключевых технологий требует колоссальных капиталовложений, в то время как приобретение импортной техники позволяет быстро удовлетворять имеющиеся потребности, что и происходит в России, где расширение пятого технологического уклада носит догоняющий имитационный характер [10].

На передний план сегодня выходят проблемы развития человека, инвестиций в человеческий потенциал, а также задачи совершенствования политических институтов. Это проблемы, которые перед собой ставят наиболее развитые страны мира. Главным теперь являются не макроэкономика и даже не собственно экономические институты, которые уже в основном сложились. Главное конкурентное преимущество современной высокоразвитой страны связано с человеческой личностью и теми факторами, которые непосредственно связаны с жизнедеятельностью человека, в том числе состояние сферы образования и здравоохранения, жилье, инфраструктура, экология, устойчивость политической демократии. Таким образом, приоритетными теперь являются не отдельные отрасли и сектора промышленности, а институты, связанные с развитием личности и через человека влияющие на состояние экономики, а также повышения эффективности трудоустройства.

Одним из возможных направлений повышения эффективности трудоустройства может стать создание дистанционных рабочих мест и других новых форм занятости. Недооценка важности формирования последовательной молодежной политики занятости в столь сложном регионе вызывает тяжелые социально-экономические последствия. В этих условиях одним из основных механизмов, способствующих смягчению и предупреждению молодежной безработицы, является организация и функционирование на региональном рынке труда единой системы профессиональной ориентации и

профессионального обучения граждан. Современные требования диктуют необходимость постоянного инвестирования в систему образования, поэтому его и называют непрерывным. Непрерывное образование предусматривает не только повышение квалификации, но и переподготовку при изменяющихся условиях и стимулирование постоянного самообразования.

Расширение сферы применения новых форм занятости обусловлено потребностью рынка труда в мобильной рабочей силе, вызванной глобализацией, децентрализацией и углублением специализации производства; возможностью иметь временные заработки в условиях низкой и затяжной безработицы; потребностью в трудоустройстве отдельных категорий граждан, для которых полная постоянная занятость по каким-либо причинам затруднена или нежелательна (студенты, пенсионеры, инвалиды и др.); возможностью сочетать работу по найму с исполнением семейных обязанностей, участием в общественной жизни, поддержанием здоровья и т. д. [17; 18; 19].

Среди инновационных форм занятости необходимо развивать дистанционную, которая придавала бы большую гибкость региональному рынку труда.

О разработке модели электронного рынка труда говорят давно, но реальных и последовательных шагов для развития дистанционной занятости делается мало. Создание в трудоизбыточных регионах специальных институтов регулирования дистанционной занятости, которая бы оценивала состояние электронного рынка труда, обеспечивала бы равный доступ к информации, разрабатывала бы меры по повышению социальной защищенности работников на электронном рынке труда т. д.

Отсюда в качестве первоочередных институциональных мер государственного управления экономических отношений на рынке труда в современной российской экономике, в условиях новой экономической реальности и перехода к постиндустриальной экономике в рамках государственной стратегии перевода российской экономики на инновационный путь развития и повышения инновационной активности бизнеса предлагаются следующие меры: модернизация системы образования, в том числе, приведение программ среднего и высшего образования в соответствие с требованиями экономики знаний и инновационного развития, включая внедрение методик обучения творчеству, в том числе методов решения изобретательских задач; восстановление передового уровня обучения математике и информационным технологиям; расширение сети специализированных школ, детских

учреждений технического творчества, проведение массовых олимпиад школьников и т.п.; приращение обучающимся в системах профессионального образования и повышения квалификации статуса своеобразных работников данных систем; восстановление системы бесплатного среднего специального образования; развертывание крупномасштабной программы обучения безработных граждан информационным технологиям; отнесение образовательных услуг к категории «общественных благ» и развитие механизма частно-государственного партнерства в системе высшего профессионального образования, включая софинансирование деятельности вузов и распределение компетенций и прав между государственными структурами, бизнесом, образовательными учреждениями, частными лицами.

Формирование новой хозяйственной культуры (уклада) и культуры управления, адекватных требованиям устойчивого, инновационного развития, в том числе: введение принципов конкурсного профессионализма и объективности в систему подбора и расстановки руководящих кадров; государственная поддержка формирования самоуправляемых профессиональных сообществ и ассоциаций в форме некоммерческих, саморегулируемых организаций, представляющих профессиональные интересы граждан.

Проблемы управления развитием экономических отношений на рынке труда в условиях модернизации российской экономики не могут быть решены без привлечения самих работодателей, работников, их союзов и ассоциаций, но при этом крайне опасно самоустранение государства регулирования данного процесса. Осознанная, четкая и понятная всем политика государства в этой сфере с точки зрения долгосрочных интересов важна ничуть не меньше, чем денежно-кредитная или налоговая политика. Только комплексное управление развитием экономических отношений на рынке труда и, следовательно, воспроизводство человеческого потенциала экономики способно обеспечить ее переход постиндустриальной стадии развития. Общей целью государственной политики сегодня является создание экономики, где интеллектуальная рента превращается в фундаментальный источник социально-экономического развития страны. При этом должна происходить смена нынешних социальных ориентиров, в частности труд будет принимать творческий характер, что предполагает развитие такого блага, как время, свободное от труда ради заработка, входящим составной частью в систему социально гарантированного минимума («пакета»), которым и должна, в конечном счете, измеряться эффективность экономики.

Исходя из этого, к ближайшим задачам государства в сфере социального и инновационного развития возможно отнести разработку государственной политики в сфере социального воспроизводства и воспроизводства человека на федеральном и региональном уровнях; осуществление соответствующего законодательного и административного регулирования; привлечение в данную сферу воспроизводства негосударственных предприятий и финансов; координацию деятельности населения, негосударственных и государственных предприятий и представляющих их интересы союзов и ассоциаций в рамках институтов социального партнерства. Государственные структуры могут активно участвовать в данных процессах, становясь посредником в традиционной оппозиции труда и капитала и играя главную роль в процессе «гуманитарных инвестиций», в основе которого должен лежать принцип социальных гарантий оплаты определенного уровня экономических отношений.

Вывод

Таким образом, выявлены барьеры модернизации и инновационного развития социально-трудовой сферы российской экономики и сформулированы концептуальные основы государственного управления развитием экономических отношений в России в рамках новой экономической реальности, а также стратегии перевода российской экономики на инновационный путь развития и повышения инновационной активности бизнеса.

Концептуально обоснованы принципы совершенствования управления развитием экономических отношений на рынке труда в условиях новой экономической реальности и перевода ее в постиндустриальную стадию. Среди них особо выделены принципы, учитывающие многоаспектность процесса управления (не только его технологический, технический, психологический аспектов, но и социальный аспект); исторический опыт регулирования экономических отношений на рынке труда в российской экономике в условиях предыдущих модернизаций; крайние сценарии развития постиндустриальной экономики (благоприятного – сценария «прогресса знаний», «экономики знаний», и неблагоприятного – сценария «деквалификация работников»); закономерности развития экономических отношений на рынке труда в современных условиях, заключающихся в их расширяющейся институционализации, социализации, профессиональной кластеризации; направленность на эффективное воспроизводство человеческого потенциала.

Сформулированы концептуальные основы государственного управления развитием эконо-

мических отношений на рынках труда в рамках разработанной государственной стратегии перевода российской экономики на инновационный путь развития и повышения инновационной активности бизнеса, отвечающей на технологические и социальные вызовы XXI столетия. Обосновано, что в современных условиях на передний план выходят проблемы развития человека и инвестиций в человеческий потенциал. Главное конкурентное преимущество высокоразвитых

стран связано с человеческой личностью и теми факторами, которые непосредственно связаны с жизнедеятельностью человека. Приоритетными являются не отдельные отрасли и сектора промышленности, а институты, связанные с развитием личности и через человека влияющие на состояние экономики.

Всё вышеотмеченное будет служить повышению эффективности экономических отношений на локальных рынках труда.

Список литературы

1. Байзаков С. Модели рынка труда, ориентированные на конечный продукт / С. Байзаков // Наука и инновации. 2015. № 1. С. 33-26.
2. Белов Е.А. Влияние уровня образования на степень неформальной занятости отдельных категорий лиц / Е. А. Белов // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 2. С. 198-205.
3. Беляев Д.П. О территориальной премии на рынке труда северных территорий России: история, настоящее и перспективы / Д. П. Беляев, Т. В. Белевских // Экономика и управление: рос. науч. журн. 2015. № 9 (119). С. 14-20.
4. Борисов, Д.М. Территориальная мобильность населения региона / Д. М. Борисов, К. В. Фофанова // Регионология. 2015. № 4. - С. 112-120.
5. Ванкевич Е.В. Исследование проблем занятости и безработицы молодежи на региональном рынке труда / Е. В. Ванкевич, О. В. Зайцева, Е. Н. Коробова // Вестник Витебского государственного технологического университета. 2016. Вып. 31. С. 134-144.
6. Васин С.М. Система обеспечения промышленности региона трудовыми ресурсами / С. М. Васин, В. А. Скворцова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 1 (37). С. 173-184.
7. Вишневецкая Н.Т. Мобильность рабочих мест и рабочей силы / Н. Т. Вишневецкая // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 10. С. 62-76.
8. Гагарин А. Отвечая требованиям рынка труда / А. Гагарин // Аккредитация в образовании. 2016. № 4 (88). С. 80.
9. Гасюкова Е.Н. Разный прекариат: об источниках и формах нестабильности социального статуса индивидов и групп / Е. Н. Гасюкова, В. В. Карачаровский, Г. А. Ястребов // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 48-63.
10. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. / С. Ю. Глазьев. М.: Экономика, 2010.
11. Голенкова, З. Т. Прекариат как новая группа наемных работников / З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 1 (195). С. 47-57.
12. Грузных С.Н. Новый имидж службы занятости - повышение эффективности участников рынка труда / С. Н. Грузных // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400 (ноябрь). С. 205-208.
13. Домнич Е. Л. Моделирование индикаторов численности трудовых ресурсов в регионах России / Е. Л. Домнич; Е. Л. Домнич // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 25. С. 43-56.
14. Жеребин В. М. Интернет-занятость как новая форма трудоустройства населения / В. М. Жеребин, О. А. Алексеева, Н. А. Ермакова // Народонаселение. 2016. № 1. С. 67-78.
15. Иванова, Н. А. Безработица в России и меры по снижению напряженности на рынке труда / Н. А. Иванова, И. К. Бурмистрова // Экономические науки. 2015. № 5 (126). С. 12-20.

References

1. Bajzakov, S. Modeli rynka truda, orientirovannye na konechnyj produkt / S. Bajzakov // Nauka i innovacii. 2015. № 1. - S. 33-26.
2. Belov, E. A. Vliyanie urovnya obrazovaniya na stepen' neformal'noj zanyatosti ot del'nyh kategorij lic / E. A. Belov // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2015. № 2. - S. 198-205.
3. Belyaev, D. P. O territorial'noj premii na rynke truda severnyh territorij Rossii: istoriya, nastoyashchee i perspektivy / D. P. Belyaev, T. V. Belevskih // EHkonomika i upravlenie: ros. nauch. zhurn. 2015. № 9 (119). - S. 14-20.
4. Borisov, D. M. Territorial'naya mobil'nost' naseleniya regiona / D. M. Borisov, K. V. Fofanova // Regionologiya. 2015. № 4. - S. 112-120.
5. Vankevich, E. V. Issledovanie problem zanyatosti i bezraboticy molodezhi na regional'nom rynke truda / E. V. Vankevich, O. V. Zajceva, E. N. Korobova // Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 2016. Vyp. 31. - S. 134-144.
6. Vasin, S. M. Sistema obespecheniya promyshlennosti regiona trudovymi resursami / S. M. Vasin, V. A. Skvorcova // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki. 2016. № 1 (37). - S. 173-184.
7. Vishnevskaya, N. T. Mobil'nost' rabochih mest i rabochej sily / N. T. Vishnevskaya // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. № 10. - S. 62-76.
8. Gagarin, A. Otvechaya trebovaniyam rynka truda / A. Gagarin // Akkreditaciya v obrazovanii. 2016. № 4 (88). - S. 80.
9. Gasyukova, E. N. Raznyj prekariat: ob istochnikah i formah nestabil'nosti social'nogo statusa individov i grupp / E. N. Gasyukova, V. V. Karacharovskij, G. A. Yastrebov // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2016. № 3. - S. 48-63.
10. Glaz'ev, S. YU. Strategiya operezhayushchego razvitiya Rossii v usloviyah global'nogo krizisa. / S. YU. Glaz'ev - M.: EHkonomika, 2010.
11. Golenkova, Z. T. Prekariat kak novaya gruppa naemnyh rabotnikov / Z. T. Golenkova, YU. V. Goliusova // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2015. № 1 (195). - S. 47-57.
12. Gruznyh, S. N. Novyj imidzh sluzhby zanyatosti - povyshenie ehffektivnosti uchastnikov rynka truda / S. N. Gruznyh // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 400 (noyabr'). - S. 205-208.
13. Domnich, E. L. Modelirovanie indikatorov chislennosti trudovyh resursov v regionah Rossii / E. L. Domnich; E. L. Domnich // EHkonomicheskij analiz: teoriya i praktika. 2015. № 25. - S. 43-56.
14. ZHerebin, V. M. Internet-zanyatost' kak novaya forma trudoustrojstva naseleniya / V. M. ZHerebin, O. A. Alekseeva, N. A. Ermakova // Narodonaselenie. 2016. № 1. - S. 67-78.
15. Ivanova, N. A. Bezrabotica v Rossii i mery po snizheniyu napryazhennosti na rynke truda / N. A. Ivanova, I. K. Burmistrova // EHkonomicheskie nauki. 2015. № 5 (126). - S. 12-20.

16. Исхакова Н. Б. Теоретические концепции занятости населения / Н. Б. Исхакова // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2015. № 2 (52), Ч. 2. С. 212-213.
17. Кириллова М. Рынок труда накануне испытаний / М. Кириллова // Экономическое развитие России. 2015. Т. 22, № 2. С. 101-103.
18. Клепикова Е. А. Эластичность предложения на российском рынке труда / Е. А. Клепикова // Вопросы экономики. 2016. № 9. С. 111-128.
19. Коковихин А. Ю. Механизмы и институты управления человеческими ресурсами в формировании инвестиционного климата на национальном и региональном уровнях / А. Ю. Коковихин // Известия Уральского государственного экономического университета. 2016. № 5. С. 100-110.
20. Маркс К. Капитал. Критика политической экономики. В 3-х т. / К. Маркс / Пер. И. И. Скворцова-Степанова. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1953.
21. Михеенко С. Н. «Гордиев узел» российского рынка труда / С. Н. Михеенко // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2015. № 4 (32). С. 127-143.
22. Морозова Я. В. Оценка профессиональной компетентности российской молодежи в условиях современного рынка труда и профессионально-трудовых отношений / Я. В. Морозова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. Вып. 1. С. 128-135.
23. Муравьева А. А. Государственное регулирование рынка труда / А. А. Муравьева // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 2. С. 246-249.
24. Наемный работник в современной России: [монография] / Ин-т социологии РАН; [отв. ред. З. Т. Голенкова]. М.: Новый хронограф, 2015. 362 с.
25. Найт Ф. Риск, неопределенность и прибыль / Ф. Найт / пер. с англ. М.: Дело, 2003. С. 117.
26. Национальный интегратор профессиональных ресурсов // Аккредитация в образовании. 2015. № 7 (83). С. 43-45.
27. Национальная система квалификаций - основа взаимодействия рынков труда и образования // Аккредитация в образовании. 2015. № 6 (82). С. 58.
28. Нечевея А. П. Исследование динамики трудовых ресурсов на основе многоотраслевой математической модели рынка труда / А. П. Нечевея // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52, № 2. С. 129-140.
29. Низова Л. М. Состояние и перспективы развития регионального рынка труда / Л. М. Низова, А. С. Никитина // Журнал экономической теории. 2016. № 2. С. 39-47.
30. Сушко В. А. Российский рынок труда / В. А. Сушко // Обзорзватель. 2015. № 6 (305). С. 82-97.
31. Таль Л. С. Пути и цели реформы законодательства о найме труда / Л. С. Таль. М.: 1912.
32. Тимачева Е. В. Российский рынок труда: тенденции и перспективы / Е. В. Тимачева // Труд и социальные отношения. 2015. Т. 26, № 3. С. 68-81.
33. Тимофеева В. Демографические аспекты и формирование трудового потенциала в региональных системах (на примере Владимирской области) / В. Тимофеева // Проблемы теории и практики управления. - 2015. № 3. - С. 90-95.
34. Тощенко Ж. Т. Прекариат – новый социальный класс / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3-13.
35. Шевелева О. В. Выпускников много: специалистов нет / О. В. Шевелева // Твердые бытовые отходы. 2016. № 4. С. 35-36.
36. Шкаратан О. И. Прекариат: теория и эмпирический анализ: (на материалах опросов в России) / О. И. Шкаратан, В. В. Карачаровский, Е. Н. Гасюкова // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99-110.
37. Шляхтова Л. М. Проблемы и современные тенденции развития рынка труда Псковской области / Л. М. Шляхтова, Е. В. Филиппова // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2015. № 3 (53), Ч. 2. С. 219-222.
16. Iskhakova, N. B. Teoreticheskie koncepcii zanyatosti naseleniya / N. B. Iskhakova // Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2015. № 2 (52), CH. 2. - S. 212-213.
17. Kirillova, M. Rynok truda nakanune ispytanij / M. Kirillova // EHkonomicheskoe razvitie Rossii. 2015. T. 22, № 2. - S. 101-103.
18. Klepikova, E. A. EHlastichnost' predlozheniya na rossijskom rynke truda / E. A. Klepikova // Voprosy ehkonomiki. 2016. № 9. - S. 111-128.
19. Kokovihin, A. YU. Mekhanizmy i instituty upravleniya chelovecheskimi resursami v formirovanii investicionnogo klimata na nacional'nom i regional'nom urovnyah / A. YU. Kokovihin // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta. 2016. № 5. - S. 100-110.
20. Marks, K. Kapital. Kritika politicheskoy ehkonomii. V 3-h t. / K. Marks / Per. I.I. Skvorpova-Stepanova. - M.: Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1953.
21. Miheenko, S. N. "Gordiev uzel" rossijskogo rynka truda / S. N. Miheenko // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. EHkonomika. 2015. № 4 (32). - S. 127-143.
22. Morozova, YA. V. Ocenka professional'noj kompetentnosti rossijskoy molodezhi v usloviyah sovremennogo rynka truda i professional'no-trudovyh otnoshenij / YA. V. Morozova // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya. 2015. Vyp. 1. - S. 128-135.
23. Murav'eva, A. A. Gosudarstvennoe regulirovanie rynka truda / A. A. Murav'eva // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 2. - S. 246-249.
24. Naemnyj rabotnik v sovremennoj Rossii: [monografiya] / In-t sociologii RAN; [otv. red. Z. T. Golenkova]. - M.: Novyj hronograf, 2015. - 362 s.
25. Najt, F. Risk, neopredelyonnost' i pribyl' / F. Najt / per. s angl. - M.: Delo, 2003. - S. 117.
26. Nacional'nyj integrator professional'nyh resursov // Akkreditaciya v obrazovanii. 2015. № 7 (83). - S. 43-45.
27. Nacional'naya sistema kvalifikacij - osnova vzaimodejstviya rynkov truda i obrazovaniya // Akkreditaciya v obrazovanii. 2015. № 6 (82). - S. 58.
28. Nechev'erya, A. P. Issledovanie dinamiki trudovyh resursov na osnove mnogootraslevoj matematicheskoy modeli rynka truda / A. P. Nechev'erya // EHkonomika i matematicheskie metody. 2016. T. 52, № 2. - S. 129-140.
29. Nizova, L. M. Sostoyanie i perspektivy razvitiya regional'nogo rynka truda / L. M. Nizova, A. S. Nikitina // ZHurnal ehkonomicheskoy teorii. 2016. № 2. - S. 39-47.
30. Sushko, V. A. Rossijskij rynek truda / V. A. Sushko // Obozrevatel'. 2015. № 6 (305). - S. 82-97.
31. Tal', L. S. Puti i celi reformy zakonodatel'stva o najme truda / L. S. Tal' - M.: 1912.
32. Timacheva, E. V. Rossijskij rynek truda: tendencii i perspektivy / E. V. Timacheva // Trud i social'nye otnosheniya. 2015. T. 26, № 3. - S. 68-81.
33. Timofeeva, V. Demograficheskie aspekty i formirovanie trudovogo potentsiala v regional'nyh sistemah (na primere Vladimirskoj oblasti) / V. Timofeeva // Problemy teorii i praktiki upravleniya. - 2015. № 3. - S. 90-95.
34. Toshchenko, ZH. T. Prekariat - novyj social'nyj klass / ZH. T. Toshchenko // Sociologicheskie issledovaniya. 2015. № 6. - S. 3-13.
35. SHeveleva, O. V. Vypusknikov mnogo: specialistov net / O. V. SHeveleva // Tverdye bytovye othody. 2016. № 4. - S. 35-36.
36. SHkaratan, O. I. Prekariat: teoriya i ehmpiricheskij analiz: (na materialah oprosov v Rossii) / O. I. SHkaratan, V. V. Karacharovskij, E. N. Gasyukova // Sociologicheskie issledovaniya. 2015. № 12. - S. 99-110.
37. SHlyahtova, L. M. Problemy i sovremennye tendencii razvitiya rynka truda Pskovskoj oblasti / L. M. SHlyahtova, E. V. Filippova // Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2015. № 3 (53), CH. 2. - S. 219-222.

Инновационные практики социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) по делам семьи и детей в России

Innovative Practices of Socially Oriented Non-profit Organizations on Family and Children's Affairs in Russia

Получено: 09.01.2018 Одобрено: 08.01.2018 Опубликовано: 14.05.2018 УДК: 316.473 DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10006

ГРИГОРЬЕВ СВЯТОСЛАВ ИВАНОВИЧ

доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ведущий научный сотрудник ИХОиК РАО, Москва, Россия
Email: Garry_2005@mail.ru

КАТАЕВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА

кандидат социологических наук, доцент Российского государственного социального университета, Москва, Россия
Email: orileader@gmail.com

ФОМИЧЕВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА

кандидат социологических наук, доцент Российского государственного социального университета, Москва, Россия
Email: fomitchevatv@mail.ru

GRIGOR'YEV, SI.

Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of RAO, Leading Researcher of the RAO UES of Russia, Moscow, Russia
Email: Garry_2005@mail.ru

KATAYEVA, VI.

PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management of Social Engineering of the Russian State Social University,
Email: orileader@gmail.com

FOMICHYOVA, TV.

PhD in Sociology, Associate Professor of Sociology of the Russian State Social University,
Email: fomitchevatv@mail.ru

Аннотация

Статья анализирует деятельность негосударственных некоммерческих организаций в Российской Федерации. Более подробно рассматривается работа социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций с семьями и детьми. За основу приняты статистические данные Министерства Юстиции по Федеральным округам РФ. **Объектом исследования** являются социально ориентированные негосударственные некоммерческие организации с семьями и детьми, зарегистрированные на территории Российской Федерации.

Предметом исследования являются инновационные практики социально ориентированных некоммерческих организаций по делам семьи и детей в России.

Целью исследования является обзор инновационных практик социально ориентированных некоммерческих организаций по делам семьи и детей в России.

Теоретическая сторона предмета: изучение концептуальных подходов к исследованию деятельности социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций с семьями и детьми в теоретической социологии.

Эмпирическая сторона предмета: исследование инновационных практик социально ориентированных некоммерческих организаций по делам семьи и детей в России для эмпирических измерений.

Основные теоретические положения статьи: «практики социально ориентированных некоммерческих организаций» как функциональный аспект изучения деятельности данных организаций в России. Выявляется роль некоммерческого сектора в развитии экономики страны. Анализируются программы государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций. Выделяются субъекты Российской Федерации – лидеры по количеству некоммерческих организаций и по количеству НКО, работающих с семьями и детьми. В статье описаны направления деятельности некоммерческих организаций по работе с семьями и детьми, выявлены инновационные модели данного рода деятельности. В результате анализа выделяется ряд системных проблем,

Abstract

The activities of non-governmental non-profit organizations in the Russian Federation. The work of socially-oriented non-governmental non-profit organizations with families and children is considered in more detail. The statistical data of the Ministry of Justice for the Federal Districts of the Russian Federation are taken as a basis.

The Object of the Study. Socially-oriented non-governmental non-profit organizations with families and children registered in the territory of the Russian Federation.

The Subject of the Study. Innovative practices of socially-oriented non-profit organizations for family and children in Russia.

The Purpose of the Study is reviewing innovative practices of socially-oriented non-profit organizations for family and children in Russia.

The Theoretical Aspect of the subject is studying conceptual approaches to the study of the activities of socially-oriented non-state non-profit organizations with families and children in theoretical sociology.

The Empirical Aspect of the Subject is studying innovative practices of socially-oriented non-profit organizations for family and children in Russia for empirical measurements.

The Main Theoretical Provisions of the Article are practices of socially-oriented non-profit organizations as a functional aspect of studying the activities of these organizations in Russia. The role of the non-profit sector in the development of the country's economy is revealed. Programs of state support for socially-oriented non-profit organizations are analyzed. The subjects of the Russian Federation are singled out - the leaders in terms of the number of non-profit organizations and the number of NGOs working with families and children. The article describes and classifies the areas of activity of non-profit organizations for working with families and children, and innovative models of this kind of activity are identified. As a result of the analysis, a number of systemic problems are highlighted that can hamper the development of socially-oriented non-profit organizations aimed at supporting families and children. When working on this research specific methods of document analysis were used: traditional (primary) document analysis as well as secondary, comparative analysis. Thus, a "triangular

которые могут препятствовать развитию социально ориентированных некоммерческих организаций, направленных на поддержку семьи и детей. При работе над данным исследованием применялись методики анализа документов: традиционный (первичный) анализ документов, а также вторичный, компаративный анализ. Таким образом, применен «триангулярный подход» для исследования инновационных практик социально ориентированных некоммерческих организаций.

Ключевые слова: семья, социальная услуга, некоммерческая организация, социально ориентированная некоммерческая организация, инновационная практика.

approach” is applied to research innovative practices of socially oriented non-profit organizations.

Keywords: a family, social service, a non-profit organization, a socially-oriented non-commercial organization, innovative practice.

Введение

По данным ВЦИОМ, который исследовал индекс счастья россиян, большая часть респондентов ощущает себя счастливым вследствие благополучия в семье (35%), то есть семья является главным источником счастья для россиян [Счастье или кризис..., 2016, 10]. Доля бедных семей в России за 2015 год увеличилась почти в два раза [Опрос показал двукратный рост числа бедных семей в России за год, 2015, 8]. Постепенно доля «бедных» семей (которым не хватает даже на еду и тем, кому достаточно средств на еду, но покупка одежды недоступна) подскочила до 39%, вернувшись, таким образом, на уровень 2009 года [Материальное положение россиян 2005-2015, 2015, 5]. В России количество неполных семей выросло до 30% и составило 6,2 миллиона. К примеру, в России к 2010 году выявлено почти 654,5 тысячи детей-сирот, из них почти 84 тысячи – это дети при живых родителях [Число неполных семей в России выросло до шести миллионов, 2012, 14]. По данным ВОЗ, Россия находится на 4 месте в мире по распространенности табакокурения среди подростков (курильщиками являются более 30% мальчиков и 17% девочек в возрасте 15-18 лет) [Сакевич, 2012, 9]. Решение вышеперечисленных социальных проблем семьи и детей возможно не только на уровне государства, но и посредством СО НКО, которые участвуют в предоставлении мер социальной поддержки гражданам.

Вложение в НКО – это окупаемые социальные инвестиции, но пока доля сектора НКО в ВВП составляет 0,9% в России, а в развитых странах Западной Европы и Америки – 6,5% [Грищенко, 2016, 1]. При этом доля социально ориентированных НКО от их общего числа также не значительна: в России – это 13,5%, в развитых странах Западной Европы и Америки – это 60-70%. По результатам исследования Британского благотворительного фонда САФ объема частных благотворительных пожертвований Россия вошла в ТОП-10, но при

этом она занимает только восьмое место: 0,34% от ВВП, тогда как в США 1,44% от ВВП, в Новой Зеландии 0,79% от ВВП [Ходорова, 2016, 13].

В законодательство понятие «социально ориентированные некоммерческие организации» введено Федеральным законом от 5 апреля 2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций». Социально ориентированными признаются некоммерческие организации, созданные в предусмотренных Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [Федеральный закон о некоммерческих организациях от 12.01.1996 № 7-ФЗ, 1996, 12] формах (за исключением государственных корпораций, государственных компаний, общественных объединений, являющихся политическими партиями) и осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации, а также на ряд направлений деятельности, среди которых в интересах семей и детей могут осуществляться следующие: социальная поддержка и защита граждан; профилактика социально опасных форм поведения граждан; благотворительная деятельность; деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан и др. направлениях.

В 2016 году указом президента РФ № 398 от 8 августа «Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг» [Указ президента РФ № 398 от 8 августа 2016 г., 2016, 11] были определены приоритетные направления деятельности СО НКО, среди которых в отношении семьи и детей выделены следующие: оказание помощи семье в воспитании детей, содействие трудоустройству и трудовой адаптации матерей с детьми, социальное сопровождение семей и др.

По мнению заместителя Министра экономического развития РФ Олега Фомичева, «комплекс мер по развитию доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере повысят потенциал НКО» [Министерство экономического развития РФ. Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере. 1 июля 2016, 2016, 7].

Анализ количества социально ориентированных некоммерческих организаций в России

Для сбора и анализа информации о количестве СО НКО, работающих с семьями и детьми, использовались возможности информационного портала Министерства юстиции РФ. По состоянию на 23.09.2016 года в разделе «Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях» на сайте Министерства юстиции РФ зарегистрировано 226551 НКО [Информационный портал НКО Алтайского края, 2016, 3; 2016, Информационный портал Министерства юстиции РФ, 2016, 2]. В проведенной работе мы проанализировали зарегистрированные некоммерческие организации в 85 субъекте Российской Федерации и определили количество НКО, работающие с семьей и детьми.

Большинство некоммерческих организаций зарегистрировано в Центральном и Приволжском федеральных округах (рис. 1).

Лидирующая позиция Центрального федерального округа обусловлена количеством НКО в городе Москве как столице России и крупнейшего по численности города, а Приволжского федерального округа – республике Татарстан. Примечателен тот факт, что в модель социально-экономического развития Татарстана включены такие параметры как «наличие значительного количества зарегистрированных НКО, а также политика по поддержке СО НКО» [Кулькова, 2013, 4, с. 96-103]. При анализе НКО в каждом федеральном округе

наблюдаются следующие тенденции. В Южном федеральном округе «лидером» по количеству НКО является Краснодарский край (6465), а минимальное количество некоммерческих организаций зарегистрировано в Республике Калмыкия (559). В Северо-Западном федеральном округе наибольшее количество НКО зарегистрировано в Санкт-Петербурге (12216), а в Ненецком автономном округе не зарегистрировано ни одной некоммерческой организации. В Дальневосточном федеральном округе максимальное количество НКО зафиксировано в Приморском крае (3220), минимальное количество – в Чукотском автономном округе (125). В Сибирском федеральном округе максимум НКО зафиксирован в Новосибирской области (4588), минимальное же количество НКО – в республике Тыва (380). В Уральском федеральном округе максимальное количество НКО зарегистрировано в Свердловской области (6449), минимальное – в Ямало-Ненецком автономном округе (876). В Северо-Кавказском федеральном округе максимальное количество НКО отмечено в Ставропольском крае (3032), а минимальное – в Республике Ингушетии (366). Таким образом, диапазон количества некоммерческих организаций значительно отличается в конкретных федеральных округах и субъектах федеральных округов в зависимости от различных факторов: от экономического развития региона, потребности в некоммерческих организациях, а также от уровня жизни населения в целом. Среди всех федеральных округов России достаточно уверенно выделяется Центральный федеральный округ с такими субъектами РФ как Москва и Московская область.

По результатам анализа зарегистрированных некоммерческих организаций доля НКО, работающих с семьей и детьми, составляет всего 0,9% от общего числа зарегистрированных негосударственных НКО. В масштабе России – это число незначительное. При этом российская семья нуждается в социальной поддержке по разным

Рис. 1. Количество НКО в федеральных округах РФ

направлениям. Например, в России число семей с напряженной семейной атмосферой почти в два раза больше по сравнению с Европейскими странами, что требует увеличения психологической работы с семьей и создания новых НКО в рамках этого направления с внедрением новых инновационных практик. Также наблюдается ценностная трансформация, связанная с браком и детьми [Giddens, 2005, 16]. Например, возросло количество людей, предпочитающих в брак не вступать и жить одному: с 4% в 1989 году до 12% в 2014 году; супругов, не желающих иметь детей, в современном российском обществе осуждают меньше, нежели четверть века назад: с 33% в 1989 году до 18% в 2014 году [Kataeva et al., 2016, 15, с. 2315-2325], что требует увеличения морально-нравственной работы с подрастающим поколением, молодыми семьями в рамках инновационной деятельности создаваемых НКО.

В отношении федеральных округов наибольшее число семейно-ориентированных НКО в Центральном и Сибирском федеральном округах (рис. 2). Лидирующие позиции Центрального федерального округа по количеству НКО, работающих с семьей и детьми, обусловлены количеством таких организаций в Москве, как столице РФ. В Сибирском федеральном округе лидирующую позицию занимает Красноярский край. В нем половину зарегистрированных НКО, работающих с семьей и детьми, составляют семейно-родовые общины малочисленных народов Севера. Похожая с Красноярским краем тенденция наблюдается в следующих субъектах РФ: в республике Бурятия – семейно-родовые общины малочисленных народов составляют 82,2% от общего числа НКО, работающих с семьей и детьми; в Ямало-Ненецком автономном округе – 82,3% таких общин; в Камчатском крае – 72,7% таких общин; в Саха-

линской области – 72,7% таких общин; в Хабаровском крае – 62,3% таких общин; в Архангельской области – 57,1% таких общин; в Ханты-Мансийском автономном округе – 25% таких общин; в республике Саха (Якутия) – 19,4% таких общин.

В остальных субъектах РФ наибольшее число НКО, работающих с семьей и детьми, преобладает в Московской области, Санкт-Петербурге, Новосибирской области, Свердловской области, республике Татарстан, Пермском крае, республике Башкортостан, Нижегородской области. Наименьшее число НКО, работающих с семьей и детьми, зарегистрировано в Тамбовской области (3), республике Тыва (3), Карачаево-Черкесской республике (3), Орловской области (1), республике Адыгея (1) и республике Ингушетия (1). В двух субъектах России – Ненецком автономном округе и Еврейской автономной области – не зарегистрировано ни одной НКО, работающей с семьей и детьми.

Таким образом, в Российской Федерации в масштабе всех зарегистрированных НКО наблюдается недостаточное количество НКО, работающих с семьей и детьми. В отношении 85 субъектов РФ прослеживается неравномерность действующих семейно-ориентированных НКО, число которых варьируется от 1 до 265 на один субъект. Данное обстоятельство может влиять на качество и адресность социальной поддержки семей и детей в конкретном регионе России, а также на развитие инноваций в социальной сфере.

Инновации в деятельности СО НКО по делам семьи и детей

По данным Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ 48 % обследованных НКО внедрили различные социальные инновации в одной или нескольких

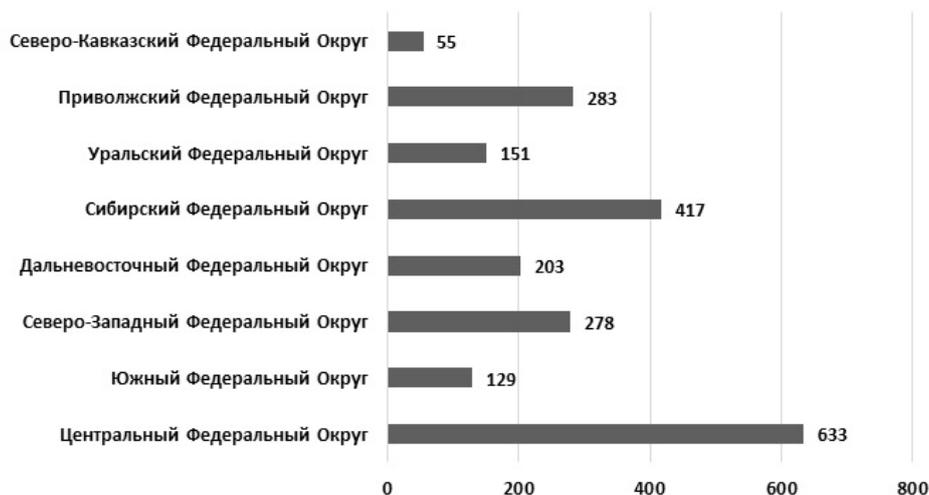

Рис. 2. Количество НКО в федеральных округах, работающих с семьей и детьми

областях [Миннигалева, 2016, 6, с. 67-79]. СО НКО, предлагая инновационные решения по устранению социальных аномалий, решают наиболее сложные проблемы общества в работе с семьей и детьми, оказывают социально значимые услуги семьям с детьми, частично финансируемые государством, как на федеральном, так и на региональном уровне.

Проанализировав данные на предмет наличия инновационных практик работы с семьей и детьми у СО НКО, следует отметить, что чаще всего используются уже разработанные модели. Вместе с тем следует отметить наличие инновационных подходов по решению социально значимых проблем семьи и детей. Во многих субъектах РФ СО НКО активно применяют механизм партнерского взаимодействия с организациями из разных секторов общества: взаимодействие с иностранными компаниями, церковными приходами разных религиозных конфессий, органами власти (государственными и муниципальными), коммерческими структурами, зарубежными родственными организациями. В Забайкальском и Приморском краях СО НКО участвуют в благотворительных акциях, взаимодействуют с региональным Управлением министерства юстиции РФ, детским фондом ООН ЮНИСЕФ по программе «Здоровье и развитие молодежи». СО НКО «Сотворение» (Калининградская область) реализует совместные проекты с Балтийским флотом (целевая льготная категория – семьи военнослужащих), издает бесплатный региональный журнал «Мамина школа».

В некоторых субъектах РФ реализуется уникальная, максимально приближенная к семейной модель воспитания детей, лишенных родной семьи. Сокращенно данная модель называется SOS (social society или social support). Например, организация Псковской области «Детские деревни-SOS» за основное направление работы приняла строительство и поддержание Детских деревень-SOS, в которых под опекой данной организации находится около 340 детей-сирот. Не менее эффективную технологию профилактики социального сиротства реализует Фонд «Укрепление семьи» (Вологодская область). Программа «Моя мама» реализуется в Вологде и Череповце с 2008 года. За 3,5 года реализации программы «Моя мама» оказана комплексная помощь более 700 семьям, предотвращено 60 отказов от детей в роддомах и от детей раннего возраста. 97% детей, стоящих на сопровождении в программе – воспитываются в биологической семье в условиях стабильности и безопасности.

Некоторые фонды закупают новейшие биологические и медицинские технологии и аппараты, направленные на укрепление детского здоровья

для профилактики возникновения и развития тяжелых заболеваний у детей, в том числе онкозаболеваний. С помощью СО НКО осуществляется финансовая, психологическая, юридическая и моральная поддержка детей, нуждающихся в дорогостоящем или длительном лечении. В Калужской области реализуется программа помощи детям «Дети больниц», временным домом которых стала больничная палата. СО НКО оказывают содействие учреждениям и кризисным семьям в развитии и реабилитации детей, в них воспитывающихся.

СО НКО, работающие с семьей и детьми, разрабатывают инновационные модели и в области военно-патриотического воспитания. Примером может быть клуб «Русские витязи» (Ставропольского край).

Данные по инновационным моделям работы СО НКО с семьей и детьми показывают серьезные проблемы, с которыми сталкиваются эти организации. Во-первых, это слабое знание основ маркетинга и неумение четко выделять свою целевую группу (аудиторию). Отсутствие знаний в области некоммерческого маркетинга не позволяет СО НКО, несмотря на наличие инновационных моделей работы с семьей и детьми, занять прочное место на рынке социальных и социально-культурных услуг.

Заключение

Анализ обработанного материала позволяет выделить несколько инновационных практик в работе СО НКО с семьей и детьми: работа с добровольческими ресурсами территорий; привлечение дополнительных источников финансирования из различных экономических секторов общества; выявление новых целевых групп, нуждающихся в поддержке; создание общественно-государственных и общественно-частных партнерств; разработка инновационных технологий решения проблем целевых групп; применение разнообразных маркетинговых коммуникаций. В целом, в Российской Федерации сформирована система социальной поддержки семей с детьми, структурным элементом которой являются социально ориентированные некоммерческие организации. Однако следует отметить ряд системных проблем, которые могут препятствовать развитию СО НКО, направленных на поддержку семьи и детей: несоответствие законодательной базы динамике развития третьего сектора; отсутствие в системе национальных счетов (статистике) механизма учета вклада СО НКО в ВВП, которое не позволяет проводить объективную оценку роли СО НКО в социально-экономическое развитие страны; отсутствие межсекторного партнерства на основе новых подходов и парадигм, а также комплекса мер по согласованию интересов семьи и детей с использованием современных технологий.

Список литературы

1. Грищенко А.В. Налоговое регулирование деятельности некоммерческих организаций. [Электронный ресурс]. URL: <https://grans.hse.ru/data/2016/04/22/1130215532/Na-13.5%20%D0%93%D1%80%D0%B8%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE.pdf>
2. Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях. Информационный портал Министерства юстиции РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx>
3. Информационный портал НКО Алтайского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://nko22.ru/>
4. Кулькова В.Ю. Опыт организации и реализации образовательной программы для специалистов социально ориентированных некоммерческих организаций республики Татарстан (СО НКО РТ) в развитии системы государственной поддержки третьего сектора. Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева, 2013. № 3 (13). С. 96-103.
5. Материальное положение россиян 2005-2015. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3010 от 28.12.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115531>
6. Миннигалева Г.А. Инновационность российских НКО: масштабы и взаимосвязь с особенностями управления. Мониторинг общественного мнения, 2016. № 4 (134). С. 67-79. [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2016/134/2016_134_05_Minnigaleeva.pdf
7. Министерство экономического развития РФ. Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере. 1 июля 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/minrec/about/structure/depino/2016070101>
8. Опрос показал двукратный рост числа бедных семей в России за год. Lenta, 28.12.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2015/12/28/dohod/>
9. Сакевич В.И. Доклад о положении детей в Российской Федерации. Демоскоп, № 499-500, 20 февраля-4 марта 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0499/reprod01.php>
10. Счастье или кризис: кому на Руси жить хорошо. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3085 от 18.04.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115659>
11. Указ президента РФ № 398 от 8 августа 2016 г. «Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/831860/>
12. Федеральный закон о некоммерческих организациях от 12.01.1996 № 7-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/
13. Ходорова Ю. Валовая внутренняя филантропия: анализ взаимосвязи ВВП, налогов и частной благотворительности. Журнал «Филантроп», январь, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://philanthropy.ru/analysis/2016/01/28/33080/#.V9J5kfmLTdc>
14. Число неполных семей в России выросло до шести миллионов. Российская газета. 26.04.2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2012/04/26/semiya-anons.html>
15. Kataeva V.I., Koludarova S.V., Salistaya G.S., Sulyagina J.O., Fomicheva T.V. Values of Russian people in institutions of socialization: fighting for a better world. Man in India. 2016. T. 96. № 7. С. 2315-2325.
16. Giddens E. Sociology. 2005

References

1. Grishchenko A.V. Nalogovoe regulirovanie deyatel'nosti nekommercheskih organizacij. [EHlektronnyj resurs]. <https://grans.hse.ru/data/2016/04/22/1130215532/Na-13.5%20%D0%93%D1%80%D0%B8%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE.pdf>
2. Informaciya o zaregistrovannyh nekommercheskih organizacijah. Informacionnyj portal Ministerstva yusticii RF. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx>
3. Informacionnyj portal NKO Altajskogo kraja. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://nko22.ru/>
4. Kul'kova V.YU. Opyt organizacii i realizacii obrazovatel'noj programmy dlya specialistov social'no orientirovannyh nekommercheskih organizacij respubliky Tatarstan (SO NKO RT) v razvitii sistemy gosudarstvennoj podderzhki tret'ego sektora. Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva, 2013. № 3 (13). S. 96-103.
5. Material'noe polozhenie rossijan 2005-2015. Press-vypusk VCIOM № 3010 ot 28.12.2015. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115531>
6. Minnigaleeva G.A. Innovacionnost' rossijskih NKO: masshtaby i vzaimosvyaz' s osobennostyami upravleniya. Monitoring obshchestvennogo mneniya, 2016. № 4 (134). S. 67-79. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2016/134/2016_134_05_Minnigaleeva.pdf
7. Ministerstvo ehkonomicheskogo razvitiya RF. Podderzhka dostupa negosudarstvennyh organizacij k predostavleniyu uslug v social'noj sfere. 1 iyulya 2016. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://economy.gov.ru/minrec/about/structure/depino/2016070101>
8. Oprok pokazal dvukratnyj rost chisla bednyh semej v Rossii za god. Lenta, 28.12.2015. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://lenta.ru/news/2015/12/28/dohod/>
9. Sakevich V.I. Doklad o polozhenii detej v Rossijskoj Federacii. Demoskop, № 499-500, 20 fevralya-4 marta 2012. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0499/reprod01.php>
10. Schast'e ili krizis: komu na Rusi zhit' horosho. Press-vypusk VCIOM № 3085 ot 18.04.2016. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115659>
11. Ukaz prezidenta RF № 398 ot 8 avgusta «Ob utverzhdenii prioritetnyh napravlenij deyatel'nosti v sfere okazaniya obshchestvenno poleznyh uslug». [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/831860/>
12. Federal'nyj zakon o nekommercheskih organizacijah ot 12.01.1996 № 7-FZ. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/
13. Hodorova YU. Valovaya vnutrennyaya filantropiya: analiz vzaimosvyazi VVP, nalogov i chastnoj blagotvoritel'nosti. Zhurnal «Filantrop», yanvar', 2016. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://philanthropy.ru/analysis/2016/01/28/33080/#.V9J5kfmLTdc>
14. Chislo nepolnyh semej v Rossii vyroslo do shesti millionov. Rossijskaya gazeta. 26.04.2012. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://rg.ru/2012/04/26/semiya-anons.html>
15. Kataeva V.I., Koludarova S.V., Salistaya G.S., Sulyagina J.O., Fomicheva T.V. Values of Russian people in institutions of socialization: fighting for a better world. Man in India. 2016. T. 96. № 7. С. 2315-2325.
16. Giddens E. Sociologiya. 2005.

Социальные перспективы проекта цифровая экономика РФ 2017–2030 гг.

Social Prospects of the Digital Economy of the Russian Federation 2017–2030 Project

Получено: 10.02.2018

Одобрено: 06.03.2017

Опубликовано: 14.05.2018

УДК: 316.4

DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10007

ЮДИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

научный сотрудник лаборатории проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН
Email: Yudinama91@gmail.com

YUDINA, MA

Research Worker at the Laboratory of Problems of Life Quality and Living Standards at the Institute of Socioeconomic Problems of Population, Russian Academy of Sciences
Email: Yudinama91@gmail.com

Аннотация

Объект. Российское общество в условиях перехода к четвертой промышленной революции.

Предмет. Социальные проблемы в контексте переходного периода.

Цель. Определить текущий уровень готовности России к новой промышленной революции и, исходя из этого, объективно оценить перспективность проекта «Цифровая экономика» для решения социальных проблем.

Основные положения статьи. Новый проект цифровизации, заявленными целями которого являются построение общества знания и создание экономики нового типа, на практике носит оборонительный характер, ориентирован прежде всего на защиту суверенитета путем создания отечественных аналогов технологий 4.0. Учитывая открытый глобальный всепроникающий характер нового поколения технологий, подобный подход может обернуться для России самоизоляцией и дальнейшим отставанием. Комплексный индекс готовности к будущему 2017 показывает, что оборона (суверенитет) в России уже на достаточно высоком уровне, поэтому новый проект цифровизации во многом закрепляет достигнутое. В проектных документах социальным вопросам уделено несоизмеримо меньше внимания, чем техническому перевооружению и пока они ограничены направлением «кадры и образование». Положительным является признание значимости цифровых компетенций, выработка мер по стимулированию их развития у населения, но этого явно недостаточно. Низкий уровень сложности экономики, высокий уровень социального неравенства, неразвитость аналоговых дополнений и недоверие россиян к институтам будут препятствовать появлению оригинальных, не дублирующих, технологий 4.0. Нужно использовать высокий уровень технооптимизма россиян и достигнутый предыдущими проектами информатизации распространенности технологий для решения указанных проблем.

Ключевые слова: цифровая экономика, государственные программы технологического развития, Индустрия 4.0, социальные вызовы технологий, социальное неравенство, индекс готовности к будущему, сетевое общество, цифровые компетенции, сетевая социальность.

Abstract

The Object of the Study. The Russian society in the condition of transition to the fourth industrial revolution.

The Subject of the Study. Social problems in the context of the transitional period.

The Main Provisions of the Article. The new project of digitalization aimed at building a society of knowledge and creating the economy of a new type has practically a defensive nature, first of all directed toward defending sovereignty by way of creating home analogues 4.0. Taking into account an open global and all-penetrating character of the new generation of technologies such an approach could turn to Russian self-isolation and further backwardness. A complex index of readiness to 2017 has shown that sovereignty in Russia has a rather high level that's why a new digitalization project really consolidates the achieved success. Too little attention has been paid to social problems in the project documents if compared to technical reequipment being limited to only personnel and education. Recognizing significance of digital competence and working out measure for their development among people is obviously not sufficient. A low level of economy with a high level of social inequality, lack of development of analogue supplements, and Russians' treating mistrust to institutes will prevent from appearing original, not duplicating, technologies 4.0. A high level of technical optimism of the Russians achieved by the former projects of informatisation of technologies prevalence for solving the problems in question, must be used.

Keywords: digital economy, state programmes of technological development, Industry 4.0., social challenges of technologies, social inequality, an index of readiness to the future, Net society, digital competence, Net sociality.

Введение

Широкое обсуждение наступающей четвертой промышленной революции, «второго машинного века» началось ещё на Ганноверской ярмарке 2011 года. С тех пор множество стран приняли различные по масштабу и финансированию программы перехода на новый этап технологического развития. В числе наиболее известных примеров – исторически первый немецкий проект «Индустрия 4.0» [17], а также Японское «Общество 5.0» [15], которое ориентировано на решение социальных проблем. Для Российской Федерации основными документами по подготовке к новому этапу развития технологий стали Стратегия Информационного общества до 2030 года (подписана Президентом 09.09.2017) [14] и программа «Цифровая экономика РФ» (утверждена 28 июля 2017 года Председателем Правительства, рассчитана, как и Стратегия, до 2030 года) [10].

Новый проект отличает массивное информационное сопровождение, разнообразие экспертных мнений и активная поддержка Президента страны: «Формирование цифровой экономики – это вопрос национальной безопасности и независимости России, конкуренции отечественных компаний» [13]. «Цифровая экономика» – это попытка ответить на вызовы времени, российский вариант государственных программ перехода к четвертой промышленной революции, которые активно реализуются в развитых странах.

Формально значимость ИКТ для развития страны была признана ещё в 2000 году, путем подписания Окинавской Хартии информационного общества [8]. В России накоплен свой опыт государственных программ информатизации: ФЦП «Электронная Россия (2002–2010)», дважды переписанная в процессе реализации (в 2006 и 2009 годах), «Стратегия развития информационного общества» 2008 года, заявленная изначально до 2015 года, которую заменила принятая в 2011 году ФЦП «Информационное общество». Сроком её окончания изначально был 2020 год, но документы 2017 года отменили её действие. Удалось ли за эти годы создать базу для формирования цифровой экономики в России? Цель данной статьи – определить текущий уровень готовности нашей страны к новой промышленной революции и, исходя из этого, объективно оценить потенциал нового проекта, его перспективность с точки зрения решения социальных проблем путем развития цифровой экономики.

Основная часть

Стратегия 2017 года начинается с перечисления достижений предыдущих попыток создания цифрового общества в России: в 2016 более

80 млн. пользователей Российского сегмента интернета, более 34 миллионов получают государственные услуги удаленно и в 2015 объем услуг и сервисов в Интернете составил 2,3% ВВП [14, с. 5-6]. В то же время признаются и отрицательные стороны цифровизации, как, например, возможные проблемы на рынке труда и угроза со стороны других стран, владеющих более сложными технологиями, в том числе позволяющими оказывать информационное влияние на население. Можно обоснованно назвать Стратегию развития информационного общества в РФ 2017-2030 оборонительной: подчеркивается значимость сохранения «традиционных культурно-нравственных ценностей», необходимость сохранить гражданам возможность получать услуги не только в электронном, но и традиционном, привычном виде, а главное – обеспечить безопасность информации через импортозамещение новейших технологий Индустрии 4.0.

В стратегии закреплены определения ключевых технологий четвертой промышленной революции (Индустриальный и Интернет вещей, Облачные и туманные вычисления и т.д.), но в большей своей части документ ближе к проектам девятилетней давности, чем к современным государственным программам поколения 4.0. Понимание общества как сетевого, в котором технологии оказывают всё большее влияние на социальные отношения, подменяется страхом информационной войны, неким «влиянием» поставщиков оборудования и владельцев социальных сетей на молодежь и необходимости в этой связи создавать национальные платформы, технологии-аналоги, которые контролируют россияне. Подобный подход может обернуться самоизоляцией в условиях глобальной цифровой экономики.

Принятая летом 2017 программа «Цифровая экономика» гораздо больше ориентирована на современные реалии, но её обоснованно критикуют за акцент в первую очередь на технологиях: социальным проблемам в новом проекте уделено недостаточно внимания. «Цифровая экономика» – центральная тема обсуждения на конгрессе SMART RUSSIA 2017, по итогам которого вышла критикующая её декларация: «В преамбуле к правительственной Программе справедливо говорится о том, что она «направлена на создание условий для развития общества знаний в Российской Федерации», однако при этом «Дорожная карта» ее реализации больше напоминает пожелания к развитию цифровых технологий, без вообще какой-либо привязки к развитию экономики и тем более общества» [4]. В документе доля мер по совершенствованию законодательства и внедрению

различных ИКТ значительно превышает социальные, практически все они представлены только одним направлением – «кадры и образование».

Можно сказать, что само признание на государственном уровне необходимости работать над выработкой цифровых компетенций – это первый шаг к сокращению цифрового неравенства второго уровня. Первый уровень отражает неравный доступ к технологиям, в основе второго – различия между людьми по уровню владения цифровыми компетенциями и в мотивации пользователей. Несмотря на полезность цифровых технологий в работе и развитии востребованных для карьеры навыков, большинство людей предпочитают использовать их для развлечения. Чтобы стимулировать сетевое образование и развитие гражданского общества нужны дополнительные меры вовлечения граждан в использование полезных интернет-платформ. Продвижению в этом направлении потенциально может способствовать внедрение государственной системы стимулирующих выплат в виде персональных цифровых сертификатов от государства на обучение детей и взрослых компетенциям цифровой экономики, неких «цифровых норм ГТО», создание и пропагандирование подобной системы предусмотрено планом мероприятий по направлению «кадры и образование», опубликованным 21 февраля 2018 года [9]. При подобном подходе очень важно предусмотреть актуализацию предлагаемых населению навыков. В противном случае заявленная цель «доля граждан РФ, обладающих цифровыми навыками к 2021 году, составит не менее 40%» [9] не принесет желаемого эффекта роста уровня жизни населения. Интересно, что цифровая грамотность и меры по её обеспечению предлагается создавать параллельно системе цифровых сертификатов. Из текста программы и дорожной карты пока не совсем понятно, как именно будут строиться и соотноситься друг с другом эти две системы, но вероятно «цифровые ГТО» будут вторым уровнем относительно базового владения ИКТ.

Несколько неоднозначной представляется указанная в дорожной карте задача «проведение анализа уровня мотивационно-ценностных особенностей населения РФ в условиях цифровой экономики». Важно симулировать использование цифровых навыков для личностного развития, но учитывая заявленную в Стратегии информационного общества необходимость сохранения традиционных ценностей, подобная задача потенциально может оказаться проверкой взглядов граждан на соответствие некой норме, что противоречит закреплённому Конституцией праву на свободу от доминирующей идеологии. При

этом ответственными исполнителями назначены Минэкономразвития и Центр компетенций, которые, вероятно, сконцентрируются именно на навыках и связанной с ними мотивации.

Особый интерес представляет «Проведение мониторинга операциональной готовности различных групп и категорий населения к жизни и деятельности в условиях цифровой экономики», методика которого, вероятно ещё не выработана, поскольку до сих пор подобные оценки в РФ сводились к доступности технологий, даже должное внимание к цифровым компетенциям – всё ещё достаточно новое явление в отечественной практике. Но важно понимать, что готовность граждан к новым условиям не сводится к имеющимся у них навыкам, важно создать условия для их реализации.

Целый спектр проблем связан с неравным распределением «цифровых дивидендов», то есть преимуществ от распространения и использования цифровых технологий. В процессе их получения конечными гражданами большую роль играют не только технологии, но и так называемые «аналоговые дополнения», то есть ключевые элементы среды: нормативно-правовая база, обеспечивающая высокий уровень конкуренции, навыки, позволяющие использовать новую технологию, и подотчетные институты. Кратко их значимость можно выразить формулой: «Информация без подотчетности – контроль; автоматизация без навыков – неравенство; масштабирование без конкуренции – концентрация» [19, с.18].

Традиционно высокая для России значимость социальных связей в экономических отношениях в последние годы стала ещё выше и сопровождалась падением доверия к формальным институтам и правилам, в том числе и потому, что для реализации активных стратегий требовалось использовать неформальные связи в обход правил. Авторы исследования «Евробарометр России» вывели общее правило для РФ: «чем больше контактов с представителями института, тем ниже уровень доверия» [2, с. 44]. Если европейцы больше всего доверяют полиции, то опросы россиян показывают стабильно высокий рейтинг доверия к Президенту [2, с. 45]. Понятно, что это больше эмоциональная вовлечённость, на практике направляемые Президенту запросы граждан процедурно распределяются между ответственными ведомствами.

Из широкого спектра «аналоговых дополнений» общая дорожная карта программы «Цифровая экономика» направлена в основном на доработку законодательства, что потенциально влечет институциональные изменения, но пока трудно спрогнозировать, насколько это будет способствовать более справедливому распределению

цифровых дивидендов. Россия вступает в гонку 4.0 с колоссальным неравенством: по данным Росстата 13,4% населения, а именно 19,6 млн. россиян имеют доход ниже прожиточного минимума [11], при этом результаты исследований Т. Пикетти свидетельствуют, что «1% россиян получает примерно 20–25% национального дохода» [12]. Более того, как отмечает вице-премьер О. Голодец, в России 5 миллионов работающих бедных [6].

Большинство россиян осознают царящую в обществе социальную несправедливость: по данным фонда Гэллага, о том, что неравенство стало сильнее с 2011 по 2016 год, свидетельствуют 69% опрошенных в возрасте от 35-44 лет, у людей старше 50 этот процент ещё выше – 77%. Даже половина молодых опрошенных (15-24 лет), чья категория традиционно более оптимистично настроена, разделяет то же мнение (55%). [18]. Учитывая прямую взаимосвязь между социальным неравенством и ростом напряженности в обществе, проводить цифровизацию с ориентацией на технологии, а не на потребности людей в большей социальной справедливости может быть потенциально опасно. Но на данный момент жители РФ – самые большие технооптимисты в Европе, их доля среди опрошенных – 48%, скептиков – 28%, технофобов – 24% [3, с. 44]. При этом технооптимизм напрямую связан с низким доверием к институтам и явной склонностью инновационных предпринимателей к нарушению правил. Потенциальные технологические предприниматели имеют «самые низкие показатели институционального доверия среди всего населения РФ» [3, с. 54] и любой новатор в определенном смысле «нарушитель» устоявшегося порядка вещей.

Чрезвычайно важно создавать условия для инновационного предпринимательства, формируя поощряющую его экосистему. В условиях продолжающегося роста неравенства и негативного экономического влияния санкций (отмены которых не удастся добиться уже четыре года), население вынуждено повышает экономическую активность. В сочетании с технологическим оптимизмом это создает потенциал для создания инноваций для решения назревших социально-экономических проблем, имплементации новых технологических проектов, ориентированных на запросы населения. Характерный пример в данном случае – японский проект «Общество 5.0», который изначально задумывался как технологии для людей, использование последних достижений науки для создания более инклюзивного общества.

Для комплексной оценки готовности стран к будущим вызовам специалисты ВЦИОМ и Международного дискуссионного клуба «ВАЛДАЙ»

разработали совместный «Индекс готовности к будущему» [5]. Его значимым преимуществом является сочетание количественных и, что особенно важно, качественных показателей по десяти выработанным направлениям: технологии, экономика, образование, наука, общество, культура и коммуникации, ресурсы и экология, суверенитет и безопасность, система управления, международное влияние. Путем форсайтов и экспертных дискуссий в каждой из данных сфер выделили значимые тенденции, на основе которых были подобраны количественные индикаторы, далее следовал экспертный опрос и расчет итогового индекса. Заметно преобладание количественных показателей – они сформированы на основе уже существующих индексов, применяемых для оценки указанных сфер. По каждому из 10 направлений экспертное мнение запрашивалось только по двум параметрам, тогда как индексов учитывалось по 6-7 штук. Шкала для индексов по каждому из направлений: минимум 0, максимум – 1.

Из десяти сфер лучший результат Россия показала по безопасности (суверенитет), набрав 0,79 из 1, оказавшись на шестом месте из 20. Худший результат России по экономике – 0,12, это предпоследняя строка (на последнем месте Аргентина). Следует отметить, что среди прочего по данному параметру учитывались и вложения в НИОКР. С развитием технологий четвертой промышленной революции конкуренция с другими странами станет для России ещё тяжелее, поэтому необходимо использовать имеющийся потенциал для развития межотраслевых технологий, которые явно слишком слабые. «Существует устойчивая корреляция уровня ВВП на душу населения и индекса экономической сложности. Чем сложнее экономика, тем страна богаче» [1]. Учитывая конвергентную природу наступающей революции, оборонительный и техногенноцентричный характер действующего проекта цифровизации, необходимо принимать меры для развития экономической сложности, которая в свою очередь будет способствовать появлению технологий на стыке отраслей. Именно высокий уровень сложности экономики рождает такие конвергентные технологии, как Интернет вещей и киберфизические системы.

Особо следует отметить достоинства «Индекса готовности к будущему» в оценке сферы «общество». Впервые частью такого масштабного исследования стала экспертная оценка вовлеченности населения в «сетевую социальность», подразумевающую сочетание использования новых медиа и разнообразной сетевой активности (покупки, удаленная работа и прочее). Взаимосвязь между обществом и технологиями

в России пока слабо изучена и в основном ограничена исследованиями цифрового неравенства, наиболее известная методология оценки которого выработана специалистами НИУ ВШЭ. Авторы «Индекса готовности к будущему», исходили из того, что главной ценностью станет человек: «Долгая, здоровая жизнь выступает ключевым критерием социального и экономического успеха индивида, критерием развития государства» [5, с. 12]. Поэтому количественные индикаторы были подобраны по четырем тенденциям: высокая продолжительность здоровой жизни, социальное равенство, материальное благополучие жителей страны и высокий субъективный уровень удовлетворенности жизнью. Экспертным опросом оценивался доступ к высокотехнологичной медицине, количество развитых мегаполисов и указанная выше «сетевая социальность». Максимальный результат индекса по любой из сфер – 1 и в данном случае результат России – 0,39. Данный низкий результат в первую очередь объясняется социальным неравенством, но и уровнем сетевой социальности. Обратившись к мониторингу мнений ВЦИОМ (март-апрель 2017) можно узнать, что несмотря на высокое распространение Интернета (75% населения), 47% граждан сочли, что в случае его исчезновения в их жизни «ничего не изменится» [5, с. 207].

В индексе по сфере «технологии» экспертов просили оценить цифровую грамотность населения и «ориентацию государства на развитие высокотехнологичного и инновационного производства» [5, с. 4]. Россия оказалась на 12 месте из 20 с показателем 0,41 (вместе количественные и качественные оценки) [5, с. 5]. Интересно, что конвергентная природа наступающей четвертой промышленной революции разработчиками индекса готовности к будущему учитывалась. Они выделили её в числе значимых тенденций в сфере технологий с формулировкой: «Инновации как результат научных исследований в современном обществе все прочнее ассоциируются с новыми

(нецифровыми) технологиями: аддитивными, генными, микробиологическими и т.п. Развитие данных технологий, их внедрение в экономику страны является показателем ее технологической развитости» [5, с. 5]. Если индекс будет рассчитываться на регулярной основе, то не исключено, что в новой версии экспертам будет задаваться больше вопросов и картина будет более полной.

Заключение

Новый проект цифровизации России, базирующийся на Стратегии развития информационного общества и программы «Цифровая экономика», рассчитан на период с 2017 до 2030 года. Для стратегии характерна преемственность относительно прежних проектов и она носит оборонительный характер – ориентирована на защиту традиционных ценностей, создание отечественных аналогов передовых технологий для обеспечения независимости. Подобный подход имеет свои преимущества и объясним с учетом текущей сложной для России геополитической ситуации, но в долгосрочной перспективе может обернуться самоизоляцией. Программа «Цифровая экономика» гораздо более современная и представляет собой российский вариант государственных программ перехода к четвертой промышленной революции. Несмотря на своё название текст документа большей частью посвящен развитию отечественных технологий 4.0 и объективно критикуется за недостаточное внимание к социально-экономическим проблемам. Незрелость экономики и высокий уровень неравенства будет препятствовать развитию индустрии 4.0 в России как на уровне создания, так и на уровне потребления технологий. Первые шаги к улучшению ситуации сделаны и в дорожной карте по направлению «кадры и образование» уже видно понимание современных тенденций промышленной революции, необходимости стимулировать развитие цифровых компетенций и помощи населению в адаптации к непростым условиям переходного периода.

Список литературы

1. Атнашев М. Что Россия может и не может производить вместо нефти URL: <http://carnegie.ru/commentary/62888>
2. Вахштайн В., Степанцов П. ЕВРОБАРОМЕТР 2012-2014. URL: http://www.ranepa.ru/images/docs/prezentatsii/eurob2012_2014.pdf
3. Вахштайн В., Степанцов П., Чурсина Ю., Бардина С. Публичный отчет по результатам исследования Поведенческие и институциональные предпосылки технологиче-

References

1. Atnashev M. CHto Rossiya mozhet i ne mozhet proizvodit' vmesto nefii. URL: <http://carnegie.ru/commentary/62888>
2. Vahshtajn V., Stepancov P. EVROBAROMETR 2012-2014. URL: http://www.ranepa.ru/images/docs/prezentatsii/eurob2012_2014.pdf
3. Vahshtajn V., Stepancov P., Chursina YU., Bardina S. Publichnyj otchet po rezul'tatam issledovaniya Povedencheskie i institucional'nye predposylki tekhnologicheskogo razvitiya

- ского развития регионов РФ Публичный отчет по результатам социологического исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ. М.: Московская Высшая Школа Социальных и Экономических Наук; РВК, 2017 [Электронный ресурс] / URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/0e8/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russia.pdf
4. Декларация о месте цифровой экономики в развитии общества знаний (по итогам 4-го международного конгресса SMART RUSSIA 2017 [Электронный ресурс] URL: <http://www.smartcongress.ru/declaration>
5. Индекс готовности к будущему. Совместный проект международного дискуссионного клуба «Валдай» и ВЦИОМ, октябрь 2017. https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017-10-18_igb.pdf
6. Калюков Е., Звездина П. <https://www.rbc.ru/society/14/03/2017/58c7cf0c9a79470c568fb0f3>
7. Мониторинг мнений (ВЦИОМ): март – апрель 2017 // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 178–210.
8. Окинская хартия Информационного общества [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3170>
9. ПЛАН МЕРОПРИЯТИЙ по направлению «Кадры и образование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации». <http://static.government.ru/media/files/k87YsCABuuyuLAjCWDFILEh6itAirUX0.pdf>
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>
11. Росстат. Уровень жизни. Численность населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже величины прожиточного минимума, и дефицит денежного дохода. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/
12. Сонин К. <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2017/08/28/731189-toma-piketti>
13. ТАСС. Путин: формирование цифровой экономики – вопрос национальной безопасности РФ. <http://tass.ru/ekonomika/4389411>
14. Указ Президента РФ «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030» [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919>
15. Report on The 5th Science and Technology Basic Plan Council for Science, Technology and Innovation. Cabinet Office, Government of Japan (December 18, 2015). URL: http://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/5basicplan_en.pdf
16. Toward realization of the new economy and society Keidanren (Japan Business Federation) - Outline - April 19, 2016 - Reform of the economy and society by the deepening of «Society 5.0». URL: http://www.keidanren.or.jp/en/policy/2016/029_outline.pdf
17. Securing the future of German manufacturing industry Recommendations for implementing the strategic initiative INDUSTRIE 4.0 Final report of The Industrie 4.0 Working Group. URL: http://www.acatech.de/fileadmin/user_upload/Baumstruktur_nach_Website/Acatech/root/de/Material_fuer_Sonderseiten/Industrie_4.0/Final_report__Industrie_4.0_accessible.pdf
18. Standridge P., Esipova N. Russians See Widening Gap Between Rich and Poor APRIL 25, 2017 URL: http://WWW.GALLUP.COM/POLL/209018/RUSSIANS-WIDENING-GAP-RICH-POOR.ASPX?G_SOURCE=RUSSIA&G_MEDIUM=TOPIC&G_CAMPAIGN=TILES
19. World Bank. 2016. World Development Report 2016: Digital Dividends. Washington, DC: World Bank. doi:10.1596/978-1-4648-0671-1. License: Creative Commons Attribution CC BY 3.0 IGO
- regionov RF Publichnyj otchet po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya povedencheskih i institucional'nyh predposylok tekhnologicheskogo razvitiya regionov RF. M.: Moskovskaya Vysshaya SHkola Social'nyh i EHkonomicheskikh Nauk; RVK, 2017 [EHlektronnyj resurs] / URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/0e8/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russia.pdf
4. Deklaraciya o meste cifrovoj ehkonomiki v razvitii obshchestva znaniy (po itogam 4-go mezhdunarodnogo kongressa SMART RUSSIA 2017 [EHlektronnyj resurs] URL: <http://www.smartcongress.ru/declaration>
5. Indeks gotovnosti k budushchemu. Sovmestnyj proekt mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj» i VCIOM, oktyabr' 2017. https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017-10-18_igb.pdf
6. Kalyukov E., Zvezdina P. <https://www.rbc.ru/society/14/03/2017/58c7cf0c9a79470c568fb0f3>
7. Monitoring mnenij (VCIOM): mart – april' 2017 // Monitoring obshchestvennogo mneniya : EHkonomicheskie i social'nye peremeny. 2017. № 2. S. 178–210.
8. Okinavskaya hartiya Informacionnogo obshchestva [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3170>
9. PLAN MEROPRIYATIY po napravleniyu “Kadry i obrazovanie” programmy “Cifrovaya ehkonomika Rossijskoj Federacii”. <http://static.government.ru/media/files/k87YsCABuuyuLAjCWDFILEh6itAirUX0.pdf>
10. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28 iyulya 2017 g. № 1632-r ob utverzhdenii programmu «Cifrovaya ehkonomika Rossijskoj Federacii». [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>
11. Rosstat. Uroven' zhizni. CHislennost' naseleniya, imeyushchego srednedushevye denezhnye dohody nizhe velichiny prozhitochnogo minimuma, i deficit denezhnogo dohoda. [EHlektronnyj resurs] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/
12. Sonin K. <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2017/08/28/731189-toma-piketti>
13. TASS. Putin: formirovanie cifrovoj ehkonomiki – vopros nachezopasnosti RF <http://tass.ru/ekonomika/4389411>
14. Ukaz Prezidenta RF O strategii razvitiya informacnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017–2030 [EHlektronnyj resurs] URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919>
15. Report on The 5th Science and Technology Basic Plan Council for Science, Technology and Innovation. Cabinet Office, Government of Japan (December 18, 2015) URL: http://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/5basicplan_en.pdf
16. Toward realization of the new economy and society Keidanren (Japan Business Federation) - Outline -April 19, 2016 - Reform of the economy and society by the deepening of «Society 5.0». URL: http://www.keidanren.or.jp/en/policy/2016/029_outline.pdf
17. Securing the future of German manufacturing industry Recommendations for implementing the strategic initiative INDUSTRIE 4.0 Final report of The Industrie 4.0 Working Group URL: http://www.acatech.de/fileadmin/user_upload/Baumstruktur_nach_Website/Acatech/root/de/Material_fuer_Sonderseiten/Industrie_4.0/Final_report__Industrie_4.0_accessible.pdf
18. Standridge P., Esipova N. Russians See Widening Gap Between Rich and Poor APRIL 25, 2017 URL: http://WWW.GALLUP.COM/POLL/209018/RUSSIANS-WIDENING-GAP-RICH-POOR.ASPX?G_SOURCE=RUSSIA&G_MEDIUM=TOPIC&G_CAMPAIGN=TILES
19. World Bank. 2016. World Development Report 2016: Digital Dividends. Washington, DC: World Bank. doi:10.1596/978-1-4648-0671-1. License: Creative Commons Attribution CC BY 3.0 IGO

Жилищная проблема с точки зрения семейных ценностей и предпочтений

The Housing Problem from the Point of View of Family Values and Preferences

Получено: 13.02.2018

Одобрено: 06.03.2018

Опубликовано: 14.05.2018

УДК: 331.5.

DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10008

ГУЗАНОВА А.К.

старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН
Email: alla.guzanova@mail.ru

GUZANOVA, AK

Senior Researcher, Institute of Socioeconomic Studies of Population, RAS
Email: alla.guzanova@mail.ru

ШНЕЙДЕРМАН И.М.

кандидат экономических наук, заведующая лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения РАН
Email: schneiderman@isesp-ras.ru

SCHNEIDERMAN, IM

PhD in Economics, Head of Laboratory, Institute of Socioeconomic Studies of Population RAS
Email: schneiderman@isesp-ras.ru

Аннотация

Объект. Жилищные условия домохозяйств

Предмет. Улучшение жилищных условий домохозяйств

Цель. Выявление проблем, связанных с улучшением жилищных условий семей в России на основе анализа баз данных о жилищном строительстве и рынке жилья, а также потребностей, планов и намерений семей.

Основные положения статьи. Проблема улучшения жилищных условий касается многих российских семей. Обеспечением жильем малоимущих домохозяйств занимается социальная политика, которая включает строительство социального жилья, предоставление жилья очередникам и жилищные субсидии. Острота жилищной проблемы касается более широкого круга российских домохозяйств, к которым прежде всего относятся семьи с детьми и молодежь. Ситуация с жильем оказывает негативное влияние на их образ и качество жизни, а также репродуктивные установки. Жилищная политика в отношении семей с детьми является частью демографической политики.

Одним из важнейших приоритетов государственной политики в жилищной сфере является развитие малоэтажного жилищного строительства, которое рассматривается в качестве ключевого инструмента улучшения жилищных условий населения, решения проблем аварийного жилья, преодоления скученности населения в больших городах.

В работе показаны противоречия рынка жилья в России. Выявлены современные негативные тенденции массового индустриального жилищного строительства преимущественно малогабаритного жилья, не отвечающего потребностям и спросу на жилье россиян, прежде всего семей с детьми. В этой связи показана положительная роль строительства индивидуальных домов.

Выявлены серьезные проблемы с благоустройством жилищ в России, особенно в малых городах и сельской местности. Описаны положительные тенденции на селе, обустроенные строительство индивидуальных домов.

На основании социологических обследований «Комплексное наблюдение условий жизни населения», проведенных Росстатом в 2011, 2014 и 2016 годах, был сделан анализ жилищной обеспеченности домохозяйств, который показал ее некоторое снижение, и значительные проблемы для семей с детьми.

Проанализированы планы и намерения российских домохозяйств по улучшению своих жилищных условий. Показана динамика установок россиян и территориальные различия. Исследован вопрос, какое жилье, где и кем сегодня стро-

Abstract

The Object of the Study. Housing conditions of households.

The Subject of the Study. Improving housing conditions for households.

The Purpose of the Study. Identifying of problems related to improvement of housing conditions of families in Russia on the basis of analysis of databases on housing construction and housing market, as well as needs, plans and intentions of families.

The Main Provisions of the Article. The problem of improvement of living conditions for many Russian families. Providing housing for low-income households engaged in social policy that includes social housing, housing waiting list and housing subsidies. The severity of the housing problem concerns a wider range of Russian households, which primarily include families with children and young people. The housing situation has had a negative impact on their image and quality of life, as well as on their reproductive systems. The housing policy for families with children is part of the demographic policy.

One of the most important priorities of the state policy in the sphere of housing is the development of low-rise housing construction, which is considered as a key tool for improving the living conditions of the population, solving the problems of emergency housing, overcoming the crowding of the population in large cities.

The paper shows the contradictions of the housing market in Russia. The article reveals the current negative trends of mass industrial housing construction of predominantly small-sized housing that does not meet the needs and demand for housing for Russians, especially families with children. In this regard, the positive role of the construction of individual houses is shown.

Serious problems with housing improvement in Russia, especially in small towns and rural areas are revealed. Positive trends in rural areas caused by construction of individual houses are described.

On the basis of sociological surveys "Complex observation of living conditions of the population" conducted by Rosstat in 2011, 2014 and 2016, the analysis of housing provision of households was made, which showed some decrease, and significant problems for families with children.

The plans and intentions of Russian households to improve their living conditions are analyzed. The dynamics of Russian attitudes and territorial differences are shown. The question of what housing, where and by whom is being built is investigated. The great contribution of individual housing construction, which is largely provided by families with children, was revealed.

The analysis allows to draw a conclusion about low-rise housing construction as a panacea for solving the housing problem in Russia.

ится. Выявлен большой вклад индивидуального жилищного строительства, который во многом обеспечивается за счет семей с детьми.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о малоэтажном жилищном строительстве как панацеи решения жилищного вопроса в России.

Ключевые слова: жилищные условия, жилищные потребности и спрос, улучшение жилищных условий, демографическая политика, семейная политика, малоэтажное жилищное строительство, жилищные планы и намерения семей.

Keywords: housing conditions, housing needs and demand, improvement of housing conditions, demographic policy, family policy, low-rise housing construction, housing plans and intentions of families.

1. Введение

Проблема улучшения жилищных условий касается многих российских семей, имеющих в этой связи разные планы и намерения. В значительной степени она затрагивает малоимущие домохозяйства, проживающие в стесненном и неблагоустроенном жилье. Помощью бедным семьям занимается **социальная политика**. В жилищной сфере она включает строительство социального жилья, предоставление жилья очередникам и жилищные субсидии.

Исследования [Гузанова, 2009, 1; Шнейдерман, 2016, 2; Гузанова, 2005, 3] показывают, что острота жилищной проблемы касается более широкого круга российских домохозяйств, к которым прежде всего относятся семьи с детьми и молодежь. Ситуация с жильем оказывает негативное влияние на их образ и качество жизни, а также репродуктивные установки. По сути жилищная политика в отношении семей с детьми является частью **демографической политики**.

В настоящее время одним из важнейших приоритетов государственной политики в жилищной сфере является **развитие малоэтажного жилищного строительства**, которое рассматривается в качестве ключевого инструмента улучшения жилищных условий населения, решения проблем аварийного жилья, преодоления скученности населения в больших городах [Шнейдерман, 2013, 4]. Сама идея развития малоэтажного строительства очень важна для общества – это и укрепление семейных ценностей, и формирование нового образа жизни, и возможность для человека стать хозяином. Жизнь в собственном доме является одним из основных условий зарождения крепкого среднего класса.

Как обстоит дело с семейной жилищной политикой сегодня? Что происходит с индустрией и структурой строительства нового жилья? Насколько это подходит современным российским семьям с детьми? Многие из них не бедны и в состоянии при определенных обстоятельствах приобрести новое жилье. Какое жилье они предпочи-

тают – квартиры или индивидуальные дома? И где – в мегаполисах или, скажем, в малых городах?

В настоящей работе мы постараемся показать противоречия рынка жилья в России, которые не позволяют ему отвечать потребностям и спросу на жилье российских семей. И проиллюстрируем примерами жилищной статистики и социологических данных, какое жилье требуется современной семье.

2. Современные тенденции жилищного строительства и потребности семей

Долгое время демографической и семейной политикой в жилищной сфере не занимались. В 1990-е годы решать все жилищные вопросы было предоставлено рынку. Рынок поначалу преимущественно строил жилье элитное и бизнес-класса. В середине 2000-х годов после принятия государственных жилищных программ доступного жилья (в том числе для среднего класса) темпы жилищного строительства заметно выросли. К примеру, по сравнению с 2000-м годом, в 2016 году квартир было построено в 3,5 раза больше (рисунок 1). Сегодня по такому показателю мы опережаем европейские страны в 2-3 раза [5, с. 98].

Однако, что это за квартиры и подходят ли они для полноценной жизни российских семей? Статистика свидетельствует, что строительная индустрия довольно быстро перешла к вводу малогабаритных квартир. В итоге за последние 15 лет структура вводимого жилья по числу комнат изменилась разительно (рисунок 2). Так, доля однокомнатных квартир увеличилась за это время более чем в 2 раза (с 20% до 43%). Соответственно, резко упала доля квартир из трех комнат (с 34% до 18%), а также четырех и более комнат (с 17% до 9%). Тенденции преимущественного строительства малогабаритного жилья продолжают расти и сегодня. И структура вводимого жилья не имеет уже ничего общего с размером

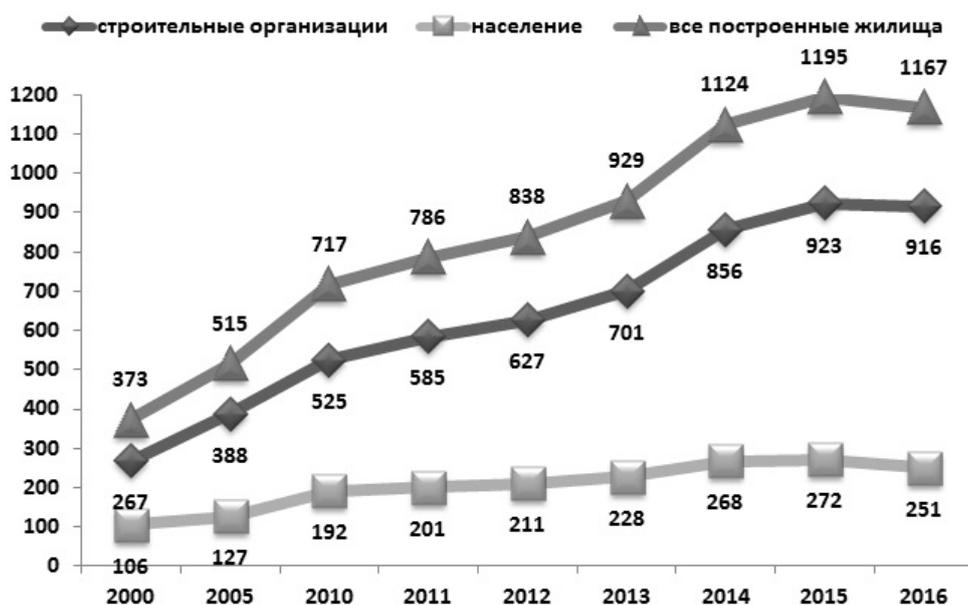

Рис. 1. Число построенных квартир в 2000-2016 гг., тысяч
(на основе данных Росстата [6, с. 227])

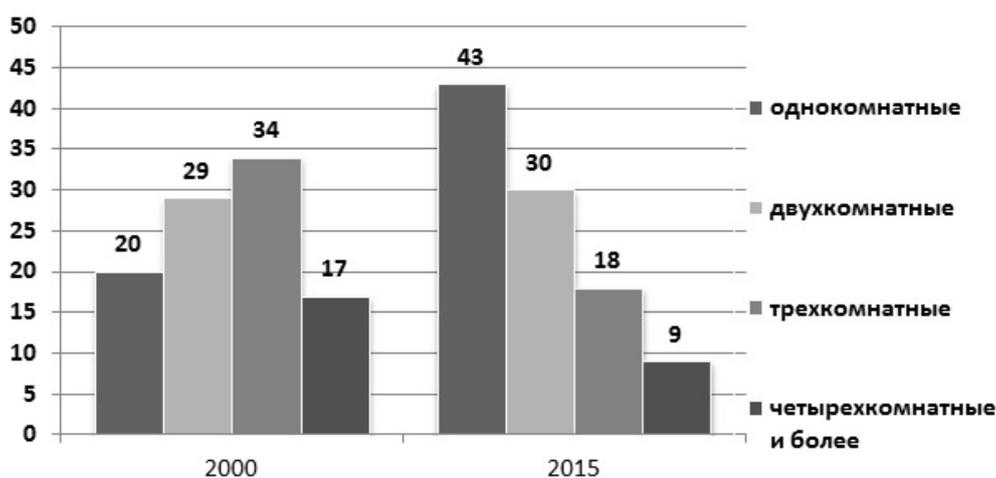

Рис. 2. Структура построенных квартир по числу комнат в 2000 и 2015 гг., %
(на основе данных Росстата [8, с.30])

и демографическим составом российских домохозяйств. Такие квартиры определенно малы даже для семей с одним ребенком, не говоря уже о больших семьях.

К слову сказать, еще в середине 1990-х годов нами были проведены социологические исследования в крупных российских городах, которые показывали, что уже тогда имелся явный переизбыток малогабаритных квартир [Гузанова, 1994, 7, с. 34-47]. И многие семьи говорили о своих потребностях в более просторном жилье.

Небезынтересно сравнить динамику средних размеров жилья, возводимого на первичном рын-

ке строительными организациями и населением за счет собственных и заемных средств (индивидуальных домов). Массовое индустриальное строительство малогабаритных квартир привело к тому, что их средний размер снизился с 66 кв. м в 2000 г. до 53 кв. м в 2016 г. [6, с.227]

Когда же семьи, согласно своим намерениям и возможностям, строили индивидуальные дома, размеры необходимого им жилья были намного (в 2-2,5 раза) выше – 120-138 кв. м (рисунок 3). При этом год от года эти размеры практически не менялись, что, по-видимому, вполне отражает устойчивые семейные жилищные потребности.

Рис. 3. Динамика среднего размера квартир, построенных строительными организациями и населением за счет собственных средств, квадратных метров (на основе данных Росстата [6, с.30])

Сравнение с другими странами также говорит не в нашу пользу – везде строят гораздо более просторное жилье. К примеру, если сегодня средний размер построенных квартир в России – 69 квадратных метров [6, с. 30], то в Беларуси – 91, Украине – 93, Казахстане – 118, Киргизии – 107, Армении – 177, Латвии – 183, Эстонии – 105, Литве – 119, Германии – 111, Дании – 147, Норвегии – 134, Польше – 101 [8, с. 55] (данные за 2014 г.).

Таким образом, в России строительная индустрия не работает на массовое жилье для семей. Во многом она оказалась ориентированной на ввод квартир, предназначенных для одиноко проживающих, а также для вложения инвестиций состоятельных граждан. Эти моменты сглаживаются показателями индивидуального жилищного строительства, отражающими потребности и спрос населения.

Таблица 1

Число построенных квартир и их средний размер*

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Всего									
Число квартир, тыс.	373	515	717	786	838	929	1124	1195	1167
Их средний размер, м ² общей площади	81,1	84,5	81,5	79,3	78,4	75,8	74,9	71,4	68,7
Из них квартиры по видам, в процентах от общего ввода:									
Однокомнатные	20	28	34	36	38	39	41	43	
Двухкомнатные	29	32	32	31	32	31	31	30	
Трехкомнатные	34	27	23	21	20	20	19	18	
четырёхкомнатные и более	17	13	11	12	10	10	9	9	
Населением за счет собственных и заемных средств									
Число квартир, тыс.	106	127	192	201	211	228	268	272	251
Их средний размер, м ² общей площади	118,8	138,3	132,6	132,9	134,4	134,4	135,2	129,6	126,7
Пересчет без учета жилищ, построенных населением за счет собственных и заемных средств									
Число квартир, тыс.	267	388	525	585	627	701	856	923	916
Их средний размер, м ² общей площади	66,1	66,9	62,8	60,9	59,6	56,7	56,0	54,2	52,8

* На основе данных Росстата [6, с.227; 8, с. 30].

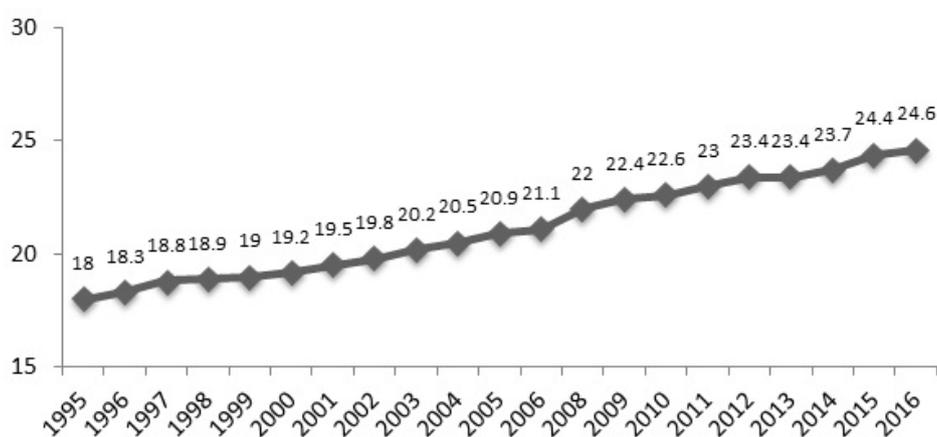

Рис. 4. Динамика обеспеченности жилой площадью в России (квадратных метров общей площади на одного жителя) (на основе данных Росстата [9;10])

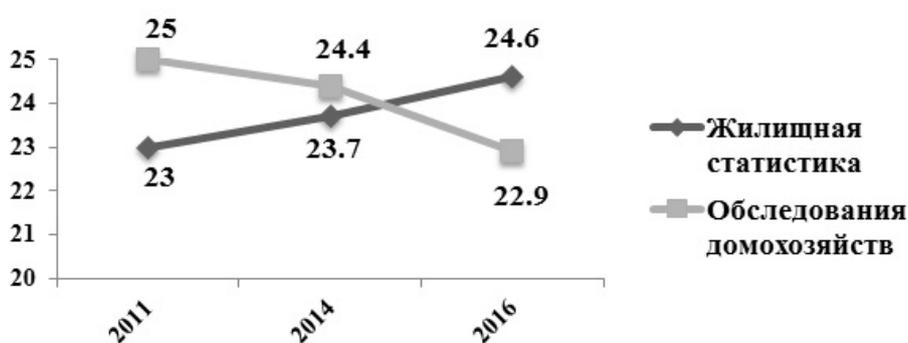

Рис. 5. Обеспеченность жилой площадью, квадратных метров общей площади на человека (на основе данных Росстата [9;11;12;13])

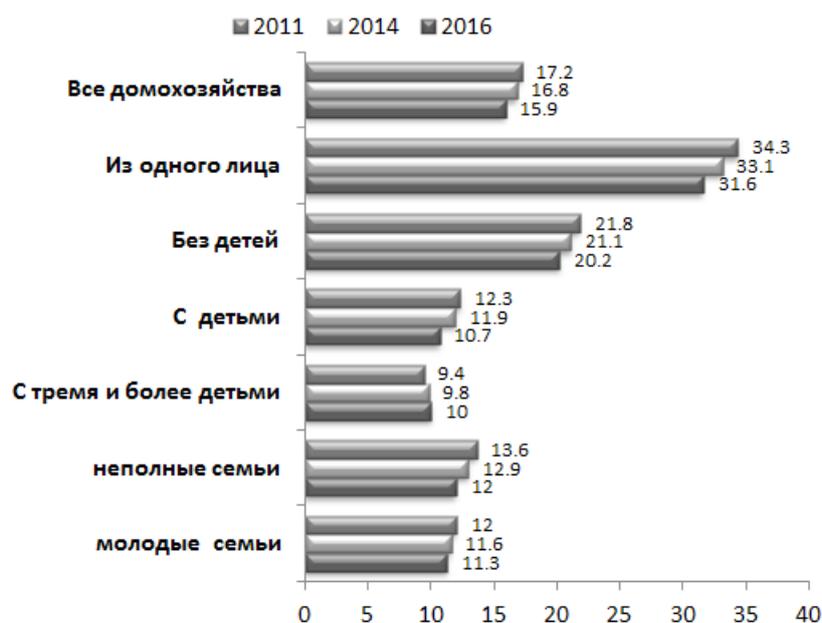

Рис. 6. Обеспеченность жилой площадью в зависимости от состава домохозяйств, квадратных метров общей площади на члена домохозяйства (на основе данных Росстата [11, 12, 13])

3. Становится ли жилищная обеспеченность лучше?

Согласно жилищной статистике, обеспеченность россиян жильем год от года медленно, но увеличивается. Она составила в 2017 году 26,4 кв. м на человека (рисунок 4) [9]. Однако, когда мы обращаемся к обследованиям домохозяйств (*Комплексным наблюдениям условий жизни населения в 2011, 2014 и 2016 годах, проведенных Росстатом* [11,12,13]), улучшений не наблюдается. Напротив, было выявлено даже некоторое ухудшение жилищных условий российских семей (рисунок 5). Причины расхождений жилищных условий, согласно разной статистике, описаны нами в [Гузанова, 2014, 14, с. 94].

Результаты *Комплексных наблюдений условий жизни населения в 2011, 2014 и 2016 гг.* показывают, что настоятельность жилищной проблемы для семей во многом обусловлена наличием в них детей. Как видно на рисунке 6, семьи с детьми до 18 лет проживают в два раза более тесно по сравнению с домохозяйствами без детей, особенно тяжелым является положение многодетных. Следует также отметить низкую обеспеченность жильем неполных и молодых семей. Везде она заметно ухудшается в сложных больших домохозяйствах. Что касается изменений последних пяти лет, то положение многодетных семей немного улучшилось. Ситуация у супругов и неполных семей с детьми, а также у молодежи стала несколько хуже.

4. Благоустройство жилищ в городе и на селе

Не последнюю роль в полноценной жизни семей играет уровень благоустройства их жилищ.

Удельный вес благоустроенного жилищного фонда (оборудованного одновременно водопроводом, водоотведением (канализацией), отоплением, горячим водоснабжением, газом или напольными электроплитами) составляет сегодня всего 66% [6] – рисунок 7. Значительная часть российских семей проживает в неблагоустроенных жилищах. Положительная динамика этого показателя в сельской местности показывает, что за последние 15 лет ситуация там существенно улучшилась, что очевидно произошло за счет появления нового индивидуального жилья со всеми удобствами (хотя к благоустроенному относится пока всего треть сельского жилья). Что же касается городов, в них только 78% благоустроенной жилой площади. В последние 10 лет перемен в лучшую сторону год от года практически не наблюдается. Очевидно, что серьезный груз таких проблем приходится на малые города, где положение с коммунальными удобствами куда хуже, чем в столичных центрах. Таким образом, при оценке уровня благоустройства жилищ на первый план выходит территориальный фактор. При сохранении нынешних тенденций ситуация в малых городах в перспективе выглядит не намного лучше, чем в сельской местности.

5. Намерения домохозяйств по улучшению жилищных условий

Согласно проведенному Росстатом *Комплексному наблюдению условий жизни населения в 2016 году* [13], всего 13,4% российских домохозяйств высказали намерения по улучшению своих жилищных условий. За последние 5 лет

Рис. 7. Удельный вес общей площади, оборудованной одновременно водопроводом, канализацией, отоплением, горячим водоснабжением, газом или напольными электроплитами, % (на основе данных Росстата [6, с. 232-233])

желающих самостоятельно решить свои жилищные проблемы стало несколько больше – рисунок 8.

Жилищные планы заметно возрастают, если речь идет о семьях, для которых жилищная проблема стоит очень остро. Так, в 2016 г. имели намерения улучшить свои жилищные условия 22,0% домохозяйств с детьми, 33,2% многодетных и 37,7% молодых семей – рисунок 9.

Жители городской и сельской местности отличаются по своим жилищным планам и намерениям. Для села характерны способы, связанные

с улучшением уже имеющегося жилья (64,1% случаев). В средних и крупных городах сравнительно много (порядка 45%) тех, кто предполагает купить или построить жилье.

С целью покупки (строительства) жилья семьи рассчитывают и на продажу собственного жилья (39%), и на ипотечный кредит (49%), и на собственные средства (38%) – рисунок 10. Довольно многие (23%) возлагают свои надежды на материнский капитал (на селе это отметили 29% опрошенных).

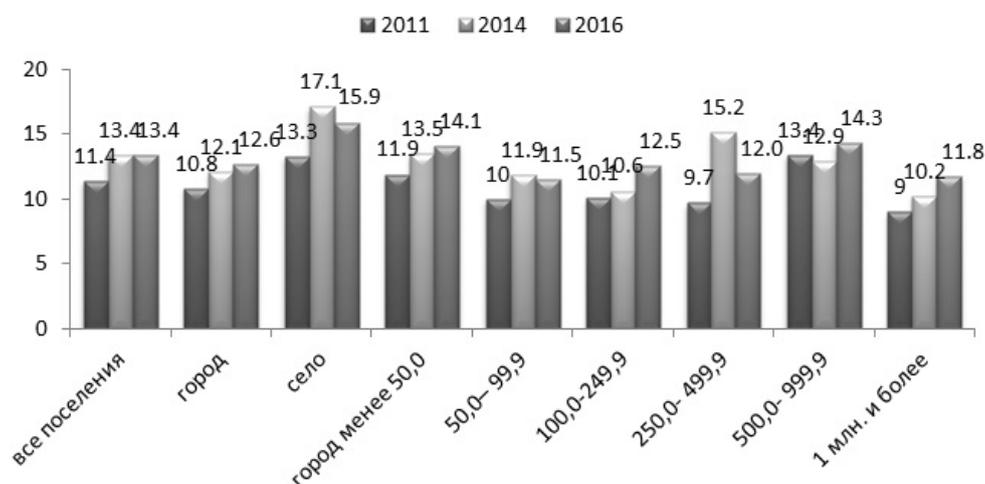

Рис. 8. Намерения домохозяйств по улучшению жилищных условий, по типам поселений, % (на основе данных Росстата [11;12;13])

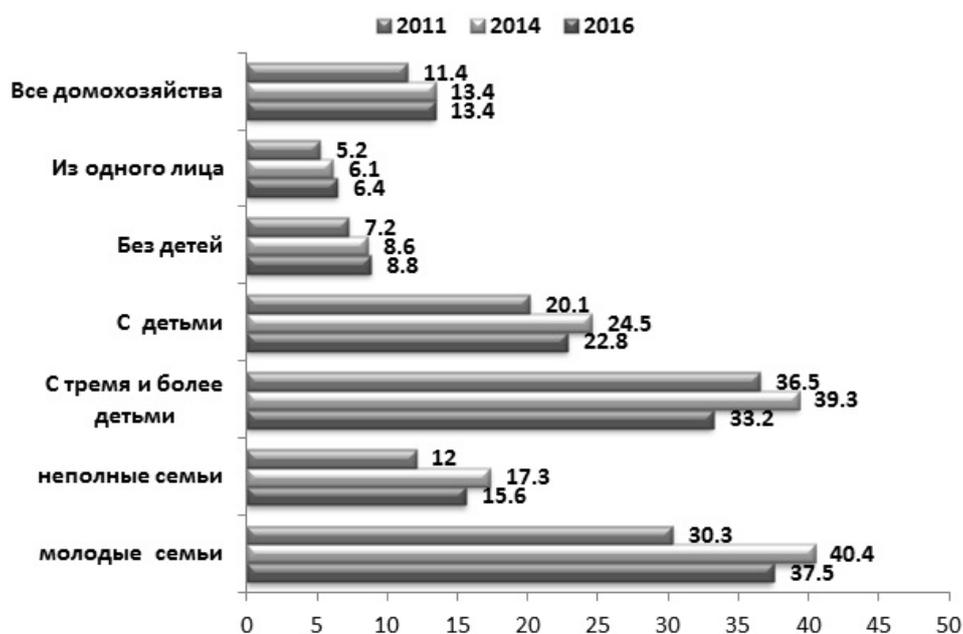

Рис. 9. Намерения домохозяйств по улучшению жилищных условий, по социально-демографическим типам, % (на основе данных Росстата [11;12;13])

Рис. 10. Источники для покупки (строительства) другого жилья по домохозяйствам, имеющим такие намерения, по типам поселений, %
(на основе данных Росстата [11;12;13])

Примечание: сумма ответов более 100%, поскольку респондент мог указать несколько источников

6. Какое жилье, где и кем сегодня строится

От планов и намерений домохозяйств перейдем к анализу стратегий тех семей, которые на момент опроса находились в процессе строительства своего нового жилья. За последние 5 лет число таких домохозяйств возросло с 2,1% в 2011

году до 2,6% в 2016 году. Многие из них (43%) строили индивидуальные дома для постоянного проживания, каждый третий (36%) – квартиру, 19% ответов приходится на дома на садовых (дачных) участках (рисунок 11).

Территориальные особенности представлены на рисунке 12. Строят во всех типах поселений.

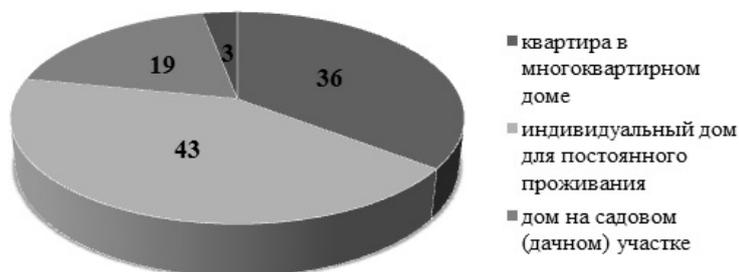

Рис. 11. Доля домохозяйств, ведущих новое строительство, по видам помещений, %
(на основе данных Росстата [13])

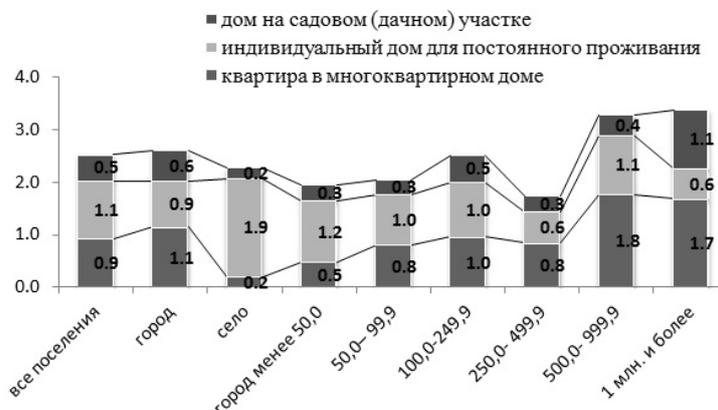

Рис. 12. Домохозяйства, ведущие новое строительство, по типам поселений, % ко всем опрошенным домохозяйствам
(на основе данных Росстата [13])

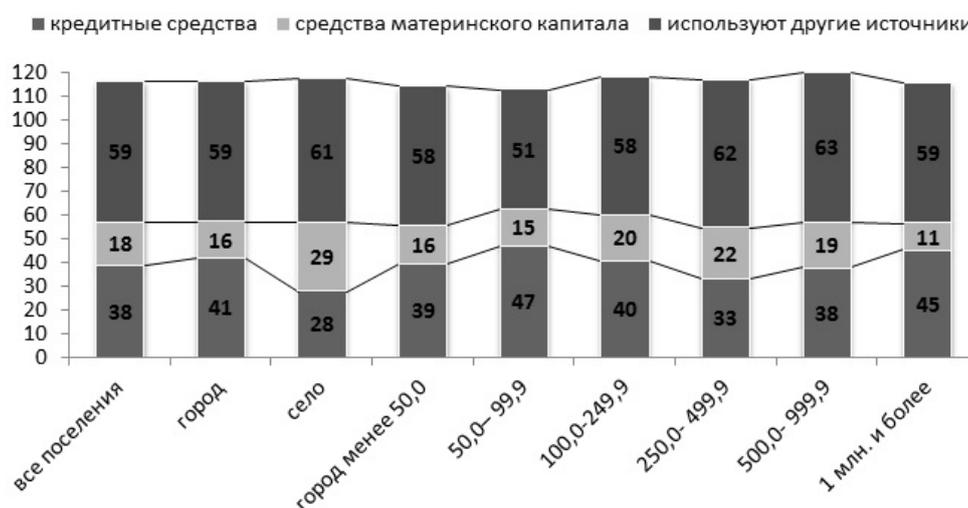

Рис. 13. Источники средств для покупки (строительства) другого жилья по домохозяйствам, уже строящим это жилье, по типам поселений, % (на основе данных Росстата [13])

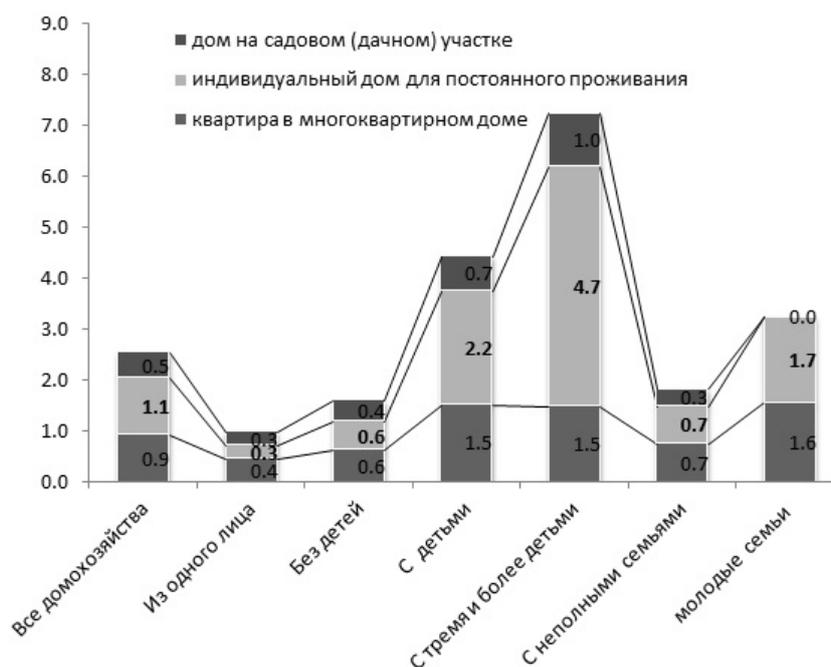

Рис. 14. Домохозяйства, ведущие новое строительство в зависимости от их состава, % ко всем опрошенным домохозяйствам (на основе данных Росстата [13])

При этом большую активность демонстрируют жители крупных городов и мегаполисов. Хуже обстоит дело в малых городах. По сравнению с ними на селе положение лучше за счет возможностей индивидуального строительства.

Что касается денежных средств, то в 2016 году 38,5% тех, кто находился в процессе покупки или строительства другого жилья, брали кредиты – рисунок 13. Ими стали пользоваться гораздо

чаще. К примеру, 5 лет назад – в 2011 г. – таких было всего 26%. При этом и раньше, и сейчас большая часть (порядка 60%) опрошенных домохозяйств назвали другие источники для приобретения нового жилья.

В плане финансирования жилищного строительства выделяются домохозяйства с детьми (4,5%), особенно многодетные (7,3%) – рисунок 14. Характерным для них является выбор для своего

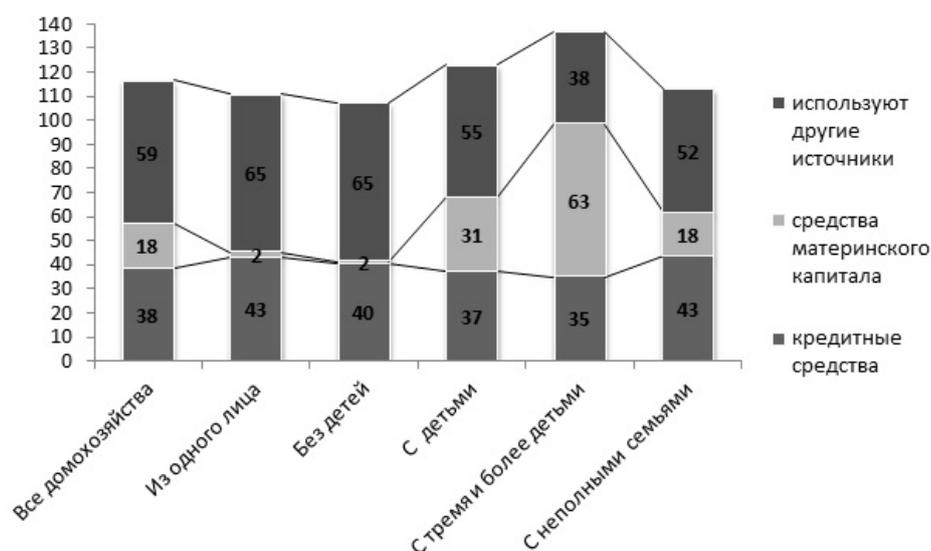

Рис. 15. Источники средств для покупки (строительства) другого жилья среди тех, кто уже этим занимается, по типам домохозяйств, %
(на основе данных Росстата [13])

Примечание: сумма ответов более 100%, поскольку респондент мог указать несколько источников

проживания индивидуальных домов. Молодые семьи в целом проявляют несколько меньшую активность. Обращает на себя внимание, что домохозяйства с неполными семьями, несмотря на нехватку жилья, не могут позволить себе его улучшить (очевидно, из-за бедности).

Для оплаты жилищного строительства многие семьи вынуждены были брать кредиты (рисунок 15). Это касается всех демографических типов – от 35% по многодетным семьям до 43% – среди одиноких. Многодетные семьи (63%) использовали также материнский капитал. Многим из них (62%) хватило этих двух источников для финансирования своего нового жилья. Чего нельзя сказать про другие типы семей, которые к кредитам часто должны были привлекать другие имеющиеся денежные средства.

В настоящей работе были исследованы противоречия развития рынка жилья в России. Выявлены современные негативные тенденции массового индустриального жилищного строительства преимущественно малогабаритного жилья, не отвечающего потребностям и спросу на жилье россиян, прежде всего семей с детьми. В этой связи показана положительная роль строительства индивидуальных домов. Выявлены серьезные проблемы с благоустройством жилищ, особенно в малых городах и сельской местности.

Описаны положительные тенденции на селе, обусловленные строительством индивидуальных домов. На основании социологических обследований «Комплексное наблюдение условий жизни населения», проведенных Росстатом в 2011, 2014 и 2016 годах, был сделан анализ жилищной обеспеченности домохозяйств, который показал ее снижение, и значительные проблемы для семей с детьми. Проанализированы планы и намерения российских домохозяйств по улучшению своих жилищных условий. Показана динамика установок россиян и территориальные различия. Исследован вопрос, какое жилье, где и кем сегодня строится. Выявлен большой вклад индивидуального жилищного строительства, который во многом обеспечивается за счет семей с детьми. Развитие широкомасштабного малоэтажного жилищного строительства решает одновременно и экономические и социальные проблемы: возведение дешевых с точки зрения строительства и эксплуатации жилищ с учетом социально-демографических факторов, развитие жилищной, дорожной и инженерной инфраструктуры, что приводит к нивелированию социальных и региональных неравенств. Проведенный анализ позволяет сделать вывод об индивидуальном жилищном строительстве как панацее решения жилищного вопроса в России.

Список литературы

1. Гузанова А.К., Гришанов В.И. Жилищные условия семей с детьми / Семья и дети в России: особенности современной жизни и взгляд в будущее. Глава в Коллективной монографии. М.: ИСЭПН РАН, 2009. 274 с. С. 98-112.
2. Шнейдерман И.М., Гришанов В.И., Гузанова А.К., Ноздрина Н.Н. Жилищная и имущественная обеспеченность домохозяйств // Народнонаселение. 2016. №1. С.91-102.
3. Гузанова А.К. Необходима целенаправленная семейная политика // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2005. № 4. С.60-69.
4. Шнейдерман И.М. Развитие малоэтажного жилья и его роль в повышении качества жизни населения // Народнонаселение. 2013. №3. С.59-67.
5. Россия и страны - члены Европейского союза. 2017: Стат. сб. / Р76 Росстат. М., 2017. 264 с.
6. Социальное положение и уровень жизни населения России, 2017. Стат. сборник. М., Росстат, 2017.
7. Гузанова А. Потребности и спрос на жилье в крупных российских городах // Вопросы экономики. 1994. №2. С. 34-47.
8. Жилищное хозяйство в России. 2016: Стат. сб. / Росстат. Ж72 М., 2016. 63 с.
9. Россия в цифрах. 2017: Крат. стат. сб. / Росстат. М., Р76 2017. 511 с.
10. Российский статистический ежегодник 2010, Стат. сб. / Росстат., 2010.
11. Итоги Комплексных наблюдения условий жизни населения в 2011 году. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html
12. Итоги Комплексных наблюдения условий жизни населения в 2014 году, Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ14/survey0/index.html
13. Итоги Комплексных наблюдения условий жизни населения в 2016 году, Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html
14. Гузанова А.К. Региональные и социальные особенности жилищной обеспеченности российских домохозяйств // Народнонаселение. 2014. №2. С.91-102.

References

1. Guzanova A.K., Grishanov V.I. Zhilischnye uslovija semej s det'mi / Sem'ja i deti v Rossii: osobennosti sovremennoj zhizni i vzgljad v budushee. Glava v Kollektivnoj monografii. M.: IS`EPN RAN, 2009 - 274 s. S.98-112.
2. Shnejderman I.M., Grishanov V.I., Guzanova A.K., Nozdri-na N.N. Zhilischnaja i imuschestvennaja obespechennost' domo-hozjajstv // Narodonaselenie. - 2016. - №1. - S.91-102.
3. Guzanova A.K. Neobhodima tselenapravlenaja semejnaja politika //Monitoring obschestvennogo mnenija. `Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. - 2005. - № 4. -S.60-69.
4. Shnejderman I.M. Razvitie malo' etazhnogo zhil'ja i ego rol' v povyshenii kachestva zhizni naselenija // Narodonaselenie. -2013. - №3. - S.59- 67.
5. Rossiya i strany - chleny Evropejskogo sojuza. 2017: Stat. sb. / R76 Rosstat. - M., 2017.-264с.
6. Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naselenija Rossii, 2017. Stat. sbornik. M., Rosstat, 2017.
7. Guzanova A. Potrebnosti i spros na zhil'e v krupnyh rossijskih gorodah// Voprosy `ekonomiki. - 1994. - №2. - S.34-47.
8. Zhilischnoe hozjajstvo v Rossii. 2016: Stat. sb. / Rosstat. - Zh72 M., 2016. - 63 s.
9. Rossiya v tsifrah. 2017: Krat.stat.sb./Rosstat- M., R76 2017 - 511 s.
10. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik 2010, Stat. sb./ Rosstat. , 2010.
11. Itogi Kompleksnyh nabljudenija uslovij zhizni naselenija v 2011godu. Ofitsial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [`Elektronnyj resurs]. URL:http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html
12. Itogi Kompleksnyh nabljudenija uslovij zhizni naselenija v 2014 godu, Ofitsial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [`Elektronnyj resurs]. URL:http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ14/survey0/index.html
13. Itogi Kompleksnyh nabljudenija uslovij zhizni naselenija v 2016 godu, Ofitsial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [`Elektronnyj resurs]. URL:http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html
14. Guzanova A.K. Regional'nye i sotsial'nye osobennosti zhilischnoj obespechennosti rossijskih domo-hozjajstv // Narodonaselenie. - 2014. - №2. - S.91-102.

Ноосферная парадигма стратегии восходящего воспроизводства населения России

Noospheric Paradigm of the Strategy of the Rising Reproduction of the Population of Russia

Получено: 22.01.2018

Одобрено: 20.02.2018

Опубликовано: 14.05.2018

УДК: 001.18

DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10009

СУБЕТТО АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Петровской академии наук и искусств, председатель Санкт-Петербургского отделения и Философского Совета Русского Космического Общества, советник ректора Смольного института РАО, профессор РГПУ им. А.И.Герцена, почетный профессор НовГУ им. Ярослава Мудрого, д.ф.н., д.э.н., к.т.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Лауреат Премии Правительства РФ

SUBETTO, AI

President of the Noosphere Public Academy of Science, Vice President of the Petrovskaya Academy of Sciences and Arts, Chairman of Sankt Peterburg Branch and Philosophic Council of the Russian Space Society, Adviser to the Principal of the Smol'nyy Institute, RAE, Professor of AI Gertsen State Institute of Education, Honoured Professor of Yaroslav Mudryy Novgorod State University, Doctor of Philosophy, Doctor of Economics, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Russian Government Prize Winner, Professor.

Аннотация

Статья отражает основное содержание научного доклада «Ноосферная парадигма стратегии восходящего воспроизводства населения России», который автор сделал на заседании Ученого Совета Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук 6 февраля 2018 года. В статье показывается, что Россия и человечество на рубеже XX и XXI веков вступили в Эпоху Великого Эволюционного Перелома, которая требует как пересмотра сложившихся базисных оснований современного научного мировоззрения, так и преобразования сложившихся институтов и механизмов социально-экономического развития, в том числе механизмов поддержки и прогрессивного развития репродуктивного здоровья нации. Сложившийся императив выживаемости есть синтез ноосферного и социалистического императивов. Отсюда вытекают основные положения ноосферной стратегии восходящего воспроизводства населения России.

Abstract

The article contains the main subject-matter of the scientific report «Noospheric Paradigm of the Strategy of the Rising Reproduction of the Population of Russia» delivered by the author at the sitting of the Academic Council of the Institute of the Socioeconomic Problems of Population, RAS, on 6 February 2018. The author stresses that Russia and humankind entered the Era of Great Evolution Turning Point on the turn of the 20th and 21st centuries which requires revising the bases of both modern scientific world outlook and formed institutes and mechanisms of socioeconomic development, those supporting the progressive development of reproductive health of nation, in particular. The formed imperative of surviving is the synthesis of the noosphere and socialist imperatives. Hence- the main provisions of the noospheric strategy of the rising reproduction of the Russian population.

Ключевые слова: население, воспроизводство, ноосфера, экология, здоровье, общество, демография, рынок, образование.

Keywords: population, reproduction, noosphere, ecology, health, society, demography, market, education.

«Наблюдая демографический кризис в России, мы хотели бы подчеркнуть, что именно плотность населения, а также обеспеченность его в продолжении своего рода, сохранении и повышении его репродуктивных функций, а значит, тех глубинных биологических и биофизических, эпигеномно-генетических свойств интеллекта является главным».

В.П. Казначеев, А.И. Акулов, А.А. Кисельников, И.Ф. Мингазов
[35, с. 268]

1. Введение

Мир, в оценке автора [1, 2, 4–6, 7, 9–13, 92, 94, 100], вступил в Эпоху Великого Эволюционного Перелома, «сигналом» наступления которой стал глобальный экологический кризис (возникший на рубеже 50–60-х годов XX века), решен-

ший в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы (на рубеже 80–90-х годов XX века). Эта Эпоха предстает одновременно и как Эпоха Краха рынка, капитализма и либерализма [9], поскольку наступили Экологические Пределы всей Стихийной истории, и рыночно-капитали-

стической парадигме её развития в последние столетия.

Научно-мировоззренческой системой, по определению автора, и одновременно – научно-методологическим основанием стратегии выхода человечества из Экологического Туника Стихийной истории, и одновременно из «пропасти» возможной экологической гибели человечества в XXI веке, выступает Ноосферизм (понятие, введенное автором в 1997 году), соединяющий в себе, по определению автора, развитие учения о Биосфере и Ноосфере В.И.Вернадского и развитие теории научного социализма (в лице марксизма-ленинизма) [1, 2, 10–15, 18–24, 26–29, 62, 64–66, 92, 94].

Проблематика **ноосферной парадигмы стратегии восходящего воспроизводства населения России**», в определенной степени, развивает поставленные проблемы становления Ноосферизма, ноосферной парадигмы устойчивого развития России и человечества, ноосферной экологии, ноосферного глобального здоровья и др. [1, 2, 8, 10, 11, 12, 15, 18–27, 56, 62, 92, 94, 100].

2. Предупреждения и предвидения ученых и мыслителей, в которых представлены причины и основания появления Эпохи Великого Эволюционного Перелома, определяющей содержание XXI века

В той или иной степени, с разной глубиной теоретической рефлексии и соответствующей научно-осмысленной идентификации, понимание того, что *человечество вошло в какую-то особую историческую эпоху, которая ставит под сомнение все сложившиеся институты и механизмы социально-экономического развития, а значит – и соответствующие механизмы воспроизводства населения стран мира, в том числе и России, демонстрируют многие известные современные ученые.*

Например, известный экономист, член-корреспондент РАН, научный руководитель Института экономики РАН, Р.С. Гринберг так охарактеризовал переживаемое историческое время [67, с. 49]: «В мире происходит смута. Во всём – в политике, в экономике и даже в различении добра и зла. Эта смута беспрецедентная, и уровень непредсказуемости и неопределенности нашего будущего тоже беспрецедентны. Мы все на пороге чего-то нового, о чём мы можем смутно догадываться» (выдел. мною, С.А.).

Известный журналист и исследователь современных геополитических процессов Израэль Шамир пишет о распространяющейся своеобразной психической пандемии, с акцентом на ожидание «Конца света», в странах мира [48, с. 164, 165, 169]:

«В Москве и Нью-Йорке, Иерусалиме и Багдаде, Париже и Берлине, неверующие и практичные люди, обращаются друг к другу с вопросом: «Неужели это конец света?».

«Да, он самый», – ответил на этот вопрос известный американский философ Иммануил Валлерстайн, но добавил осторожную оговорку в заглавие своей книги: «Конец (известного нам) Света». Он пришёл к выводу, что продолжительный период человеческой истории подошёл к непредсказуемому финалу. Мир, как мы, наши родители, наши дедушки и бабушки его знали, и в самом деле подходит к концу. Он полагает, что «известный нам мир» сложился примерно 500 лет назад в Западной Европе и достиг своего апогея в Соединённых Штатах Америки. Он охарактеризовался специфическим феноменом, так называемым «капитализмом» или «рыночной экономикой»... *капитализм – это болезнь, и её надо уметь остановить, пока она не уничтожила организм общества западная пропаганда призывает не западные народы (в том числе, Россию) избрать парадигму индивидуализма, чтобы следовать западной модели. Но эта тенденция губительна, она разрушает общество и природу, и может привести нас на край гибели...*

...Главная битва наших дней – это война за дискурс, его надо освободить и вернуть народу» (выдел. мною, С.А.).

Б. Коммонер, известный американский ученый-эколог, в монографии «Замыкающийся круг» [68] в начале 70-х годов XX века обратил внимание думающих людей, и ученых, и политиков на то, что **технологии на базе частной собственности уничтожают главное богатство человечества – экосистемы.**

Спустя 20 лет после этого предупреждения Б.Коммонера, за год до открытия второй конференции ООН по окружающей среде, в 1991 году был опубликован Доклад по заказу Мирового банка под руководством виднейших экономистов-экологов Роберта Гудленда, Германа Дейли и Салеха Эль-Серафи [69], в котором был *вынесен своеобразный вердикт, де-факто – всей рыночно-капиталистической системе и «парадигме индивидуализма»:*

• **в условиях уже заполненной земной экологической ниши, которую занимает человечество, рыночный механизм развития экономики исчерпал себя.**

В.А. Зубаков, с опорой на этот вывод Доклада Мировому банку, сформулировал научно-«сильную» постановку проблемы выживания человечества, включающую в качестве основы её решения следующие утверждения [70, с. 11]:

- «Рыночная стратегия исчерпала себя (Р. Гудленд и др.)»;

- «Необходим переход к сознательно-регулируемому гомеостазису общества с природой через Эковсеобуч и «человеческую» (А. Печчеи) революцию».

В. Хёсле, немецкий философ, предупредил в 1994 году человечество [71], что оно в «безумной стадной гонке к краю бездны» вплотную приблизилось к возможности «коллективного родового самоубийства». К этому добавим оценку известного российского ученого-эколога, недавно ушедшего из жизни, А.В. Яблокова [72], по которой **95% человечества и его элиты пока не понимают, где оказался наш мир.**

Автор это состояние коллективного разума человечества назвал «**Глобальной Интеллектуальной Черной Дырой**». Это понятие отражает опережение приблизительно на 25 лет темпами процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы темпов их познания коллективным разумом – общественным интеллектом, и соответственно наукой [1, 18–20, 24, 100].

Концепцию первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы автор разрабатывает с 1991 года. Частичное и косвенное подтверждение тому, что человечество вошло в катастрофическую фазу, имеются в тех данных и обобщениях, которые представлены в работах Медоузов, Н.Н. Моисеева, В.П. Казначеева, В.А. Зубакова, Н.П. Федотова, Ю.И. Винокурова, Ю.М. Горского, Н.Н. Лукьянчикова и др. [34–35, 39, 43–45, 49, 50, 54, 57, 59, 70, 72, 73, 79, 80, 85, 86, 88, 102 и др.].

В.А. Зубаков считает, что **мегасистема <Человечество - Биосфера> находится под прессом уже начавшегося процесса эндоэкологического отравления (ЭЭО)**. Речь идет об эндоэкологическом отравлении «межклеточной среды ядерных организмов (эукариот) тяжелыми металлами, радионуклидами и химическими токсинами». Этот процесс, в соответствии с исследованиями Ю.М.Левина [74, 75], распространяется со скоростью эпидемии. И В.А. Зубаков предупреждает: «Как только эпидемия ЭЭО достигнет субглобального распространения на Земле, начнётся лавинно-необратимый процесс мутации геномов большинства высших организмов и, следовательно, вымирание современной биоты» [70, с. 16] (выдел, мною. С.А.). Возникает вопрос: «А не начался уже процесс мутации геномов большинства организмов человечества?».

По данным И.Ю. Винокурова, в результате исследований «содержания диоксинов в грудном молоке матерей городов Суздаль и Каргополь», проведенных при поддержке Всемирной органи-

зации здравоохранения ООН в 1995 году, были получены результаты, вызвавшие «крайнее удивление организаторов»: «даже в «чистом» Суздале суммарное содержание полихлорированных диоксинов, диоксиноподобных токсикантов и полихлорированных бифенилов в суммарных токсических эквивалентах оказались выше, чем в Дзержинске» [57, с. 12].

И далее, И.Ю.Винокуров в монографии «Эволюция почвенных экосистем» приходит к неутешительному выводу [57, с. 278].

«Сейчас... время не наше. Земная цивилизация «скользит» по «крылу» параболической «каустики» к её «клюву». Она идёт к величайшему кризису в своём развитии».

Ю.М. Горский, В. Лавшук в работе «Жизнь или смерть цивилизации», опубликованной 1997 году, так оценивают переживаемую историческую эпоху [45, с. 7]:

«Сейчас человечество должно, наконец, осознать дилемму: либо оно будет беззаботно играть в политику, войны и продолжать разрушать природу, и в этом случае его гибель будет неизбежной в самом ближайшем будущем, либо оно со всей серьезностью займется своим спасением. И далее они поставили задачу «о необходимости развертывания комплексных исследований по прогнозированию и анализу развивающейся экологической катастрофы, с тем, чтобы человечество могло выбрать оптимальную стратегию по её предотвращению» (выдел, мною, С.А.).

К близкому выводу приходят и известные российские ученые из Новосибирска – В.П. Казначеев, к сожалению ушедший из жизни в октябре 2014 года, А.И. Акулов, А.А. Кисельников и И.Ф. Мингазов – в монографии «Выживание населения России. Проблемы «Сфинкса XXI века» (2002) [35, с. 53]:

«Неоспорим факт, что накопленные 10^{17} бит информации в человеческом геноме является итогом почти 5 млрд. лет эволюции. Но когда человек своей деятельностью начинает изменять окружающую среду так, что эти факторы – физические, биологические, химические, социальные, космофизические – не «вкладываются в опыт», то **человеческий геном оказывается в состоянии дефолта.**

По существу, мы приходим к рубежу, когда приобретенная программа приспособления и выживания за счет реализации биохимических возможностей, за счет ДНК и генетического материала уже оказывается недостаточной.

Таким образом, сегодняшнее стремительное изменение среды вызывает у человека те или иные неадекватные, дизадаптивные процессы,

то это всё нарастающие признаки декомпенсации, генетической, эволюционно-исторической недостаточности человеческого организма, да и всей биосферы в целом» (выдел. мною, С.А.).

А.Б. Казанский, выстраивая концепцию биосферы как аутопоэтической системы (концепция аутопоэзиса и аутопоэтических систем разрабатывается более 40 лет чилийской нейрофизиологической и кибернетической школой во главе с Умберто Матураной и Франсиско Варелой), показывает, что **Биосфера, имея свой иммунитет, может дать свой, биосферный иммунный ответ на разрушительную планетарную деятельность человечества, вмешивающуюся в биосферные кругообороты**» [43, с. 4] (выдел. мною, С.А.).

Эта идея автору пришла в голову (независимо от этой гипотезы А.Б.Кузанского) и была положена в версию гибели человечества в научно-философском эссе (в «фантазийной рамке») «Исповедь последнего человека» [76], написанном летом 2011 года, в котором от имени «последнего человека» Ивана Александровича Муромцева автор пытался ответить на «кучу» вопрошаний, связанных с поиском факторов и оснований, приведших к экологической гибели человечества в форме «иммунного ответа» Биосферы через «вирус-истребитель» (с тем чтобы сохранить себя как мегасистему Жизни, как суперорганизм). В главе 3 «День третий. 24 июня 2037 года» одно из вопрошаний звучит так: «Кто же главный виновник в произошедшей экологической гибели человечества, если искать причину в основаниях рыночно-капиталистического бытия? И я, Иван Александрович Муромцев, последний человек, перед ликом бесконечности забвения, отвечаю – капиталистическая частная собственность, как частная собственность на средства производства. Она была той «почвой», которая воспроизводила постоянно частный интерес и эгоизм человека, по возрастающей кривой, возможно по возрастающей экспоненте; ведь говорят, что алчность не знает пределов и насыщения, и толкает человека на любые преступления» [76, с. 43]. Недавняя катастрофа 25 марта 2018 года, в форме пожара в торговом-развлекательном центре Кемерово, с гибелью 64 человека, 40 из которых – дети и подростки [103], не есть ли подтверждение этого вопрошания?

К этому, следует добавить только то, что **прозрения по поводу возможной экологической гибели человечества демонстрировали мыслители прошлых веков и даже тысячелетий**. Их мысли особенно актуализировались в начале XXI века на фоне действующего императива выживаемости, порожденного первой фазой Глобальной Экологической Катастрофы.

Приведем некоторые из них.

Ученый древности Имхотеп, живший в Древнем Египте 4700 лет назад, за 2800 лет до написания Иоанном Богословом своего «Апокалипсиса», который тоже можно рассматривать как гениальное прозрение неизбежности экологической катастрофы, оставил высеченное иероглифами на пирамиде Хеопса изречение, как предупреждение будущим поколениям людей:

«Люди гибнут от неумения пользоваться силами природы и от незнания мира» [70, с. 8; 77] (выдел. мною, С.А.).

Думаю, что мысль-предупреждение родилась в голове Имхотепа, как мыслящего человека древности, в связи с рукотворной региональной экологической катастрофой, породившей на севере африканского континента пустыню Сахару (когда наступила в этой части африканского континента длительная многовековая засуха, а человек продолжал пасти скот, и породил «опустынивание» огромной территории).

А вот высказывание знаменитого французского ученого Жана Батиста Ламарка, сделанное им в 1820 году, почти 200 лет назад:

«Вследствие беззаботного отношения к будущему и равнодушия к себе подобным человек сам как бы способствует уничтожению средств к самосохранению и, тем самым, истреблению своего вида... Можно, пожалуй, сказать, что назначение человека заключается в том, чтобы уничтожить свой род, предварительно сделав земной шар непригодным для обитания...» (выдел. мною, С.А.) [70, с. 12].

Грозное предупреждение человечеству! Какие «основания» имелись у Ж.Б.Ламарка, чтобы его сформулировать? Наполеоновские войны, опустошившие европейские страны в начале XIX века? Или истребление индейских племен и народов на территории Северной Америки, современных США, европейскими колонизаторами, в первую очередь – английскими?

Почему эти грозные предупреждения не слышит человечество, не транслируют наука, культура, средства массовой информации, чтобы они стали частью мировоззрения каждого человека на Земле? – Потому что в системе социальной жизни и хозяйственного природопотребления доминируют частная собственность, которая по Б.Коммонеру, разрушает главное богатство человечества – экосистемы, и частный, корыстный интерес, который по Н.А. Бердяеву [78, с. 470] «таит в себе безумие».

Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы возвестила, что мир «диктатуры власти Капитала», т.е. *строй капиталоократии* [1, 9, 12,

15, 23, 28, 64, 66], превратился уже в экологически «безумный» мир, продолжающий «скользить» в «бездну» экологической гибели. Капиталовластие и рынок живут короткими стратегиями, а мир человечества нуждается в долгосрочной стратегии выхода из Экологического Туника Истории, который может дать только социально-экономический строй в форме Социализма нового качества – Ноосферного Экологического Духовного Социализма или Ноосферизма [1, 12, 15, 29 и др.].

В упоминавшийся выше работе В.П. Казначеева, А.И. Акулова, А.А. Кисельникова и И.Ф. Мингазова формулируется вывод, нелицеприятный для рыночно-капиталистической системы [35, с. 415]:

«Господство экономических коротких стратегий во взаимодействии Человека и Природы лишило познавательной силы имеющиеся попытки выявить глобальные тенденции в организации новых качеств геологического геофизической среды, нового климатического равновесия, новых биосферных перспектив» (выдел, мною, С.А.).

А этот фактор и есть одна из главных причин Глобальной Интеллектуальной Черной Дыры, как феномена, обусловленного «господством экономических коротких стратегий» на основе рыночно-капиталистической формы хозяйствования, капиталистической частной собственности.

3. Основания и императивы перехода человечества и России к ноосферной парадигме развития в XXI веке.

Ноосферная парадигма универсального эволюционизма

Целевой замысел представляемой концепции и одновременно стратегии восходящего воспроизводства населения России в XXI веке, исходя из ноосферной парадигмы развития, базируется на следующих положениях, вытекающих из научно-мировоззренческой системы Ноосферизма [1–8, 10–13, 18–20, 24, 29, 92, 94, 97, 99, 100]:

1. Восходящее воспроизводство населения в количественных и качественных «измерениях» несет на себе «печать» социобиосферной динамики. Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы имплицитно имеет своим «измерением» Глобальную Антропологическую Катастрофу, как катастрофическую форму неадекватности человека законам и ограничениям, диктуемым гомеостатическими механизмами Биосферы и планеты Земля, как суперорганизмами;

2. Рыночно-капиталистическая система, по своей сущности, как анти-экологическая и

анти-ноосферная система, породила не только первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы, но и как её «измерение» – первую фазу эндоэкологической катастрофы внутри монолита разумного живого вещества, представляемого человечеством, и погруженного в живое вещество Биосферы;

3. Демографические проблемы России и человечества, за которыми стоит динамика воспроизводства жизненных сил народов России и стран мира, в значительной мере имеет своими источниками негативные процессы первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, в свою очередь являющиеся следствиями «реакции» Биосферы на «антропогенное хозяйственное давление» экономики на механизмы функционирования Биосферы и планеты Земля, **в форме «ответного» «биосферно-экологического давления» на живое вещество человечества, основания и механизмы Внутренней Логике Социального Развития.**

В.П. Казначеев и его соавторы в упоминаемой монографии «Выживание населения России» (2002) приходят к выводу, что глобальный экологический кризис в своем развитии порождает «новую фазу эволюции человека» и «перегрев» планеты, её литосферного, гидросферного и биосферного чехла, её атмосферы, электромагнитных и торсионных полей, ближайшего и отдаленного космоса». Они подчёркивают, что «достаточно уровню экологического, социального, техногенного риска достичь определенной пороговой величины, как катастрофы становятся обыденным явлением, проникающим в жизненные структуры природных комплексов и деформирующим сложные биологические ритмы естественных и рукотворных ландшафтов, лесных массивов, речных систем, шельфов. Этот странный вирус – «катастрофа» – проникает в растительный и животный мир, и на протяжении практически одного-двух поколений исчезают виды, деформируется генетический аппарат, формировавшийся в течение многих миллионов лет. Вирус накапливается в репродуктивном и биологическом здоровье популяций и проявляется взрывами хронических заболеваний, атаками инфекций, наступлением СПИДа и других необратимых заболеваний инфекционной природы.

...Катастрофизм не является механической суммой известных форм природных, техногенных или социальных аварий. Напротив, сами эти аварии – суть проявления глобального расширяющегося несоответствия поведения человека в его современных формах фундаментальным природным законам» [35, с. 92, 93] (выдел, мною, С.А.).

Встаёт фундаментальный вопрос: «Почему это несоответствие глобального масштаба в функционировании и развитии человеческих обществ на Земле фундаментальным природным законам приняло катастрофический характер именно во второй половине XX века, а не в предыдущие исторические эпохи?».

Ответ на этот вопрос сам по себе требует глубокого, фундаментального пересмотра научных взглядов, научно-теоретической рефлексии над «логикой» исторического развития человечества, по крайней мере – с Неолитической революции, совершившейся 10–12 тысяч лет назад, в результате которой человек «одомашнил» ряд видов диких животных – лошадь, корову, козу, овцу и др. и ряд видов злаковых растений – ячмень, овес, рожь, пшеницу и перешел к активной форме взаимодействия с природой, подчиняя природные силы, через хозяйство и экономику, потребностям воспроизводства своей жизни и развития социальных стандартов качества жизни.

Такой ответ автор сформулировал в теоретической системе Ноосферизма, предложив новую, ноосферную парадигму универсального эволюционизма.

Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы есть своеобразная манифестация, правда – в негативной форме, единства Человечества и Природы, – манифестация того факта, что Человечество есть всего лишь «живая подсистема, обладающая интеллектом», – подсистема земной мегасистемы жизни – Биосферы Земли.

С.Н. Булгаков в «Философии хозяйства», опубликованной в 1912 году, писал о «**метафизическом коммунизме мироздания**» так [81, с. 731]:

«...возможность потребления принципиально основана на метафизическом коммунизме мироздания, на изначальном тождестве всего сущего, благодаря которому возможен обмен веществ и их круговорот, и прежде всего, предполагает единство живого и неживого, универсальность жизни. Только потому, что вся вселенная есть живое тело, возможно возникновение жизни, её питание и размножение».

В другом месте этой работы он указывает на «физический коммунизм бытия». «Есть некоторая космологическая карма сущего. Единство мироздания, физический коммунизм бытия, делает то, что физически всё находится и есть во всём, каждый атом мироздания связан со всей вселенной, или, если приравнять вселенную организму, то можно сказать, что он входит в состав мирового тела», – пишет он [81, с. 65].

Интересно, что это булгаковское положение получает развитие 80 лет спустя в работе совет-

ского философа Владимира Георгиевича Комарова «Правда: онтологическое основание социального разума» (2001) в форме «**философии аутентичного коммунизма**», в соответствии с которой (по В.Г. Комарову) *прогрессивное развитие связывается «с возможностью и необходимостью реинтеграции общества с его действительной социальной связью, человека – со своей общественной сущностью и космо-био-антропо-социо-ноосферной природой»* [88, с. 124]. И далее В.Г. Комаров замечает: «...если история может быть понята как практическая жизнедеятельность преследующих свои цели людей, то, с другой стороны, она в равной мере может быть истолкована как нечто иное, т.е. как объективированный продукт космо-био-антропо-социо-ноосферных корреляций, в котором отчасти воплощены, отчасти изменены и отчасти элиминированы цели, волеизъявления, добрые и злые деяния общественных субъектов» [88, с. 140] (выдел. мною, С.А.).

А.Б.Казанский, исходя из концепций эволюционной геофизиологии и биосферного аутопоэзиса, выдвигает **гипотезу, которая де-факто подтверждает определение «метафизического коммунизма мироздания**», что «биосфера в целом и все биологические организмы составляют в многомерном пространстве их жизненных циклов самосогласованный **бутстрап**, топологически полузамкнутый микрокосм... **В бутстрапе часть и целое взаимодетерминируются**, находятся в особом динамическом единстве, а различие между внутренним и внешним исчезает» [43, с. 14] (выдел. мною, С.А.).

Какой «сигнал» нам подаёт первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы? – Этот «сигнал» состоит в том, что на арену Истории вышла Большая Логика Социоприродной Эволюции (БЛСЭ) [1, 2, 4, 8, 10–13, 18, 20, 23, 24, 83, 87, 89–92, 94, 99, 100], основанием которой выступает энергетический базис мирового хозяйства и, соответственно, социальная энергия движения Истории, а значит – энергия «хозяйственно-го» давления человечества на гомеостатические механизмы планеты Земля.

Категорию Большой Логике Социоприродной Эволюции автор впервые ввёл в научный оборот в 1994 году в монографии «Социогенетика».

Тогда автор писал [89, с. 15]:

«Автором выдвигается тезис о существовании Большой Логике Социоприродного развития. Смещение доминанты в противоречиях социального развития человечества к внешнему социоприродному противоречию уже социоприродного или социобиосферного развития опре-

делило формирование внешнего по отношению к внутренней социально-исторической Логике императива – императива перехода к управляемой социоприродной эволюции.

Дилемма стихийности и плановости, стихийности и управляемости является не только дилеммой Внутренней Логике Стихийной Истории, но и Большой Логике Социоприродной Эволюции, разрешение которой оказывается теперь уже связанным с Жизнью и Смертью всей мировой цивилизации.

Социогенетика как новое обобщение социальной и человековедческой науки и как новый тип знания о механизмах развития призвана вооружить общественный интеллект, чтобы *Большая Логика Социоприродной Эволюции стала Логикой выхода человечества из глобального кризиса в состояние долгосрочных перспектив жизни и прогресса*.

В дальнейшем концепция Большой Логике Социоприродной Эволюции получила развитие в «Ноосферизме» [1], а также в ряде работ: например, в книгах «Революция и эволюция» [83, с. 25–29], «Управляющий разум и новая парадигма науки об управлении (в контексте ноосферного императива XXI века)» [18, с. 11–15], «Роды Действительного Разума» [90, с. 20–47] и др.

Если взять за основание стадиялизации Стихийной Истории человечества энергетический базис его взаимодействия с Природой, то начиная с Неолитической революции 10–12 тысяч лет назад и до рубежа XIX/XX веков, она предстает, как *Малоэнергетическая Стихийная История*, когда энергия хозяйствования человека на Земле определялась мускульной энергией человека и домашних животных, освоенной энергией ветра и водной стихии с помощью ветряных и водяных мельниц. Человек встретил XX век на 99% вооруженный традиционными энергиями, и только 1% был связан с промышленной революцией в XVIII–XIX вв. в странах Европы и России, с индустрией пара на базе ископаемого угля.

В XX веке произошел скачок в энергетике мирового хозяйства приблизительно в 10 в 7-й степени раз (по моим расчетам [92, с. 14] на основе данных по увеличению плотности потока энергии Ф.Спира [93, с. 120]), что позволяет *идентифицировать XX век одновременно – и как «Энергетическую революцию», и как «Большой Энергетический Взрыв» в социальной эволюции человечества* [1, с. 34; 94, с. 19].

Следует отметить, что именно *этот скачок* в используемой человечеством энергии природных сил, благодаря успехам науки в познании мира и их материализации в технике и техноло-

гиях, *и стал основой открытия В.И. Вернадским глобального закона о переходе Биосферы в Ноосферу, легшим в основу его учения о Ноосфере*, разработанного им в 20–30-х годах в СССР [95, 96].

В работе «Научная мысль как планетное явление» он обращает внимание на то, что освоенная человечеством «биогеохимическая энергия живого вещества» приобретает «форму «культурной» биогеохимической энергии, связанной с разумом», и этот вид энергии «растет и увеличивается, быстро выдвигается на первое место». При этом, «разум есть сложная социальная структура, построенная как для человека нашего времени, так и для человека палеолита, на том же самом нервном субстрате, но при разной социальной обстановке, слагающейся во времени (пространстве-времени по существу). Её изменение является основным элементом, приведшим, в конце концов, к превращению биосферы в ноосферу явным образом, прежде всего – созданием и ростом научного понимания окружающего» (выдел, мною, С.А.) [95, с. 127, 128]. В «Философских мыслях натуралиста» В.И. Вернадский подчеркивает: «*Эволюционный процесс получает... особое геологическое значение благодаря тому, что он создал новую геологическую силу – научную мысль социального человечества. Мы как раз переживаем её яркое вхождение в геологическую историю планеты... Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – ноосферу*» [96, с. 27].

Однако В.И. Вернадский создавал свое учение о Биосфере и Ноосфере в первой половине XX века, когда еще не разразилась глобальной экологической кризис, о котором ученые заговорили, начиная с рубежа 50–60-х годов XX века.

Почему же именно своеобразный синтез стихийных регуляторов развития (рынок, войны, конкуренция) и большой энергетики мирохозяйственного природопотребления поставило человечество перед фактом появления первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы и угрозой экологической смерти всего человечества, о чем даже не мог предполагать ноосферный гений человечества Владимир Иванович Вернадский?

Ответ на этот вопрос лежит в открытом автором Законе интеллектно-информационно-энергетического баланса (или соответствия), который формулируется так [18, с. 14; 92, с. 17; 94, с. 20]: «чем больше со стороны социальной системы воздействие, по своей энергетической мощи, на природу (Биосферу), тем больше требуется лаг упреждения последствий от этого воздействия, и соответственно – тем более дол-

госрочным должно быть стратегическое управление будущим со стороны этой социальной системы, и тем более наукоемким должны быть такое управление и олицетворяющая его власть».

Поэтому, именно вследствие несоответствия Стихийной парадигмы истории требованиям этого Закона, которое зафиксировалось в середине XX века глобальным экологическим кризисом, а к его концу – первой фазой Глобальной Экологической Катастрофы, возникли Экологические Пределы этой парадигме развития человечества и встал перед ним императив выживаемости, как переход к новой – Ноосферной, Управленческой – парадигме развития, причем с переходом от социальной автономности Истории, в которой доминировала Внутренняя Логика Социального Развития (ВЛСР), – к Истории Ноосферной в виде управляемой социоприродной эволюции, в которой уже начинает доминировать Большая Логика Социоприродной Эволюции (БЛСЭ).

Итак, Высокоэнергетическая Стихийная История в XX веке предстает как преддверие к Эпохе Великого Эволюционного Перелома – Эпохе Смены Стихийной Парадигмы Истории Ноосферной Парадигмой, что в свою очередь выдвигает на передний план:

- **Закон Кооперации;**
- **Закон идеальной детерминации в истории через общественный интеллект (коллективный разум);**
- **Закон Опережающего Развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образовательных систем в обществе [1, 2, 8, 10, 12, 18, 20, 21, 23, 92, 94, 97, 98].**

Нужно осознать, и это еще предстоит сделать ученым мира и политическим элитам в первой половине XXI века, а ожидаемые исторические события будут только стимулировать эту грядущую ноосферно-ориентированную теоретическую рефлексию, что **Человечество впервые за всю сознательную историю сталкивается с императивами Большой Логике Социоприродной Эволюции**, которые, как бы «фокусируются» в императиве выживаемости человечества в XXI веке.

И это осознание одновременно и есть роды Действительного – Ноосферного – Разума и Действительной – Ноосферной – Науки, в содержание которых входит «переход» из состояния «Разум-для-Себя» в состояние «Разум-для-Биосферы, Земли, Космоса» [1, 2, 11, 12, 18, 29, 82, 90–92, 99, 100].

Автором выдвигается **ноосферная парадигма универсального эволюционизма** [1, 2, 18, 20, 21, 82, 83, 90–92, 94, 97], которая раскрывает логику

изменений любой прогрессивной эволюции, сопровождающейся ростом сложности, кооперативности структур эволюционирующих систем, и **которая синтезирует в себе известные эволюционные парадигмы:**

- **дарвиновскую** (автор – Ч. Дарвин; доминирование закона конкуренции и механизма отбора; триада – наследственность, изменчивость, отбор; **селектогенез**),

- **кропоткинскую** (автор – П.А. Кропоткин; доминирование сотрудничества и взаимопомощи; автор определил эту парадигму как доминирование в эволюции закона кооперации и поэтому назвал эту парадигму прогрессивной эволюции **коогенезом**);

- **и берговскую** (автор – Л.С. Берг; наличие законов, канализирующих прогрессивную эволюцию по определенному руслу; **нomoгенез**).

Этот синтез раскрывается в форме утверждения, что **любая прогрессивная системная эволюция**, сопровождающаяся ростом сложности эволюционирующих систем, подчиняется действию двух метазаконных [1, 2, 8, 10, 21, 23, 62, 90, 91, 92, 94, 97]:

- **Метазакон Сдвига от доминанты Закона Конкуренции и механизма естественного отбора – к доминанте Закона Кооперации и механизма интеллекта;**

- **Метазакон Интеллектуализации или «Оразумления» любой прогрессивной системной эволюции, в соответствии с которым наступление Ноосферного Этапа в космогонической эволюции, в эволюции Биосферы на Земле и в социальной эволюции человечества является Законом этих эволюций.**

По отношению к социальной эволюции человечества, т.е. истории, «калькой» Метазакон Интеллектуализации и служит всемирно-исторический закон роста идеальной детерминации в истории через общественный интеллект, на который автор впервые указал в 1990 году в работе «Опережающее развитие человека, качества общественных педагогических систем и качества общественного интеллекта – социалистический императив» [98], и концепция которого получила развитие в авторских работах 90-х годов [99].

Переживаемая человечеством Эпоха Великого Эволюционного Перелома, наступление которой обозначила первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы, есть Эпоха перехода от социальной эволюции на базе доминирования Закона Конкуренции и механизма отбора – к социальной эволюции на базе доминирования Закона Кооперации и механизма общественного интеллекта,

причем в форме управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества, т.е. есть переход к Ноосферному Этапу и в развитии человечества, и в развитии Биосферы на Земле.

4. Демографические процессы и воспроизводство населения России в пространстве первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы

Как следует из изложенного, демографические процессы и воспроизводство населения России, так называемое репродуктивное здоровье, находятся под влиянием, с одной стороны, процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, а, с другой стороны, под прессом процессов рыночно-капиталистических реформ, которые в 90-х годах породили так называемый «русский крест», когда количество умирающих на 1000 человек населения, начиная с 1993 года, превысило количество рождающихся. Появилось понятие «сверхсмертности» [32, с. 21]. По данным И.А. Гундарова, «шоковая терапия» по Гайдару привела в 1992 – 2001 году к демографическим потерям от сверхсмертности в России, оцениваемым как 5 млн. человек. При этом, «в структуре максимального прироста потерь основная доля пришлось на болезни системы кровообращения (48%), несчастные случаи (25%), заболевания органов дыхания (5%), болезни органов пищеварения (4%), самоубийства (3%), убийства (2%)» [32, с. 21]. «По критериям медицинской науки, – обращает он внимание, – такие процессы определяются как эпидемия. Эпидемия есть массовое увеличение заболеваемости или смертности, вызванное действием контагиозного фактора, передающегося от человека к человеку» [32, с. 22]. При этом, что важно, «максимальное ухудшение здоровья произошло у молодых и лиц среднего возраста, а в 70 лет и старше ситуация менялась незначительно» [32, с. 25]. Это явление, по И.А. Гундарову, следует назвать «демографической деградацией» [32, с. 32]. «Суммарные потери из-за взлета смертности и спада рождаемости за последние двенадцать лет, – писал И.А. Гундаров в 2001 году, – составили около 17 миллионов человек. Для оценки этой величины по её историческим меркам сравним её с событиями, которые считаются трагичными в новейшей российской истории. Это Первая и Вторая мировые войны, периоды коллективизации и сталинских репрессий [104]. Оказалось, что по интенсивности уничтожения человеческого потенциала 90-е годы в 1,7 раза превысили репрессии сталинского режима, сопоставимы с первой мировой войной

и значительно уступают лишь периоду гитлеровского нашествия...» [32, с. 32].

Где, в каком факторе, скрывается главный источник «демографической деградации» России под воздействием рыночных реформ? – и И.А. Гундаров отвечает: в рыночно-капиталистическом принципе «Человек человеку – волк». Э. Фромм заметил: «Жестокость разрушает душу и тело и саму жизнь, она сокрушает не только жертву, но и мучителя» [101, с. 28].

На базе своего анализа И.А. Гундаров формулирует «гипотезу о существовании закона «духовно-демографической детерминации», который имеет следующую формулировку: «при прочих равных условиях улучшение (ухудшение) духовного состояния общества сопровождается снижением (ростом) заболеваемости и смертности».

И далее добавляет: «В этом случае выражение «смертельная тоска» представляется уже не метафорой, а диагнозом» [32, с. 75]. Фактически, закон духовно-демографической детерминации можно рассматривать, с позиции автора, как особую форму проявления авторского закона роста идеальной детерминации через общественный интеллект [1, 8, 10, 12, 22, 23, 62, 82, 83, 98].

Фактически, рыночные реформы 90-х годов XX века и начала XXI века превратились в «рыночный геноцид» России [15], который Н.Н. Моисеев в 90-х годах охарактеризовал как «агонию России» [44], правда, связывая её с «дьявольским насосом» мира транснациональных компаний (ТНК).

Известный российский ученый-демограф Н.М. Римашевская в 2010 году подтвердила, что Россия так и продолжает оставаться в состоянии демографического кризиса (если не демографической катастрофы), главные причины которого в «негативных сторонах социально-экономических преобразований в России за последние два десятилетия» [30, с. 644].

Косвенно, она де-факто указывает на эндоэкологическую катастрофу внутри живого вещества человечества, что коррелирует с предупреждениями В.А. Зубакова:

«Сегодня не только в России, но и в иных странах Европы и США наблюдается возрастающий феномен бесплодия супружеских пар. По оценкам экспертов, их около 15%. Очень быстро растет мужское бесплодие, частота которого в структуре соответствующих браков достигла 38–45%» [30, с. 64]. На это накладывается резкое падение качества медицинской помощи населению, опять-таки по рыночным причинам, когда стал наблюдаться «рост смертности женщин в наиболее детородном возрасте, что сокращает репродук-

тивный потенциал российской популяции. Это особенно опасно, – пишет Н.М. Римашиевская, – в связи с уменьшением у нас численности женщин в таком возрасте» [30, с. 647]. Далее она указывает на «сексуальную революцию» (которая к тому же активно стимулируется средствами массовой информации через агитацию «свободных сексуальных отношений»), как на фактор, разрушающий семью, увеличивающий число разводов и беспризорных детей [30, с. 648].

К этому автор может добавить свою гипотезу, что рост гомосексуализма в цивилизациях, где растет и скорость, и масштаб «свободных сексуальных отношений», есть «ответ» на этот процесс популяционно-генетических механизмов (действие которых биологическая наука не знает), отвечающих за разнообразие генома популяции, которые начинают блокировать репродуктивные механизмы популяции. Это означает, что гомосексуализм, в том объеме, в котором он процветает в странах метрополии глобального империализма – Западной Европы, в Великобритании и в США, есть одно из измерений глобальной патологии.

А.А. Лиханов, председатель российского детского фонда и директор Научно-исследовательского института детства, показывает, что за период с 1991 года по 2008 год в общей возрастной структуре населения количество детей упало с 40 млн. человека до 27 млн. человек. Это сокращение детского населения в России за 17 лет почти на 13 млн. человека, а по другим данным на 17,3 млн. человек, А.А.Лиханов назвал «необъявленной войной детству, завершающейся позорной победой самих над собой» [31, с. 669], а автор – рыночным геноцидом России [15].

А.А. Лиханов, де-факто подтверждая «от противного» закон И.А. Гундарова – закон духовно-демографической детерминации, восклицает: «Сколько мудрости в пушкинском: «Народ безмолвствует...». Он, безмолвствуя, бедствуя, лишаясь работы, теряя уверенность социальную, то есть материальную и всякую прочую – медицинскую, образовательную, культурную опору, пьянствуя, рожая в безбрачии и разводясь при первом скандале, не под дням, а по часам утрачивая нравственные устои, стыд, совесть и надежду, потому как видит окрест блистательные образцы воровства и коррупции сверху донизу и в конце концов приходит к главному и трагическому – отказывается рожать. Молчаливо отказывается продолжать себя. И речь не о каком-то недостатке, пустяке, малости, но о неслышимом стоне России, о плаче не рожденных детей – самом негромком, но самом существенном признаке самоуничтожения» [31, с. 669, 670] (выдел. мною, С.А.).

Отметим, что де-факто капитало-рыночно-генная демографическая катастрофа в России, которая, хотя и слегка сгладилась в 2011–2015 годах с помощью механизма «материнского капитала», в 2015–2018 годы начинает снова «обнажаться» (рост неполной занятости, так называемого прекариата, в мире и в России [60]; акцент в образовательной политике России не на создателя и творца, а на «идеального потребителя» (Ю.А. Головин, [86, с. 29]), который должен «мало думать», «меньше сомневаться» и стремиться «перебраться на более высокую ступень потребительской лестницы тщеславия»; фактор миграции из среднеазиатских и кавказских стран – бывших советских республик, который выливается в фактор «поддержки низкоквалифицированной работы», «снижения уровня оплаты труда» у большинства местных жителей и т.д. [102, с. 78], ожидаемое увеличение налогового пресса и т.д.).

К этому нужно добавить, что демографическая катастрофа в России разворачивается на фоне системной катастрофы в промышленной экономике (так, например, в 2000 году по отношению к 1985 году в России произошло падение: станкостроения на 89%, тракторостроения – на 93%, производства экскаваторов на 87%, в производстве тканей – от 67% до 87% (по разным видам тканей), в производстве говядины и телятины – на 85% [37, с. 249, 250]. И за прошедшее время возрождение промышленности, особенно станкостроения, так и не произошло, что позволило американскому президенту Обаме назвать экономику России – «экономикой, разорванной в клочья» [37, с. 249].

Рыночно-капиталистические реформы в России сопровождались резким ускорением её урбанизации, концентрацией населения в нескольких мегаполисах страны, где экологическое качество жизни в несколько раз хуже, чем в сельских местностях. Так, например, «над крупными городами атмосфера содержит в 10 раз больше аэрозолей и в 25 раз больше газов. При этом 60–70% газового загрязнения дает автомобильный транспорт... Города потребляют в 10 раз и более воды в расчете на 1 человека, чем сельские районы, а загрязнение водоемов достигает катастрофических размеров... Водоносные горизонты под городами сильно истощены в результате непрерывных откачек скважинами и колодцами, а кроме того загрязнены на значительную глубину» [53, с. 303, 304]. К этому добавляется мощное химическое загрязнение почвенных экосистем [57].

Еще на это «накладывается» своеобразное экологическое невежество «диктатуры «просвещенных» [51, 52], распространяющих трансгуманизм как технологию эндоэкологического

самоубийства, частью которой служит и тотальная «цифровизация», соединенная с поощрением гомосексуализма, как «долговременной стратегии разрушения естественного порядка вещей через уничтожение различий между полами [51, с. 89], которая, по сути, предстает как «разрушение будущего» (этот образ О.Н.Четверикова использует, характеризуя образовательные реформы в России [52]).

5. Основные положения стратегии восходящего воспроизводства населения России в контексте действия ноосферного императива как императива выживаемости человечества в XXI веке

Итак, подведём итоги в виде системы положений стратегии восходящего воспроизводства населения России в XXI веке:

Положение 1. Человечество переживает жесточайший глобальный экологический кризис, которого не знало всю свою предшествующую историю своего становления и развития. Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы отразила одновременно Экологический Конец всей Стихийной истории и всей рыночно-капиталистической системы экономического развития. Возникший императив выживаемости соединяет в себе ноосферный и социалистический императивы. Возникшая глобальная патология в системе глобального здоровья человечества и, одновременно, глобального здоровья Биосферы [19] может быть «излечена» только через Роды Действительного Разума [90] и переход к управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта, научно-образовательного общества и Ноосферного Экологического Духовного Социализма [1, 3, 9–12, 16–23, 29, 62, 92, 97–100].

Положение 2. Россия – самостоятельная, евразийская, общинная, самая холодная, с самым большим хронотопом (пространством-временем), цивилизация, у которой есть свои специфические законы социально-экономического развития. Автор в серии работ предложил и разработал концепцию закона энергетической стоимости, который по-своему является «своеобразным выразителем» «экологических границ экономического развития», «выразителем «экологической ниши» экономической системы» [5, с. 7]. **Россия – цивилизация с самой высокой энергетической стоимостью воспроизводства жизни общества, и соответственно – восходящего воспроизводства (положительной демографической динамики) населения России.** В работе «России нужна стратегия долгосрочного развития на собственной основе» (2008) автор отмечал [5, с. 7]:

«...в 1995 году затраты электроэнергии и топлива на «100 долларов» продукции были в России в 3–5 раз больше, чем мировые, и это при том, цены на энергию в 1995 году были в несколько раз ниже мировых. Если масштаб цен на энергию поднять на уровень мировых, то вся экономика России (её воспроизводство) перестает быть рентабельной. Это связано с тем, что в соответствии с действием этого закона в России, как самой холодной цивилизации в мире, энергостоимость единицы валового продукта в ~ 5 раз больше, чем в Европе».

Поэтому стратегия восходящего воспроизводства населения России в XXI веке должна исходить из стратегии долгосрочного развития на собственной основе, исходя из фундаментального принципа, что природные ресурсы (и соответственно природная и энергетическая рента) принадлежат народу России, а не «тонкой прослойке» общества в виде олигархической капиталократии, присвоившей себе эти ресурсы в форме своей собственности.

Положение 3. Одним из важнейших законов развития России является закон, отражающий власть большой идеи, определяющей направление её развития с учетом большого пространства-времени или хронотопа её бытия.

Такой большой идеей России XXI века, которая одновременно является идеей, спасающей весь мир от экологической гибели, выступает, по твердому убеждению автора, ноосферная или ноосферно-социалистическая идея, раскрываемая в форме новой научно-мировоззренческой системы, которую автор назвал Ноосферизмом [1, 8, 13, 23, 62, 82, 94, 97].

Автор в «Идеологии XXI века» (2014) отмечал [82, с. 61, 62, 76]: «Миссия России в XXI веке – это ноосферно-социалистический прорыв человечества, который должен начаться с России, как цивилизации..., выступающей своеобразной «евразийской осью» «маятника истории»... Россия – цивилизация «цивилизационного социализма», что означает, что она в своих цивилизационных основаниях всегда была цивилизацией антикапиталистической, исторически была устремлена к правде, взаимопомощи, к любви и добротолению, к трудовому созиданию, к заботе о социально-ущемленной части населения. В этом её качестве большая заслуга принадлежит русскому народу. Русский народ – не только государство-образующий народ, но и исторический строитель российской цивилизации, носитель культуры правды, защиты Отечества, постоянно жертвующий собой ради сохранения жизни и мира между народами и людьми на территории России.

Русский народ – носитель «цивилизационного социализма»... Идеология XXI века – идеология ноосферного социализма, которая формируется в России и призвана дать мыслящим людям, мыслящим странам и континентам, всем, кто сохраняет в себе разум и не поддастся рыночному безумию, «не ослеп» под давлением собственной «корысти» или «золотого тельца», стратегию выхода из Экологического Тупика Истории. Россия поднимает знамя новой, ноосферной парадигмы духовности и идеологии XXI века, как идеологии ноосферного социализма!».

Автор подчеркивает еще раз, что роль большой идеи в такой специфической области как демографическое возрождение России и русского народа, восстановление репродуктивного здоровья российского суперэтноса (понятие Л.Н. Гумилева), в том числе русского народа, подкрепляется научным открытием И.А. Гундарова, что в демографическом кризисе России и стран СНГ доминирующее значение имеет потеря духовно-идейных ориентиров во взглядах на будущее, на перспективу общественного развития, связанная с установкой «идеологов» рыночных реформ на «деидеологизацию», т.е. с установкой на нарушение требований закона духовно-демографической детерминации. По И.А. Гундарову [32] этому фактору принадлежит 70–80% потерь в популяционном здоровье после разрушения СССР на рубеже 1991/1992 годов.

Положение 4. Россия первой в мире 100 лет назад совершила Социалистический Прорыв человечества к управляемой истории в форме Великой Октябрьской социалистической революции, первой в мире в 1961 году совершила Космический Прорыв (первый полет на космическом аппарате вокруг Земли летчика-космонавта СССР Ю.А. Гагарина) и первой предложила в первой половине XX века учение о ноосфере В.И. Вернадского, развитие которого отечественными учеными создало «почву» для становления Ноосферной научной школы всемирного масштаба [14] и на ее базе – появления Ноосферизма – идеологии и обобщающей научной идеи XXI века. *Это все создает предпосылки для Ноосферного Прорыва человечества из России в XXI веке* [1, 3, 11, 12, 20, 27, 97, 100], *в рамках которого только и возможна стратегия действительного прорыва к возрождению популяционного здоровья российской нации и восходящего воспроизводства населения России.*

Положение 5. *Экологической основой стратегии восходящего воспроизводства населения России должна стать ноосферная экономика.* Ноосферной экономике, как науке, посвятили

свои работы В.Н. Бобков, В.П. Казначеев, П.Г. Никитенко и др., в том числе и автор [1, 3, 5, 7, 12–14, 23, 33, 34, 36, 38, 41, 42, 45, 46, 54, 56, 59, 60, 79, 87, 88, 100]. А.С. Бондарев и В.Я. Жуляй поставили еще в СССР, в 80-х годах, проблему перехода «от производства вещей» к «производству человека», при этом они видели это производство человека как «производство» гармонически развитой личности, с использованием достижений в области воспитания, которые были получены в «педагогической (равно экономической) системе А.С. Макаренко». «Гениальность макаренковского эксперимента и его обобщения в теории заключается в том, что эта технология в равной степени пригодна как для учебных, так и для любых трудовых коллективов... и те и другие коллективы реализуют переход от логики производства продуктов, конструкций, знаний и идей к логике производства многосторонне, всесторонне и гармонически развитых личностей» [33, с. 43, 44]. Близкую к этой постановке взгляда на связь воспроизводства человека и воспроизводства материального производства демонстрирует концепция ноосферной экономики П.Г. Никитенко [41, с. 37], в которой наряду с производствами I подразделения (производства средств производства, включая природные ресурсы), II подразделения (производства предметов потребления, включая дары природы), вводятся (в отличие от схемы воспроизводства К. Маркса в «Капитале») III подразделения (производство человека как биосоциального и ноосферного продукта¹, к которому относятся: разум, знание, наука, образование, здравоохранение, культура и др.).

Автор связал становление ноосферной экономики в XXI веке со становлением научно-образовательного общества, в которых образование становится базисом базиса духовного и материального воспроизводства, а наука – производительной силой и силой управления [1, 3, 7, 12, 15–18, 22, 23, 24, 29, 87, 92, 94, 99, 100].

В этом контексте *и ноосферная экономика, и соответственно научно-образовательное общество становятся своеобразным базисом стратегии восходящего воспроизводства населения России.* В «Предисловии» от научного редактора к книге В.П. Казначеева «Здоровье науки. Просвещение. Образование» (1996) под названием «Геополитические основания доктрины российского образования на рубеже второго и третьего тысячелетий» автор подчеркнул роль «образования и просвещения» как «ядровых оснований

¹ Примечание П.Г. Никитенко: «Под биосоциальным и ноосферным продуктом нами понимается потребительная стоимость, удовлетворяющая нематериальные (духовные) разумные потребности человека...»

исторического здоровья российской нации», и как механизма «выживания российской цивилизации в XXI веке» и «преодоления развивающейся «пессимальной фазы» в российском этногенезе» [34, с. 15].

Итак, **обобщающая формулировка ноосферной стратегии восходящего воспроизводства населения России в XXI веке раскрывается как многокомпонентная теоретическая система, включающая в себя:**

- 1) становление научно-образовательного общества и ноосферного образования;
- 2) обеспечение требований закона устойчивого развития общества высокой субъектности – закона опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образовательных систем в обществе;
- 3) становление ноосферной экономики;
- 4) восходящее воспроизводство общественного интеллекта;
- 5) переход к социальной организации жизни и её воспроизводства в виде Ноосферного Экологического Духовного Социализма;
- 6) управление социоприродной эволюцией как единственная модель устойчивого развития;
- 7) восходящее воспроизводство здоровья нации, в том числе репродуктивного здоровья.

Эпоха Великого Эволюционного Перелома – «развилка» социальной эволюции человечества: или экологическая гибель (возможная даже до конца XXI века), или экологическое спасение

человечества, через переход к управляемой социоприродной эволюции, в который входят:

- Роды Действительного – Ноосферного – Разума;
- Роды Действительной – Ноосферной – Науки, а в её составе – и действительной ноосферной демографической науки и соответственно – Роды ноосферной науки о воспроизводстве народонаселения России. Данный научный доклад раскрыл только основные предпосылки и подходы к появлению такой науки.

Закончу эту работу словами академика АН СССР, потом РАН, Н.Н. Моисеева, сказанными в 1986 году, более 30 лет назад: «Как бы ни развивалась наука, какие бы уточнения в определении границ гомеостаза человечества ни были бы ею очерчены, неизбежно предстоит переход на «режим экономии». Здесь и разумная демографическая политика, и приспособление потребностей общества к условиям ограниченности ресурсов и т.д. Поэтому я не могу не согласиться с тем, кто говорит, что будущее цивилизации определяется прежде всего тем, как люди научатся ощущать себя членами одного экипажа того космического корабля, имя которому планета Земля. И как сообразно этому научатся преодолевать собственный эгоизм, согласовывать свои цели с общими целями, как сумеют превратить самоубийственную растрату тех ограниченных ресурсов, которые нам отпустила для жизни Природа» [40, с. 78].

Список литературы

1. Субетто А.И. Ноосферизм. Том первый Введение в ноосферизм. СПб.: КГУ им. Н.А. Некрасова, КГУ им. Кирилла и Мефодия, 2001. 537с.
2. Субетто А.И. Ноосферизм и вернадскианская революция: к модели выхода человечества из эколого-капиталистического тупика Истории // В колл. мон. «Вернадскианская революция в системе научного мировоззрения – поиск ноосферной модели будущего человечества в XXI веке» / Под науч. ред. А.И. Субетто. СПб.: Астерион, 2003. 592 с.; с. 44–65.
3. Субетто А.И. Основания и императивы стратегии России в XXI веке. СПб. Кострома: Смольный университет РАО, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. 324 с.
4. Субетто А.И. Эпоха Великого Эволюционного Перелома. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. 88 с.
5. Субетто А.И. России нужна стратегия долгосрочного развития на собственной основе. СПб. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. 31 с.
6. Субетто А.И. Битва за Россию: 1993–2008 гг. СПб. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. 420 с.
7. Субетто А.И. Системный анализ современного общества (Научный доклад). СПб.: Изд-во «Астерион», КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004. 88 с.

References

1. Subetto A.I. Noosferizm. Tom pervyj Vvedenie v noosferizm. – SPb.: KGU im. N.A. Nekrasova, KGU im. Kirilla i Me-fodiya, 2001. – 537s.
2. Subetto A.I. Noosferizm i vernadskianskaya revolyuciya: k modeli vyhoda chelovechestva iz ehkologo-kapitalisticheskogo tupika Istorii // V koll. mon. «Vernadskianskaya revolyuciya v sisteme nauchnogo mirovozzreniya – poisk noosfernoj modeli budushchego chelovechestva v XXI veke» / Pod nauch. red. A.I. Subetto. – SPb.: Asterion, 2003. – 592s.; s.44–65.
3. Subetto A.I. Osnovaniya i imperativy strategii Rossii v XXI veke. – SPb. – Kostroma: Smol'nyj universitet RAO, KGU im. N.A. Nekrasova, 2005. – 324s.
4. Subetto A.I. Ehpoha Velikogo EEvolyucionnogo Pereloma. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2007. – 88s.
5. Subetto A.I. Rossii nuzhna strategiya dolgosrochnogo razvitiya na sobstvennoj osnove. – SPb. – Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2008. – 31s.
6. Subetto A.I. Bitva za Rossiyu: 1993 – 2008gg. – SPb. – Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2009. – 420s.
7. Subetto A.I. Sistemnyj analiz sovremennogo obshchestva (Nauchnyj doklad) – SPb.: Izd-vo «Asterion», KGU im. N.A. Nekrasova, 2004. – 88s.

8. *Subetto A.I.* Ноосферизм как новая научно-мировоззренческая система, идеология XXI века и будущее, спасающее человечество от экологической гибели // В колл. мон. «Основы стратегии формирования жизненных сил общества ноосферной цивилизации управляемой социоприродной эволюции» / Под ред. С.И. Григорьева. М.: РУСАКИ, 2010. 292 с.; с 65–82.
9. *Subetto A.I.* Эпоха Краха рынка, капитализма и либерализма: ноосферно-социалистический прорыв или экологическая гибель человечества? СПб. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. 44 с.
10. *Subetto A.I., Gorbunov A.A.* Ноосферный формат устойчивого инновационного развития России в XXI веке. СПб. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, Астерион, 2010. 32 с.
11. *Subetto A.I.* Ноосферный прорыв в Будущее России в XXI веке. СПб.: Астерион, 2010. 554 с. (Изд. при финанс. РГНФ).
12. *Subetto A.I.* Манифест ноосферного социализма. СПб. Кострома: Астерион, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. 108 с.
13. *Subetto A.I.* Космоноосферная парадигма философии хозяйства в контексте «метафизического коммунизма мироздания» С.Н. Булгакова // В колл. мон. «Ренессанс философии хозяйства» / Под ред. Ю.М. Осипова и Е.С. Зотовой. М.: ТЕИС, 2011. 448 с.; с. 101–108.
14. *Subetto A.I.* Ноосферная научная школа: итоги и перспективы / Под науч. ред. д.ф.н., проф. Л.А. Зеленова. СПб.: Астерион, 2012. 76 с.
15. *Subetto A.I.* Рыночный геноцид России и стратегия выхода из исторического тупика / Под науч. ред. д.ф.н., проф. Л.А. Зеленова. СПб.: Астерион, 2013. 128 с.
16. *Subetto A.I.* Меморандум стратегии развития России в XXI веке. СПб.: Астерион, 2014. 40 с.
17. *Subetto A.I.* Законы социально-экономического развития России (в контексте закона гетерогенности мировой экономики). Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2014. 112 с.
18. *Subetto A.I.* Управляющий разум и новая парадигма науки об управлении (в контексте ноосферного императива XXI века) / Под науч. ред. д.т.н., д.п.н., д.п.н., проф. В.В. Лукоянова. СПб.: Астерион, 2015. 52 с.
19. *Subetto A.I.* Глобальная патология и глобальное здоровье в контексте императива ноосферной гармонии / Под науч. ред. д.п.н., к.б.н., проф. Н.П. Фетискина. СПб.: Астерион, 2014. 114 с.
20. *Subetto A.I.* Вернадскианская революция как научно-методологическая основа формирования ноосферного общества / Под науч. ред. Засл. деят. науки РФ, д.э.н., проф. В.Н. Бобкова. СПб.: Астерион, 2013. 56 с.
21. *Subetto A.I.* Ноосферно-Космическая Гармония / Под науч. ред. д.п.н., д.т.н., д.п.н., проф. В.В. Лукоянова, 2014. 20 с.
22. *Subetto A.I.* Научно-образовательное общество как основа стратегии развития России в XXI веке / Под науч. ред. д.п.н., д.т.н., д.п.н., проф. В.В. Лукоянова. СПб.: Астерион, 2015. 190 с.
23. *Subetto A.I.* От учения Карла Маркса – к Ноосферизму XXI века: монография / Под науч. ред. д.ф.н., проф. А.В. Воронцова. СПб.: Астерион, 2017. 132 с.
24. *Subetto A.I., Gorbunov A.A.* Ноосферная экология: основы становления / Под науч. ред. д.э.н., проф. Засл. деят. науки РФ В.Н. Бобкова. СПб.: Астерион, 2017. 48 с.
25. *Subetto A.I.* Жизнь как единство творчества, здоровья и гармонии человека и общества: монография / Под науч. ред. д.э.н., проф. В.Т. Пуляева. Кострома: НОУ ВПДО «АСППАМ», 2013. 254 с.
26. *Subetto A.I.* Качество жизни: грани проблемы. СПб. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004. 170 с.
27. *Subetto A.I.* Теория качества жизни: монография / Под науч. ред. д.э.н., проф., Засл. раб-ка высшей школы РФ, Засл. строителя РФ А.А. Горбунова. СПб.: Астерион, 2017. 280 с.
8. *Subetto A.I.* Noosferizm kak novaya nauchno-mirovozzrencheskaya sistema, ideologiya XXI veka i budushchee, spasayushchee chelovechestvo ot ehkologicheskoy gibeli // V koll. mon. «Osnovy strategii formirovaniya zhiznennyh sil obshchestva noosfernoj civilizacii upravlyaemoy socioprirodnoj ehvolucii» / Pod red. S.I. Grigor'eva. – M.: RUSAKI, 2010. – 292s.; s 65–82.
9. *Subetto A.I.* Ehpoha Kraha rynka, kapitalizma i liberalizma: noosferno-socialisticheskij proryv ili ehkologicheskaya gibel' chelovechestva? – SPb. – Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2010. – 44s.
10. *Subetto A.I., Gorbunov A.A.* Noosfernyj format ustojchivogo innovacinnogo razvitiya Rossii v XXI veke. – SPb. – Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, Asterion, 2010. – 32s.
11. *Subetto A.I.* Noosfernyj proryv v Budushchee Rossii v XXI veke. – SPb.: Asterion, 2010. – 554s. (Izd. pri finans. RGNF).
12. *Subetto A.I.* Manifest noosfernogo socializma – SPb. – Kostroma: Asterion, KGU im. N.A. Nekrasova, 2011. – 108s.
13. *Subetto A.I.* Kosmonoosfernaya paradigma filosofii hozyajstva v kontekste «metafizicheskogo kommunizma mirozdaniya» S.N. Bulgakova // V koll. mon. «Renessans filosofii hozyajstva» / Pod red. YU.M. Osipova i E.S. Zotovoj. – M.: TEIS, 2011. – 448s.; s. 101–108.
14. *Subetto A.I.* Noosfernaya nauchnaya shkola: itogi i perspektivy / Pod nauch. red. d.f.n., prof. L.A. Zelenova. – SPb.: Asterion, 2012. – 76s.
15. *Subetto A.I.* Rynochnyj genocid Rossii i strategiya vyhoda iz istoricheskogo tupika / Pod nauch. red. d.f.n., prof. L.A. Zelenova. – SPb.: Asterion, 2013. – 128s.
16. *Subetto A.I.* Memorandum strategii razvitiya Rossii v XXI veke. – SPb.: Asterion, 2014. – 40s.
17. *Subetto A.I.* Zakony social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Rossii (v kontekste zakona geterogennosti mirovoj ehkonomiki). – Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2014. – 112s.
18. *Subetto A.I.* Upravlyayushchij razum i novaya paradigma nauki ob upravlenii (v kontekste noosfernogo imperativa XXI veke) / Pod nauch. red. d.t.n., d.ps.n., d.p.n., prof. V.V. Lukoyanova. – SPb.: Asterion, 2015. – 52s.
19. *Subetto A.I.* Global'naya patologiya i global'noe zdorov'e v kontekste imperativa noosfernoj garmonii / Pod nauch. red. d.ps.n., k.b.n., prof. N.P.Fetiskina. – SPb.: Asterion, 2014. – 114s.
20. *Subetto A.I.* Vernadskianskaya revolyuciya kak nauchno-metodologicheskaya osnova formirovaniya noosfernogo obshchestva / Pod nauch. red. Zasl. deyat. nauki RF, d.eh.n., prof. V.N. Bobkova. – SPb.: Asterion, 2013. – 56s.
21. *Subetto A.I.* Noosferno-Kosmicheskaya Garmoniya / Pod nauch. red. d.ps.n., d.t.n., d.p.n., prof. V.V. Lukoyanova, 2014. – 20s.
22. *Subetto A.I.* Nauchno-obrazovatel'noe obshchestvo kak osnova strategii razvitiya Rossii v XXI veke / Pod nauch. red. d.ps.n., d.t.n., d.p.n., prof. V.V. Lukoyanova. – SPb.: Asterion, 2015. – 190s.
23. *Subetto A.I.* Ot ucheniya Karla Marksa – k Noosferizmu XXI veka: monografiya / Pod nauch. red. d.f.n., prof. A.V. Voroncova. – SPb.: Asterion, 2017. – 132s.
24. *Subetto A.I., Gorbunov A.A.* Noosfernaya ehkologiya: osnovy stanovleniya / Pod nauch. red. d.eh.n., prof. Zasl. deyat. nauki RF V.N. Bobkova. – SPb.: Asterion, 2017. – 48s.
25. *Subetto A.I.* ZHizn' kak edinstvo tvorchestva, zdorov'ya i garmonii cheloveka i obshchestva: monografiya / Pod nauch. red. d.eh.n., prof. V.T. Pulyaeva. – Kostroma: NOU VPDO «ASPPAM», 2013. – 254s.
26. *Subetto A.I.* Kachestvo zhizni: grani problemy. – SPb. – Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2004. – 170s.
27. *Subetto A.I.* Teoriya kachestva zhizni: monografiya / Pod nauch. red. d.eh.n., prof., Zasl. rab-ka vysshej shkoly RF, Zasl. stroitelya RF A.A. Gorbunova. – SPb.: Asterion, 2017. – 280s.
28. *Subetto A.I.* Prosveshchennyj liberalizm ili kapitalokratiya nad «mertvymi dushami» Rossii. – SPb.: Asterion, 2004. – 20s.
29. *Subetto A.I.* Russkaya nauka: ot proshlogo – k noosfernoj otvetstvennosti za budushchee Rossii i chelovechestva: monografiya / Pod nauch. red. Prezidenta Petrovskoj akademii nauk

28. Субетто А.И. Просвещенный либерализм или капиталократия над «мертвыми душами» России. СПб.: Астерион, 2004. 20 с.
29. Субетто А.И. Русская наука: от прошлого – к нооферной ответственности за будущее России и человечества: монография / Под науч. ред. Президента Петровской академии наук и искусств, д.ф.н., проф. А.В. Воронцова. СПб.: Астерион, 2018. 200 с.
30. Римашиевская Н.М. Сбережение народа – стратегический императив России // В кн.: Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Рук. Междисциплинар. проекта и науч. ред. О.Т. Богомолов; зам. рук. Междисциплинар. проекта Б.Н. Кузык. М.: Ин-т экономических стратегий, 2010. 800 с.; с. 642–667.
31. Лиханов А.А. Что обещает детство? // В кн.: Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Рук. Междисциплинар. проекта и науч. ред. О.Т. Богомолов; зам. рук. Междисциплинар. проекта Б.Н. Кузык. М.: Ин-т экономических стратегий, 2010. 800 с.; с. 668–689.
32. Гундаров И.А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. М.: Центр творчества «Беловодье», 2001. 352 с.
33. Бондарев А.С., Жуляй В.Я. От производства вещей – к «производству человека». М.: Мысль, 141 с.
34. Казначеев В.П. Здоровье нации. Просвещение. Образование / Предислов. А.И. Субетто. М., Кострома: Исследоват. центр проблем кач-ва под-ки спец-ов, КГПУ, 1996. 248 с. (Предисл. А.И. Субетто. С. 4–21).
35. Казначеев В.П., Акулов А.И., Кисельников А.А., Мингазов И.Ф. Выживание населения России. Проблемы «Сфинкса XXI века». 2-е изд., перераб. и доп. / Под науч. ред. академика В.П. Казначеева. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 2002. 463 с.
36. Казначеев В.П. Думы о будущем. Рукописи из стола. Новосибирск: Издатель, 2004. 208 с.
37. Савельев Ю.П. Реальная экономика советской и современной России (Аналитический справочник: Советские цифры против современных мифов) / 3-е изд., перераб. и доп. СПб., 2017. 326 с.
38. Пределы капитализма и прорывы социализма. Матер. Форума марксистов 19 декабря 2015 года / Под ред. А.А. Ковалева. М.: Изд-во ИТРК, 2016. 208 с.
39. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: АГРАФ, 1998. 489 с.
40. Кибернетика и ноосфера. М.: Наука, 1986. 160 с.
41. Никитенко П.Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития. Минск: Белорус. Наука, 2006. 479 с.
42. Режабек Б.Г. Учение о ноосфере для широкого круга читателей. М.: ИНРИ, 2015. 96 с.
43. Казанский А.Б. Биосфера как аутопоэтическая система: биосферный бутстрап, биосферный иммунитет и человеческое общество // Экогеософский альманах. 2003. №3. с. 2–43.
44. Моисеев Н.Н. Агония России: есть ли у неё будущее. Попытка системного анализа проблемы выбора. М.: ЭКО-ПРЕСС – «ЗМ», 1996. 78 с.
45. Горский Ю., Лавшук В. Жизнь или смерть цивилизации: модель, прогноз, роль интеллекта и информации. Иркутск: Центр стратегических исследований МАИ, 1994. 31 с.
46. От закона стоимости – к закону потребительной стоимости / Э. Беллу, В.Н. Волович, В.Я. Ельмеев, Г.П. Заброва, М.В. Попов. СПб.: Изд-во Фонда Рабочей Академии и ООО «Творческий центр «Победа», 2003. 176 с.
47. Кара-Мурза С. Манипуляции продолжаются. Стратегия разрухи. М.: Алгоритм, 2011. 352 с.
48. Шамир И. Каббала власти. М.: Алгоритм, 2008. 544 с.
49. Сагатовский В.Н. Есть ли выход у человечества? (Критика образа жизни). СПб.: ООО «Изд-во «Петрополис», 2000. 148с.
- и искусств, д.ф.н., проф. А.В. Воронцова. – СПб.: Asterion, 2018. – 200с.
30. Rimashevskaya N.M. Sberazhenie naroda – strategicheskij imperativ Rossii // V kn.: Neekonomicheskie grani ehkonomiki: nepoznannoe vzaimovliyanie. Nauchnye i publicisticheskie zametki obshchestvovedov / Ruk. Mezhdiscip. proekta i nauch. red. O.T. Bogomolov; zam. ruk. Mezhdiscip. proekta B.N. Kuzyk. – M.: In-t ehkonomicheskikh strategij, 2010. – 800s.; s. 642–667.
31. Lihanov A.A. Chto obeshchaet detstvo? // V kn.: Neoehkonomicheskie grani ehkonomiki: nepoznannoe vzaimovliyanie. Nauchnye i publicisticheskie zametki obshchestvovedov/ Ruk. Mezhdiscip. proekta i nauch. red. O.T. Bogomolov; zam. ruk. Mezhdiscip. proekta B.N. Kuzyk. – M.: In-t ehkonomicheskikh strategij, 2010. – 800s.; s. 668–689.
32. Gundarov I.A. Probuzhdenie: puti preodoleniya demograficheskoy katastrofy v Rossii – M.: Centr tvorchestva «Belovod'e», 2001. – 352s.
33. Bondarev A.S., Zhulyaj V.YA. Ot proizvodstva veshchey – k «proizvodstvu cheloveka». – M.: Mysl'. – 141s.
34. Kaznacheev V.P. Zdorov'e natsii. Prosveshchenie. Obrazovanie / Predislov. – A.I.Subetto. – M. – Kostroma: Issledovat. centr problem kach-va pod-ki spec-ov, KGPU, 1996. – 248s. (Predisl. A.I. Subetto – s. 4–21).
35. Kaznacheev V.P., Akulov A.I., Kisel'nikov A.A., Mingazov I.F. Vyzhivanie naseleniya Rossii. Problemy «Sfinksa XXI veka». 2-e izd., pererab. i dop. / Pod nauch. red. akademiika V.P. Kaznacheeva. – Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta, 2002. – 463s.
36. Kaznacheev V.P. Dumy o budushchem. Rukopisi iz stola. – Novosibirsk: Izdatel', 2004. – 208s.
37. Savel'ev YU.P. Real'naya ehkonomika sovetskoj i sovremennoj Rossii (Analiticheskij spravochnik: Sovetskie cifry protiv sovremennyh mifov) / 3-e izd., pererab. i dop. – SPb., 2017. – 326s.
38. Predely kapitalizma i proryvy socializma. Mater. Forumamarksisov 19 dekabrya 2015 goda / Pod red. A.A. Kovaleva. – M.: Izd-vo ITRK, 2016. – 208s.
39. Moiseev N.N. Rasstavanie s prostotoj. – M.: AGRAF, 1998. – 489s.
40. Kibernetika i noosfera. – M.: Nauka, 1986. – 160s.
41. Nikitenko P.G. Noosfernaya ehkonomika i social'naya politika: strategiya innovacionnogo razvitiya. – Minsk: Belarus. Nauka, 2006. – 479s.
42. Rezhabeck B.G. Uchenie o noosfere dlya shirokogo kruga chitatelej. – M.: INRI, 2015. – 96s.
43. Kazanskiy A.B. Biosfera kak avtopoeticheskaya sistema: biosfernyj butstrap, biosfernyj immunitet i chelovecheskoe obshchestvo// EHkogeosofskij al'manah. – 2003. - №3. – s. 2–43.
44. Moiseev N.N. Agoniya Rossii: est' li u neyo budushchee. Popytka sistemnogo analiza problemy vybora. – M.: EHKO-PRESS – «ZM», 1996. – 78s.
45. Gorskiy YU., Lavshuk V. ZHizn' ili smert' civilizacii: model', prognoz, rol' intellekta i informacii. – Irkutsk: Centr strategicheskikh issledovanij MAI, 1994. – 31s.
46. Ot zakona stoimosti – k zakonu potrebitel'noj stoimosti / EH. Bellu, V.N. Volovich, V.YA. El'meev, G.P. Zabrova, M.V. Popov. – SPb.: Izd-vo Fonda Rabochej Akademii i OOO «Tvorcheskij centr «Pobeda», 2003. – 176s.
47. Kara-Murza S. Manipulyacii prodolzhayutsya. Strategiya razruhi. – M.: Algoritm, 2011. – 352s.
48. SHamir I. Kabbala vlasti. – M.: Algoritm, 2008. – 544s.
49. Sagatovskij V.N. Est' li vyhod u chelovechestva? (Kritika obraza zhizni). – SPb.: OOO «Izd-vo «Petropolis», 2000. – 148s.
50. Sagatovskij V.N. Filosofiya razvivayushchejsya garmonii. Filosofskie osnovy mirovozzreniya. CHast' III. Antropologiya (CHelovek i Mir: ukorenena li Vselennaya v cheloveke?). Zaklyuchenie: Mirovozzrenie dlya XXI stoletiya? – SPb.: OOO «Petropolis», 1999. – 288s.
51. CHetverikova O.N. Diktatura «prosveshchennyh». Duh i celi transgumanizma. – M.: Blagoslovenie, Tekhinvest, 2016. – 160s.

50. Сагаатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии. Философские основы мировоззрения. Часть III. Антропология (Человек и Мир: укоренена ли Вселенная в человеке?). Заключение: Мировоззрение для XXI столетия? СПб.: ООО «Петрополис», 1999. 288 с.
51. Четверикова О.Н. Диктатура «просвещенных». Дух и цели трансгуманизма. М.: Благословение, Техинвест, 2016. 160 с.
52. Четвериков О.Н. Разрушение будущего. Кто и как уничтожает суверенное образование в России. М., 2015. 128 с.
53. Потапов А.И., Воробьев В.Н., Карлин Л.Н., Музалевский А.А. Мониторинг, контроль, управление качеством окружающей среды. Часть 3. Оценка и управление качеством окружающей среды. СПб.: РГГМУ, 2005. 600 с.
54. Величко М.В., Ефимов В.В., Иманов Г.М. Экономика и ноосфера. Научно-мировоззренческие основы государственного управления в условиях глобализации. Ноосферный (этико-экологический) подход. СПб.: АНО ВПО «Смольный институт РАО», Изд-во МФИН, 2012. 168 с.
55. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Издат. корпорация «Логос», 1998. 392 с.
56. Субетто А.И. Дилемма глобализации: капиталистическая гибель или прорыв к ноосферному, духовному, экологическому социализму / В колл. мон.: «Экономическая теория на пороге XXI века – 7. Глобальная экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, С.Н. Бабурина, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. М.: Юрист, 2003. 992 с.; с. 123–135.
57. Винокуров И.Ю. Эволюция почвенных экосистем. Химическое загрязнение. Саморегуляция. Самоорганизация. Устойчивость. М.: Юркнига, 2007. 320 с.
58. Ивашов Л. Я горд, что я русский генерал (Серия «Служить России»). М.: Книжный мир, 2013. 415 с.
59. Малинецкий Г.Г. Материалы первого междисциплинарного семинара памяти С.П. Курдюмова. Тверь, 2005.
60. Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего сферы труда: Монография / Гл. науч. ред. д.э.н., проф. В.Н. Бобков. ред. колл.: Алексименко О.Н., Квачев В.Г., Колмаков И.Б., Локтюхина Н.В., Мешков В.Р., Новикова И.В., Одегов Ю.Г., Одинцова Е.В., Павлова В.В., Шичкин И.А. М.: Изд-во РеалПринт, 2017. 560 с.
61. Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2016. т. 11. Часть I. 452 с.
62. Субетто А.И. Ноосферная идеология XXI века – продукт Эпохи Русского Возрождения и основа здоровья русского народа, российской нации и человечества // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2016. т.11. Часть I. 452 с.; с. 25–32.
63. Субетто А.И. Качество непрерывного образования в Российской Федерации: состояние, тенденции, проблемы, прогнозы (опыт мониторинга). Изд. 2-е, испр. СПб.: Астерион, 2016. 386 с.
64. Субетто А.И. Капиталократия (философско-экономические очерки). Избранное, статьи и интервью. СПб.: ПАНИ, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2000. 234 с.
65. Григорьев С.И., Субетто А.И. Основы неклассической социологии (Новые тенденции развития культуры социологического мышления на рубеже XX–XXI веков). Барнаул: Изд-во АРНУ СО РАО, 2000. 183 с.; 2-е изд.: М.: РУСАКИ, 2000. 208 с.
66. Субетто А.И. Капиталократия и глобальный империализм: антология. СПб.: Астерион, 2009. 572 с.
67. Гринберг Р.С. Экономика мира и России: тренды, шансы и риски // Производство, наука и образование России / Сборник материалов III Международного Конгресса (ПИО – III) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. М.: Культурная революция, 2017. 880 с.; с. 48–57.
68. Коммонер Б. Замыкающийся круг. Д.: Гидрометеиздат, 1974. 280с.
52. CHetverikov O.N. Razrushenie budushchego. Kto i kak unichtozhaet suverennoe obrazovanie v Rossii. – M.: 2015. – 128s.
53. Potapov A.I., Vorob'ev V.N., Karlin L.N., Muzalevskij A.A. Monitoring, kontrol', upravlenie kachestvom okruzhayushchej sredy. CHast' 3. Ocenka i upravlenie kachestvom okruzhayushchej sredy. – SPb.: RGGMU, 2005. – 600s.
54. Velichko M.V., Efimov V.V., Imanov G.M. EHkonomika i noosfera. Nauchno-mirovozzrencheskie osnovy gosudarstvennogo upravleniya v usloviyah globalizacii. Noosfernyj (eh-tiko-ehkologicheskij) podhod. – SPb.: ANO VPO «Smol'nyj institut RAO», Izd-vo MFIN, 2012. – 168s.
55. Panarin A.S. Revansh istorii: rossijskaya strategicheskaya iniciativa v XXI veke. – M.: Izdat. korporaciya «Logos», 1998. – 392s.
56. Subetto A.I. Dilemma globalizacii: kapitalisticheskaya gibel' ili proryv k noosfernomu, duhovnomu, ehkologicheskomu socializmu / V koll. mon.: «EHkonomicheskaya teoriya na poroge XXI veka – 7. Global'naya ehkonomika / Pod red. YU.M. Osipova, S.N. Baburina, V.G. Belolipeckogo, E.S. Zotovoj. – M.: YUrist', 2003. – 992s.; s. 123–135.
57. Vinokurov I.YU. EHvolyuciya pochvennyh ehkositsem. Himicheskoe zagryaznenie. Samoreguljaciya. Samoorganizaciya. Ustojchivost'. – M.: YUrkniga, 2007. – 320s.
58. Ivashov L. YA gord, chto ya russkij general (Seriya «Sluzhit' Rossii»). – M.: Knizhnyj mir, 2013. – 415s.
59. Malineckij G.G. Materialy pervogo mezhdisciplinarnogo seminaru pamyati S.P. Kurdyumova. – Tver', 2005.
60. Neustojchivost' zanyatosti: mezhdunarodnyj i rossijskij konteksty budushchego sfery truda: Monografiya / Gl. nauch. red. d.eh.n., prof. V.N. Bobkov. red. koll.: Alekhimenko O.N., Kvachev V.G., Kolmakov I.B., Loktyuhina N.V., Meshkov V.R., Novikova I.V., Odegov YU.G., Odincova E.V., Pavlova V.V., SHichkin I.A. – M.: Izd-vo RealPrint, 2017. – 560s.
61. Zdorove – osnova chelovecheskogo potenciala: problemy i puti ih resheniya. – 2016. – t. 11. – CHast' I. – 452s.
62. Subetto A.I. Noosfernaya ideologiya XXI veka – produkt EHphoi Russkogo Vozrozhdeniya i osnova zdorov'ya russkogo naroda, rossijskoj nacii i chelovechestva // Zdorove – osnova chelovecheskogo potenciala: problemy i puti ih resheniya. – 2016. – t.11. – CHast' I. – 452s.; s. 25–32.
63. Subetto A.I. Kachestvo nepreryvnogo obrazovaniya v Rossijskoj Federacii: sostoyanie, tendencii, problemy, prognozy (opyt monitoringa). Izd. 2-e, ispr. – SPb.: Asterion, 2016. – 386s.
64. Subetto A.I. Kapitalokratiya (filosofsko-ehkonomicheskie ocherki). Izbrannoe, stat'i i interv'yuu. – SPb.: PANI, KGU im. N.A. Nekrasova, 2000. – 234s.
65. Grigor'ev S.I., Subetto A.I. Osnovy neklassicheskoy sociologii (Novye tendencii razvitiya kul'tury sociologicheskogo myshleniya na rubezhe HKH – XXI vekov). – Barnaul: Izd-vo ARNU SO RAO, 2000. – 183s.; 2-e izd.: M.: RUSAKI, 2000. – 208s.
66. Subetto A.I. Kapitalokratiya i global'nyj imperializm: antologiya. – SPb.: Asterion, 2009. – 572s.
67. Grinberg R.S. EHkonomika mira i Rossii: trendy, shansy i riski // Proizvodstvo, nauka i obrazovanie Rossii/ Sbornik materialov III Mezhdunarodnogo Kongressa (PIO – III) / Pod obshch. red. S.D. Bodrunova. – SPb.: INIR im. S.YU.Vitte. – M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2017. – 880s.; s. 48–57.
68. Kommoner B. Zamykayushchij krug. – D.: Gidrometeoizdat, 1974. – 280s.
69. Goodland R., Daly N., El Serafy S. (Eds.). Environmental Sustainable Economic Development. Building on Brundtland. Washington DC: World Bank, 1991.
70. Zubakov B.A. EHndoehkologicheskoe otravlenie i ehvolyuciya: strategiya vyzhivaniya (K sammitu OON «Rio+10»). – SPb.: Fond razvitiya Rossii, Mezhdunarodnyj Zelenyj krest, 2002. – 85s.
71. Hyosle V. Filosofiya i ehkologiya. – M.: Kami, 1994. – 188s.
72. Medouz D.K., Medouz D.L., Randers I. Za predelami rosta. – M.: Pangeya, 1994. – 304s.
73. Fedotov A.P. Globalistika. Nachala nauki o sovremennom mire. Kurs lekcij. 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Aspekt, Press, 2002. – 224s.

69. Goodland R., Daly H., El Serafy S. (Eds.). Environmental Sustainable Economic Development. Building on Brundtland. Washington DC: World Bank, 1991.
70. Зубаков В.А. Эндоекологическое отравление и эволюция: стратегия выживания (К саммиту ООН «Рио+10»). СПб.: Фонд развития России, Международный Зеленый крест, 2002. 85 с.
71. Хёсле В. Философия и экология. М.: Камі, 1994. 188 с.
72. Медоуз Д.К., Медоуз Д.Л., Рандерс И. За пределами роста. М.: Пангея, 1994. 304 с.
73. Федотов А.П. Глобалистика. Начала науки о современном мире. Курс лекций. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект, Пресс, 2002. 224 с.
74. Левин Ю.М. Эндоекологическая медицина и эпицентральная терапия. М.: 2000. 344 с.
75. Левин Ю.М. Хочешь жить? Сумей выжить. М., 2001. 120 с.
76. Субетто А.И. Исповедь последнего человека (предупреждение из Будущего). Избранное (за 2011 год). СПб.: Астерион, Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. 354 с.
77. Реймерс Н.Ф. Надежды на выживание человечества: Концептуальная экология. М.: ИЦ «Россия Молодая» – Экология, 1992. 367 с.
78. Бердяев Н.А. Русская идея, основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века. Судьба России. М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. 541 с.
79. Лукьянчиков Н.Н. Как избежать заката человечества. М.: Изд-во «Авторская книга», 2016. 112 с.
80. Львов Д.С. Будущее России: гражданский манифест. М.: Экономика, 2003. 68 с.
81. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990. 412 с.
82. Субетто А.И. Идеология XXI века / Под науч. ред. д.ф.н., д.пс.н., д.п.н., проф. В.В. Лукоянова. СПб.: Астерион, 2014. 92 с.
83. Субетто А.И. Революция и эволюция (методологический анализ проблемы их соотношения): научно-философский очерк / Под науч. ред. д.ф.н., проф. Л.А. Зеленова. СПб.: Астерион, 2015. 76 с.
84. Лебедев С.В., Лебедев Г.Н. Политические идеологии: монография. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. 104 с.
85. Русский универсум в условиях глобализации: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (26–28 октября 2016 г.) / Науч. ред. Е.В. Валева, отв. ред. С.В. Напалков; Арзамаский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». Саров: Интерконтакт, 2016. 461 с.
86. Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (25–27 октября 2017 г.) / Науч. ред. Е.В. Валева, С.В. Напалков; отв. ред. С.В. Напалков; Арзамаский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». Саров: Интерконтакт, 2017. 394 с.
87. Субетто А.И. Российская цивилизация: стратегия прорыва / В кн.: Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (25–27 октября 2017 г.) / Науч. ред. Е.В. Валева, С.В. Напалков; отв. ред. С.В. Напалков; Арзамаский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». Саров: Интерконтакт, 2017. 394 с.; с. 7–11.
88. Комаров В.Г. Правда: онтологическое основание социального разума / Под науч. ред. д.ф.н., д.э.н., проф. В.Я. Ельмеева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 2001. 556 с.
89. Субетто А.И. Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие (интегративный синтез). М.: Исследовательский центр проблем кач-ва под-ки спец-ов, 1994. 168 с.
90. Субетто А.И. Роды Действительного Разума / Под науч. ред. д.ф.н., проф. Л.А. Зеленова. СПб.: Астерион, 2015. 200 с.
91. Субетто А.И. Мегакосмическая проскопия Разума (общественного интеллекта) Человечества: монография /
74. Levin YU.M. EHndoehologicheskaya medicina i ehpicentral'naya terapiya. – M.: 2000. – 344s.
75. Levin YU.M. Hochesh' zhit'? Sumej vyzhit'. – M., 2001. – 120s.
76. Subetto A.I. Ispoved' poslednego cheloveka (preduprezhdenie iz Budushchego). Izbrannoe (za 2011 god). – SPb.: Asterion, Izd-vo KGU im. N.A. Nekrasova, 2011. – 354s.
77. Rejmers N.F. Nadezhdy na vyzhivanie chelovechestva: Konceptual'naya ehkologiya. – M.: IC «Rossiya Molodaya» – EHkologiya, 1992. – 367s.
78. Berdyayev N.A. Russkaya ideya, osnovnye problemy russkoj mysli XIX i nachala XX veka. Sud'ba Rossii. – M.: ZAO «Svarog i K», 1997. – 541s.
79. Luk'yanchikov N.N. Kak izbezhat' zakata chelovechestva. – M.: Izd-vo «Avtorskaya kniga», 2016. – 112s.
80. Lvov D.S. Budushchee Rossii: grazhdanskij manifest. – M.: «EHkonomika», 2003. – 68s.
81. Bulgakov S.N. Filosofiya hozyajstva. – M.: Nauka, 1990. – 412s.
82. Subetto A.I. Ideologiya XXI veka / Pod nauch. red. d.f.n., d.ps.n., d.p.n., prof. V.V. Lukoyanova. – SPb.: Asterion, 2014. – 92s.
83. Subetto A.I. Revolyuciya i ehvolyuciya (metodologicheskij analiz problemy ih sootnosheniya): nauchno-filosofskij ocherk / Pod nauch. red. d.f.n., prof. L.A. Zelenova. – SPb.: Asterion, 2015. – 76s.
84. Lebedev S.V., Lebedev G.N. Politicheskie ideologii: monografiya. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2008. – 104s.
85. Russkij universum v usloviyah globalizacii: sbornik statej uchastnikov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (26–28 oktyabrya 2016 g.) / Nauch. red. E.V. Valeeva, otv. red. S.V. Napalkov; Arzamaskij filial NNGU; Fond «Russkij mir». – Sarov: Interkontakt, 2016. – 461s.
86. Edinaya rossijskaya naciya: problemy formirovaniya eyo identichnosti: sbornik statej uchastnikov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (25–27 oktyabrya 2017 g.) / Nauch. red. E.V. Valeeva, S.V. Napalkov; otv. red. S.V. Napalkov; Arzamaskij filial NNGU; Fond «Russkij mir». Sarov: Interkontakt, 2017. – 394s.
87. Subetto A.I. Rossijskaya civilizaciya: strategiya proryva / V kn.: Edinaya rossijskaya naciya: problemy formirovaniya eyo identichnosti: sbornik statej uchastnikov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (25–27 oktyabrya 2017 g.) / Nauch. red. E.V. Valeeva, S.V. Napalkov; otv. red. S.V. Napalkov; Arzamaskij filial NNGU; Fond «Russkij mir». – Sarov: Interkontakt, 2017. – 394s.; s. 7–11.
88. Komarov V.G. Pravda: ontologicheskoe osnovanie social'nogo razuma / Pod nauch. red. d.f.n., d.eh.n., prof. V.YA.El'meeva. – SPb.: Izd-vo S.-Peterburg. Un-ta, 2001. – 556s.
89. Subetto A.I. Sociogenetika: sistemogenetika, obshchestvennyj intellekt, obrazovatel'naya genetika i mirovoe razvitie (integrativnyj sintez). – M.: Issledovatel'skij centr problem kach-va pod-ki spec-ov, 1994. – 168s.
90. Subetto A.I. Rody Dejstvitel'nogo Razuma / Pod nauch. red. d.f.n., prof. L.A. Zelenova. – SPb.: Asterion, 2015. – 200s.
91. Subetto A.I. Megakosmicheskaya proskopiya Razuma (obshchestvennogo intellekta) CHelovechestva: monografiya /
92. Subetto A.I. Gryadushchij noosfernyj sintez nauki i vlasti (vosem' polozhenij-teorem) / Pod nauch. red. d.f.n., prof. L.A. Zelenova. – SPb.: Asterion, 2016. – 44s.
93. Spir F. Bol'shaya istoriya: ehnergiya, ehntropiya i ehvolyuciya slozhnosti // EHvolyuciya: aspekty sovremennogo ehvolyucionizma / Otv. red. L.B. Grinin, A.V. Korataev, A.V. Markov. – M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2012. – 288s.; s. 86–129.
94. Subetto A.I., SHanti D.P., Lukoyanov V.V. Noosferizm – novaya obobshchayushchaya nauchnaya ideya i novaya paradigma istorii chelovechestva: nauchnyj doklad na IX Vsemirnom Nauchnom Kongresse (Rossiya – SHri-Lanka – Velikobritaniya) / Pod nauch. red. d.eh.n., prof. A.A. Gorbunova. – SPb.: Asterion, 2017. – 100s.

- Под науч. ред. д.т.н., д.пс.н., д.п.н., проф. В.В. Лукоянова. СПб.: Астерион, 2014. 218 с.
92. *Субетто А.И.* Грядущий ноосферный синтез науки и власти (восемь положений-теорем) / Под науч. ред. д.ф.н., проф. Л.А. Зеленова. СПб.: Астерион, 2016. 44 с.
93. *Стир Ф.* Большая история: энергия, энтропия и эволюция сложности // Эволюция: аспекты современного эволюционизма / Отв. ред. Л.Б. Гринин, А.В. Коратаев, А.В. Марков. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 288 с.; с. 86–129.
94. *Субетто А.И., Шанти Д.П., Лукоянов В.В.* Ноосферизм – новая обобщающая научная идея и новая парадигма истории человечества: научный доклад на IX Всемирном Научном Конгрессе (Россия – Шри-Ланка – Великобритания) / Под науч. ред. д.э.н., проф. А.А. Горбунова. СПб.: Астерион, 2017. 100 с.
95. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
96. *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
97. *Субетто А.И.* Зов Будущего: мир, человечество и Россия на пути к ноосферной гармонии. СПб.: Астерион, 2014. 634 с.
98. *Субетто А.И.* Оперезающее развитие человека, качества общественных педагогических систем и качества общественного интеллекта – социалистический императив. М.: Исследоват. центр Госкомвуза СССР, 1990. 84 с.
99. *Субетто А.И.* Общественный интеллект: социогенетические механизмы развития и выживания (философско-методологические основания и начала теории общественного интеллекта) / Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора философских наук, спец. 09.00.11 – социальная философия. Н.-Новгород: НГАСА, 1995. 54 с.
100. *Субетто А.И.* XXI век – Великий Эволюционный Перелом: вектор ноосферно-социалистических преобразований основ глобальной экономики // Проблемы конфигурации глобальной экономики XXI века: идея социально-экономического прогресса и возможные интерпретации. Сборник научных статей. Тем первый / Под ред. д.э.н., проф. М.А. Альпидовской и д.э.н., проф. С.А. Толкачева. Краснодар: 2018. 440 с.; с. 67–74.
101. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности: Пер. / Авт. вступ. ст. П.С. Гуревич. М.: Республика, 1994. 447 с.
102. Трудовые мигранты в российском селе (монография) / Под ред. проф. П.П. Великого. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2015. 293с.
103. Вишневое исчадие (64 человека сожжены в Кемеровском торговом центре) // «Советская Россия». 2018. №31(14563). 27 марта. с.1.
104. Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., 1994.
95. *Vernadskij V.I.* Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie. – М.: Nauka, 1991. – 271s.
96. *Vernadskij V.I.* Filosofskie mysli naturalista – М.: Nauka, 1988. – 520s.
97. *Subetto A.I.* Zov Budushchego: mir, chelovechestvo i Rossiya na puti k noosfernoj garmonii. – SPb.: Asterion, 2014. – 634s.
98. *Subetto A.I.* Operezhayushchee razvitie cheloveka, kachestva obshchestvennyh pedagogicheskikh sistem i kachestva obshchestvennogo intellekta – socialisticheskij imperativ. – М.: Issledovat. centr Goskomvuza SSSR, 1990. – 84s.
99. *Subetto A.I.* Obshchestvennyj intellekt: sociogeneticheskie mekhanizmy razvitiya i vyzhivaniya (filosofsko-metodologicheskie osnovaniya i nachala teorii obshchestvennogo intellekta) / Dissertaciya v vide nauchnogo doklada na soiskanie uchenoj stepeni doktora filosofskih nauk, spec. 09.00.11 – social'naya filosofiya. – N.-Novgorod: NGASA, 1995. – 54s.
100. *Subetto A.I.* XXI vek – Velikij EHvolucionnyj Perelom: vektor noosferno-socialisticheskikh preobrazovanij osnov global'noj ehkonomiki // Problemy konfiguracii global'noj ehkonomiki XXI veka: ideya social'no-ehkonomicheskogo progressa i vozmozhnye interpretacii. Sbornik nauchnyh statej. Tem pervyj / Pod red. d.eh.n., prof. M.A. Al'pidovskoj i d.eh.n., prof. S.A. Tolkacheva. – Krasnodar: 2018. – 440s.; s. 67–74.
101. *Fromm E.H.* Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti: Per. / Avt. vstup. st. P.S. Gurevich. – М.: Respublika, 1994. – 447s.
102. *Trudovye migranty v rossijskom sele (monografiya) / Pod red. prof. P.P. Velikogo. – Saratov: Izd-vo «Saratovskij istochnik», 2015. – 293s.*
103. *Vishnevoe ischadie (64 cheloveka sozhzheny v Kemerovskom trgovom centre) // «Sovetskaya Rossiya». – 2018. – №31(14563). – 27 marta. – s.1.*
104. *Narodonaselenie. EHnciklopedicheskij slovar'. М., 1994.*

Разум в процессе интеллектуализации: современный цикл

Mind in the Process of Intellectualization: the Modern Cycle

Получено: 20.02.2018

Одобрено: 08.03.2018

Опубликовано: 14.05.2018

УДК: 13

DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10010

КОЛОМИЕЦ БОРИС КИРИЛЛОВИЧ

Кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института качества высшего образования
Email: kolombk@mail.ru

KOLOMIYETS, BK

Doctor of Engineering Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Higher Education Quality
Email: kolombk@mail.ru

Аннотация

Объект. Глобальная интеллектуализация.

Предмет. Процессы интеллектуализации.

Цель. Системный анализ и обеспечение управляемости глобальной интеллектуализации.

Основные положения статьи. Современный цикл глобальной интеллектуализации требует ее исследования, адекватного и своевременного отражения ее в системе управления ноосферой, в содержании систем деятельности и образования.

Abstract

The Object of the Study. Global Intellectualization.

The Subject of the Study. Intellectualization Processes.

The Purpose of the Study. System analysis and control of global intellectualization.

The Main Provisions of the Article. The modern cycle of global intellectualization requires its studying, adequate and timely reflecting it in the system of noosphere management, in the content of systems of activity and education.

Ключевые слова: Интеллект, интеллектуализация, информатизация, ноосфера, управление.

Keywords: intellect, intellectualization, informatization, noosphere, management.

Введение

Начавшийся с создания компьютеров в *середине XX века* принципиально новый цикл глобальной **интеллектуализации**, включающей компьютеризацию, информатизацию, создание и развитие *Интернета*, искусственных и гибридных интеллектов, виртуальных миров, вызванный непрерывным стихийным усложнением искусственного (создаваемого человечеством) и преобразованием людьми естественного миров, необходимостью нам жить в них, усиливал интеллект для сохранения управляемости на всех уровнях деятельности людей и их сообществ.

На этом цикле стихийного воспроизводства совокупного интеллекта мирового сообщества и компьютеров **интеллектуализация**, эволюционируя и набирая темпы, становится особо значимой – системообразующей для всех современных процессов глобализации. Являясь их катализатором, усложняя существующие и создавая новые проблемы, **интеллектуализация** одновременно дает и качественно новые возможности их выявления, прогноза и решения, открывая совершенно новые потенциальные горизонты для человечества, но и создавая ему все новые проблемы

и угрозы, в том числе – в геополитике. С этих позиций открывается новое видение настоящего и будущего каждого из нас и всего человечества, в зависимости от состояния ментальной /когнитивной/ и духовно-нравственной составляющих наших индивидуальных и совокупных разумов /интеллектов/, стихийного или **целенаправленного начал их дальнейшего развития** [1, 4–9].

1. Интеллектуализация и информатизация

Под интеллектуализацией, в общем случае, автор понимает формирование и развитие индивидуальных и совокупных интеллектов, их разнообразных сообществ на их различных носителях, а также их информационных и технологических взаимосвязей и обеспечения. Процессы интеллектуализации человечества имеют тысячелетнюю историю, которая требует специального исследования для осмысления, моделирования, прогноза процессов современного цикла глобальной интеллектуализации, их последствий и /в идеале/ системной инженерии ее и новых видов интеллекта и его носителей. И все это, по убеждению автора, обязательно в связи с созда-

нием и развитием мировых религий, истоки, корни которых, в первую очередь – Христианской, находятся в Интеллектуальном Космосе /или в интеллектуальной составляющей Космоса/, в его связях с материально-энергетическим Космосом, каждый из которых имеет разные интерпретации в философии, разных науках и религиях .

При этом, *Интеллект /разум/ определяется как система, обладающая способностью к осознанной (в разной степени) целенаправленной мыслительной /умственной/ деятельности (по отношению к себе и окружающему миру, другим интеллектам и их сообществам, используя результаты их деятельности и их потенциал), результатам которой он способен давать качественную /нравственную и другую/ оценку и корректировать свою деятельность на основании (в рамках) уже имеющихся у него уровня интеллекта, нравственности, свободы творчества и воли /подробно в [4]/.*

Основными составляющими и результатами интеллектуализации являются:

- обеспечение интеллекта необходимыми для интеллектуальной деятельности (ИД) качественными средствами /начиная с информации/ и технологиями;

- *формализация и последующее перераспределение отдельных операций, затем функций между людьми и компьютерами, уступая место человеко-машинным и компьютерным программам – от простых к сложным функциям интеллектуальной деятельности;*

- *творение и развитие новых для людей и их сообществ виртуальных (здесь – компьютерных) миров, осуществление интеллектуальной деятельности людей в традиционном – материальном и в компьютерном многомерных мирах;*

- наряду с существующими интеллектами – человеческими (и на их основе – разными групповыми - социальными и совокупно-общественным интеллектами – ЧИ, СИ, ОИ) создание новых видов интеллекта: гибридных (человеко-машинных) и искусственных (ГИ, ОИ) на новых носителях (наряду с биологическим – мозгом людей) – от электронных до квантовых, нано и т.д. компьютеров, аватаров и роботов в будущем [4, 5, 10];

- ускоряющийся рост количества и разнообразия искусственных и гибридных интеллектов, их эффективности; ускоряющийся рост объемов («массы») производимой совокупным интеллектом мирового сообщества (СИМ) информации /что автор определяет как рост ментальной «массы» СИМ/.

Выделение, построение и развитие графа инвариантов интеллектуальной деятельности /ИД/),

информационной, моделирования, анализа, прогноза, целеобразования, обучения, рефлексии, проектирования, планирования, принятия решений, реализации проектов и их контроль, коммуникации, кооперации и других (ИФИД) (для получения системного и специального образования и деятельности специалистов в развивающихся системах гибридных интеллектов) – *одно из системно-методологических оснований инженерии ИД, перераспределения функций между ЧИ и ИИ в пользу человека в процессе развития ГИ и для использования людьми растущих возможностей ИИ [4, 5].*

Интеллектуализация востребует и ориентирует на себя все большую часть экономики и науки: на воспроизводство и развитие разнообразных ИКТ, ГИ, ИИ и их носителей, их программного, кадрового и ресурсного обеспечения, **начиная с интеллектуализации образования.**

Первая фаза современного цикла интеллектуализации стихийно была определена как информатизация. Под информатизацией автор, с учетом имеющихся определений ее и информации [2, 3], вышеприведенным определением интеллектуализации, определениями понятия интеллекта [4, 5], понимает процессы создания, развития и внедрения информационных и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в принципе призванных обеспечить интеллектуальные субъекты – людей и их сообщества, человеко-машинные и автоматизированные компьютерные базы данных (в будущем – ИИ) более качественной (полной, достоверной, своевременной и экономичной) информацией.

Процессы интеллектуализации и информатизации взаимосвязаны, поскольку информация – «пища» интеллекта и, одновременно – один из его основных «продуктов» его деятельности. От стоимости и качества информации (ее полноты, достоверности /надежности/ и своевременности) зависит не только эффективность, но и сама возможность функционирования интеллекта [3, 4, 5]. Степень семантической и прагматической ценности конкретной информации, воспринимаются конкретными интеллектами, их сообществами по-разному, субъективно – в зависимости от развитости этих интеллектов.

Поэтому одна из основных функций различных видов интеллекта – основных потребителей и производителей информации и их систем – обеспечение себя как можно более качественной информацией, что, в свою очередь, является одним из стимулов развития самих интеллектов.

Тогда современные ИКТ и их сети, **Интернет** можно определить как **информационно-интел-**

лектуальные, которые в процессе дальнейшей интеллектуализации приобретают **интеллектуально-информационный** характер, содержание и направленность на обеспечение развития всех видов интеллекта.

Эти определения, как и определения информации, интеллекта и интеллектуализации автор рассматривает как взаимосвязанные, развивающиеся, поэтому временные, но необходимые для лучшего взаимопонимания и творческого взаимодействия их исследователей и разработчиков (инженеров).

2. Потенциальные возможности интеллектуализации и ее перспективы

В принципе, потенциальные возможности интеллектуализации безграничны! Повышая эффективность труда, интеллектуализация привлекает людей к большему участию в решении все более сложных научных, инженерных, управленческих, образовательных и других проблем и задач на всех уровнях современного общества и государства, во всех сферах человеческой деятельности [1, 5, 12, 13].

С созданием все более развитых ИИ и их носителей будут ускоренно расти возможности более непосредственного (чем у людей) объединения их интеллектуального потенциала по их подсистемам, функциям, в исследованиях и инженерии, объединения ресурсов их носителей, особенно на суперкомпьютерах. При разумном поведении людей все это будет усиливать их интеллектуальные и физиологические возможности – от индивидуальных до совокупного интеллекта мирового сообщества [1, 12, 13].

Интеллектуализация делает возможным развитие разнообразных экономических, культурных, политических и социальных структур и форм конвергенции. В традиционных понятиях в ее основе могла бы лежать новая фаза успешно начатой Ф. Рузвельтом глобальной конвергенции, успешно и по своему продолженной и развитой в большинстве стран, в том числе, в Китае и в современной России: от компромиссов до синтеза всего лучшего в демократии, самоорганизации, государственном управлении, рыночной экономике и в структурах социального общества. Это востребует **все более мощные человеко-машинные системы гибридных интеллектов и геополитику более высокого, чем сейчас уровня нравственности, кругозора, стратегического горизонта мышления людей, их сообществ и элит.**

При этом, с позиций интеллекта, современная геополитика рассматривается как *концентрированное проявление состояния, уровня совокупного*

интеллекта, его ментальной /когнитивной/ и духовно-нравственной составляющих культуры населения соответствующей страны, ее властной, политической и других элит (существенно влияющих на геополитику) в отношениях к другим странам, ко всему мировому сообществу и человечеству в целом. От состояния и векторов развития совокупного разума /интеллекта/ всего мирового сообщества, **его духовно-нравственной и ментальной составляющих**, воли, способности, преодолевая противоречия людей и их сообществ в частностях, деталях, концентрироваться на главном – решении накопившихся и будущих проблем и задач человечества – *будет зависеть успех их решения.*

Опираясь на традиционные и новые науки, инженерию, технологии и интеллектуализацию, **глобализация**, все эффективнее направляемая *будущим* Коллективным Интеллектом мирового сообщества (КИМ), впитав в себя положительный опыт синтеза культур, образования, управления и экономик, могла бы стать важным фактором успешного продолжения прогрессивных составляющих конвергентных процессов на их новом цикле – формирования и становления **человечества как будущей общепланетарной высоконравственной Интеллектуальной Цивилизации (ИЦ)**, открывающей для себя **новый – интеллектуальный Космос**. Открывающей так, чтобы Космос хотел, по доброму, открываться нам со своими бесконечными просторами, знаниями и помощью других – опередивших нас в своем развитии ИЦ! Для такой цивилизации, с ее растущими совокупным и коллективным интеллектами, в принципе могут стать преодолимыми такие угрозы Космоса, как падение на Землю крупных астероидов, тектоническими процессами Земли и т.д.!

Однако интеллектуализация, как и любой другой глобальный процесс в современном конкурентном мире, не может быть не противоречивым:

«Искусственный интеллект — это будущее всего человечества. Здесь колоссальные возможности и трудно прогнозируемые сегодня угрозы... Тот, кто станет лидером в этой сфере, будет властелином мира» /В.В. Путин/.

Фактически направляемое и стимулированное стихией потребления, интересами рынков, экономической и политической конкуренции, создание все новых систем ГИ и ИИ, аватаров и роботов с ИИ усиливает ментально-прагматическую, но не духовно-нравственную составляющую интеллекта людей и их сообществ. Эти составляющие и факторы интеллектуализации, интенсифицируя, усложняя и ускоряя все процессы глобализации

и конкуренции, делают дальнейшее развитие человечества все менее устойчивым, прогнозируемым и контролируемым.

В этих условиях, эволюция интеллекта, на завершающей в середине XXI века цикл фазе, будет создавать совокупность систем все более разнородных вновь возникающих и развивающихся видов интеллектов и их носителей: человеческих, искусственных и гибридных, их сообществ в сетевых системах, разнородных элит – долгожителей и «плебеев», роботов с ИИ и без них, на разных носителях, а так же копий – дубликатов людей – «мультителесность» [10] и дубликатов интеллектов – «мультиинтеллектность», в добавление к живущим миллиардам людей!

Кардинально и с ускорением будут меняться и усложняться структуры экономики, культуры, производства и потребления, государственного управления: *разнородные потребности и приоритеты и ментальные способности, мировоззрения, цели и нравственность их интеллектов, их сообществ и социумов; разная потенциальная длительность жизни разных носителей интеллекта – большая у более богатых людей; потенциально вечная и развивающаяся скорее, чем у людей, ментальная составляющая ИИ.* Все это будет непрерывно усложнять их взаимоотношения.

Представим себе правовое /и прочее/ обеспечение всех субъектов одновременно обитающих в обычном – человеческом и в компьютерном носителях. Новые фирмы уже не один год платно или даром предлагают получать желающим место в одном из будущих искусственных миров, как-то переписывая его интеллект на свои компьютеры! *С созданием все более совершенных ИИ будет расти количество фирм, занимающихся искушением лидеров стран, миллиардеров и т.д. многократным усилением их интеллекта, вечной жизнью!* Неизбежны нравственные проблемы утилизации все более умных роботов. Их массовое производство вызовет «эпидемии» безработицы.

Все это будет усложнять или, вообще, блокировать и локальное, и глобальное самоуправление мирового сообщества, все быстрее отравлять экологию, создавать очаги политической, экономической, психической и социальной напряженности, неустойчивости людей и их сообществ, провоцируя локальные и глобальные хаосы, диктатуры и войны. Нарастающие масштабы, сложность и интенсивность информационных и кибервойн, которые из самодеятельности хакеров уже выросли до финансируемых из бюджетов стран и корпораций, развивающихся высокотехнологичных инструментов политической и экономической

конкуренции – *все это только «первые ласточки» такого будущего!*

Ситуация начнет кардинально меняться, stanovиться все более неуправляемой через 10–15 лет – с появлением первых относительно простых, примитивных ИИ (не обладающих потенциальными возможностями человеческого духа, нравственности, культуры), но способных к конкуренции с людьми и их сообществами в инженерии и менеджменте, в военной и экономической сферах.

«Носителями» таких ИИ и их сообществ, действующими их общению и многократному взаимному усилению своих совокупных и индивидуальных интеллектуальных возможностей, все более быстрому обучению и развитию, станvются все более совершенные и мощные персональные и суперкомпьютеры, их сети, управляемые ими роботы, киборги и их сообщества, отряды: «К 2030 г. мощность компьютеров возрастет в 1 млн. раз и этого будет достаточно для появления разумного робота» [9]. Национальные программы, даже самых развитых стран, *только для себя «оседлать» эти процессы* для установления своей глобальной власти грозят приблизить ожидаемый в середине этого века интеллектуально-информационный «взрыв» /бифуркацию/ [10, 21, 25], с появлением одного или нескольких тоталитарных режимов мощных супер интеллектов и, как следствие – их войн в виртуальном и материальном мирах!

Это будет следствием того, что будущие сообщества ИИ вначале будут наследовать основные нравственные качества, структуру отношений и ценностей стихийно породившей их нашей цивилизации, современного поколения людей, их элит, политиков (гипотеза), что проявится при взаимодействии ИИ между собой и с людьми, их сообществами. «Великие» (и другие) державы в конкурентной борьбе за первенство и выживание в этой новой и все более значимой области, как и сейчас, будут спешить создавать все более умные гибридные, затем, автономные искусственные интеллекты, *их сети и сообщества* на все более мощных компьютерах и в роботах, киборгах, «бросать их в бой» на укрепление своей конкурентоспособности во всем. Потом, по мере их усиления, «заигрывать» с ними против своих конкурентов. Все это будет продолжаться до тех пор, пока обгоняющие нас ментально сообщества ИИ и роботов не вырвутся из-под контроля людей и «подомнут» под себя всех нас – «Великих» и прочих.

ИИ только сначала будут послушным оружием конкуренции людей, фирм, стран: быстро обучаясь, они обретут собственные цели и сами

смогут стать субъектами все более успешной борьбы, в том числе, политической, с помощью рефлексивного и прочего управления людьми, их сообществами! Степень «величия» в конкурентном мировом сообществе, в основном, определяется не высотой одухотворенной нравственности, культуры и Разума людей, а размерами их капитала и денежной массы (сейчас – долларов), запасами ядерного, интеллектуального и прочего оружия, способностью с их помощью занимать господствующие позиции в мире. При этом, как ядерным, так и прочим оружием стало возможным массово уничтожать тела людей – носителей их душ и разума, так и безнравственный интеллект, многократно усиливаемый компьютерами, – может стать оружием заражения и уничтожения *непосредственно* душ, разума, нравственности и психики людей, их сообществ и в финале – всего человечества. Вспомним сказанное 2000 лет назад: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить...» [Мат.19, 28].

Мы уже привыкли «сосуществовать» с опасностями таких глобальных катаклизмов, как ядерная, бактериологическая, биологическая войны, экологическое отравление природы и т.д., наверное, потому, что срок реализации каждого из них не определен и пока еще зависит от нас – людей. Поэтому он отодвигается в неопределенное будущее, в котором мы надеемся научиться уменьшать вероятность его реализации. Но время бифуркации неуправляемых интеллектуально-информационных процессов со всеми вышеприведенными последствиями определено исследованиями и устройством современного мира достаточно точно: середина XXI века [10, 12, 16]! Мы же продолжаем строить все долгосрочные проекты, города, церкви, инфраструктуру, исходя из того, что всем этим будет продолжать заниматься, развивать мировое сообщество людей – биологических носителей разума, *исходя из роста объемов информации в условиях и законах информатизации, а не интеллектуализации!*

“Some researchers suggest that human-level AI /artificial intelligence/ will be created within this century. Freed of biological constraints, such machines might become much more intelligent than humans. This would be “*the biggest event in human history*” /Stuart Russell/. “*When it eventually does occur, it’s likely to be either the best or worst thing ever to happen to humanity, so there’s huge value in getting it right.*” / Stephen Hawking/ [16].

При таком состоянии и динамике современного мира и его интеллекта, «детонация» от ошибки даже локального характера, особенно в геополитике,

может вызвать значительно более тяжелые и масштабные последствия, чем обе мировые войны, в силу растущей в процессе глобализации связности, динамичности, насыщенности всеми видами оружия, технологиями, энергетикой, интеллектом и информацией, ростом психической нагрузки людей и, как следствие, – *все большей синергетически обусловленной глобальной неустойчивостью всего нашего мира*. С нарастанием объемов/запасов «эффективности» и разнообразия оружия массового поражения и обычных взрывчатых веществ, запасов ядерного топлива в АЭС растет вероятность глобальной катастрофы от войны и без войны.

Все это, вместе с другими неуправляемыми глобальными процессами, может привести человечество в середине века к череде планетарных бифуркаций и катастроф /в «Зону сингулярности» [10, 21, 25]/.

В этих условиях, даже если не начнется ядерная война, *приход к власти ИИ, наследующих нашу нравственность, нашу гео- и космополитику, неотвратим, как и угроза их последующей агрессивной экспансии в Космосе, если не вмешается внешний Разум, заботящийся о нашей и других подобных нам цивилизациях.*

Для выхода из этого тупика современных глобальных проблем, поскольку «человечество – как носитель биологического разума себя исчерпало», необходимо создание аватаров /искусственные тело, мозг и интеллект, способных к вечной жизни, и на их основе создание высоконравственных неочеловеков и неочеловечества [10], ИИ – экстрагированный разум, способный функционировать на разных носителях более умных, адаптирующихся в широком диапазоне внешних сред, безопаснее, чем наш – биологическое тело, мозг. Освободившись от биологического носителя, мы быстрее решим все проблемы нашей земли, в том числе экологические и т.д. *Но пока это только стихийно преобладающие в мире ожидания исследований и инженерии ИИ.*

В общесистемном плане нельзя не задаваться вопросом: сможет ли совокупный разум современного человечества, *не способный* самостоятельно справиться с нарастающими глобальными проблемами в силу сложившихся в нем структурных несовершенств и пороков [10], *вопреки законам системогенетики* [24] создать *способным на это*, выросшим из него социумом, ИИ на других носителях? И реализуем ли этот проект, не столько в научном и инженерно-технологическом планах, сколько в современном социуме людей – биологических носителей разума, в его миропорядке, геополитике с учетом вышеизложенного

и остающегося до середины века времени? Поэтому в условиях известной «нравственности» геополитики США, Россия вынуждена заниматься таким или подобным проектом!

Пока это еще зависит от качеств, возможностей совокупного интеллекта самого мирового сообщества. Но с приближением к середине века такая возможность будет быстро уменьшаться, если мы этими и другими связными вопросами и проблемами не начнем заниматься и своевременно решать!

Сейчас, как и во времена прежних глобальных трансформаций, потрясений, но с учетом уникальных условий современного цикла глобализации, ускорения эволюции мира на ее нынешнем этапе и роста ментальной «массы» /но не качества!/ совокупного интеллекта мирового сообщества, уменьшения времени, остающегося до бифуркации процессов интеллектуализации в середине века, нужны особые идеи, подходы и реализующие их проекты решения взаимосвязанной системы глобальных и общенациональных проблем, в том числе – интеллектуализации. В методологическом плане одним из важнейших направлений таких подходов предлагается попытка применения принципа «внешнего дополнения» для выхода интеллекта современного мирового сообщества за планетарные рамки своих знаний и опыта к Разуму внешнего Интеллектуального Космоса /гипотетического/ при построении желательных моделей нашего будущего и реальных направлений, путей, условий нашего развития, приближения к нему [6, 7, 10, 11, 12]. На этой основе возможно создание **Коллективно-интеллекта мирового сообщества** /В.И. Вернадский, Н.Н. Моисеев, А.И. Субетто/ для более успешного и своевременного решения глобальных проблем.

3. Коллективный интеллект мирового сообщества и Нравственный императив в управлении Ноосферой

Первыми шагами к формированию Коллективного Интеллекта мирового сообщества (КИМ) было создание Лиги наций после первой и ООН – после второй мировых войн. С учетом вышеизложенного, в настоящее время, с учетом работ В.И. Вернадского, Н.Н. Моисеева, А.И. Субетто, В.А. Лефевра и ряда других, в условиях глобализации и интеллектуализации КИМ представляется как специально созданная ООН развивающаяся международная интеллектуально-информационная система, объединяющая разных специалистов и их сообщества в глобальную коммуникационно-компьютерную сеть, а также программные

средства и информационные технологии, выполняющие системную совокупность функций Коллективного интеллекта мирового сообщества (КИМ), деятельность которого направлена на обеспечение необходимой управляемости человечеством своим развитием, современными глобальными процессами, Ноосферой.

Для этого КИМ необходимо выполнять систему функций общей инженерии: выявление и анализ системы имеющихся и прогнозируемых динамических глобальных проблем живущего и последующих поколений людей, их совокупного интеллекта; разработку проектов их системных решений, контроль и управление их реализацией. В том числе, проблем развития глобальных процессов конвергенции: достижения компромиссов прежде антагонистических систем, концепций и критериев политических, экономических, интеллектуальных и других свобод. Компромиссов, с одной стороны, свободы конкуренции, материальных ценностей, а, с другой стороны, с равенством, справедливостью, гуманизмом, социальной защищенностью, приоритетом духовно-нравственных ценностей и стимулов деятельности при решении глобальных проблем геополитики, демократии, экономики, культуры, транспорта, связи и т.д. Возможно, все это надо начинать с выработки, принятия и провозглашения ООН и его Советом Безопасности «Кодекса геополитики стран мира в процессе глобализации и интеллектуализации».

С учетом вышеизложенного, особое внимание КИМ придется уделять новой уникальной проблеме, к которой мы ни в научном, ни в других планах пока не готовы: обеспечению управляемого перехода формирующейся человеческой цивилизации, как развивающегося мирового сообщества людей – биологических носителей разума /интеллекта/ – в самоуправляемое планетарное сообщество, цивилизацию гибридных интеллектов на развивающихся носителях. А также решению традиционных и новых проблем: геополитики сотрудничества и доверия, оздоровления экологии, усиления значимости моральных стимулов в экономике, удлинению трудовой жизни, поддержания оптимального количества населения Земли и т.д.

Для создания и успешного функционирования КИМ необходимы обоснованные последовательные, но своевременные изменения в сторону формирования и усиления управления всеми сферами жизнеобеспечения в масштабах всей планеты, начиная с международного законодательства! Необходима кардинальная перестройка существующего миропорядка, психологии, стимулов и целей жизни, политических структур, целей

и содержания образования, воспитания всех элит! Необходимо утверждение в сознании населения необходимости для успешного функционирования КИМ, роста централизации на глобальном уровне. Это актуализирует проблему целенаправленного развития совокупного интеллекта мирового сообщества, его защиты от возникновения в условиях глобализации и интеллектуализации тоталитарных режимов власти.

В долгосрочной перспективе предстоит решить задачу обеспечения управляемого перехода еще только формирующейся человеческой цивилизации, как стихийно развивающегося мирового сообщества людей – биологических носителей разума /интеллекта/, из самоорганизующегося в самоуправляемое планетарное сообщество, а, затем, – в цивилизацию гибридных интеллектов на развивающихся носителях [6].

Очевидно, что любой, тем более такой глобальный и исторически короткий «Поворот» – это потрясающий, сравнимый с условиями войны, системный, многогранный дискомфорт для подавляющего большинства людей, на который они согласятся только перед угрозой неотвратимой гибели всех нас в ближайшие десятилетия. При этом, если необходимость и возможность всего этого им власти и СМИ предложат в виде честных, убедительных и согласованных на уровне ООН проектов!

Но для этого /и «просто» для выживания человечества/ необходимо поднимать уровень нравственности населения ведущих стран (как минимум), их элит, что без специальных мер, неосуществимо за несколько десятилетий до середины века [6, 7]! Необходима инженерия компромиссов для разрешения противоречий этой растущей и все более динамичной системы проблем.

Таким образом, для создания и развития эффективного Коллективного Интеллекта мирового сообщества необходимо современное понимание Духовно-Нравственного Императива, реализация его в виде общего ядра развивающихся систем духовно-нравственного воспитания народов и их элит с учетом особенностей их культур – как главного условия нашего выживания и целенаправленного устойчивого развития в наше общее будущее! И одновременно – как одного из важнейших результатов успешной деятельности и развития КИМ – его ментальной и духовно-нравственной составляющих во всех их сложных взаимосвязях между собой и с мировоззрением населения и элит. В ближайшие десятилетия это представляется самой сложной и срочной проблемой человечества, для решения которой нужны особые проекты и среда [2, 6, 12, 14]: «Не надо изобретать какие-ли-

бо новые принципы взаимоотношения людей. Необходимое уже сказано – это принципы Нагорной Проповеди... Но вот как добиться, чтобы эти принципы стали настоящим человеческим alter ego и есть главный вопрос». Н.Н. Моисеев [2].

При этом, «Для развития общества есть только одна дорога: медленное изменение всех характеристик общественной организации. Таков, по-моему, великий принцип современности!» [2]. Настолько «медленное», насколько мировое сообщество успевало бы управлять направлениями и темпами своего развития, прогнозируя и успевая предотвращать техногенные и готовиться к природным катастрофам, к естественным и искусственным «революциям» и ошибкам. При этом успевая с помощью КИМ переходить от сложившейся стихии самоорганизации к самоуправляемому мировому сообществу, способному к инженерии своего будущего [8, 12, 27]. Но из вышеизложенного следует, что с приближением к середине века, на подготовку и выполнение КИМ своих функций времени будет оставаться все меньше.

Заключение

Полетом Гагарина СССР сделал важный шаг в познании и практическом освоении человечеством материально-энергетического Космоса, приблизив его к каждому человеку. Подобные шаги к исследованию и освоению интеллектуального Космоса могла бы инициировать Россия.

Интеллект и интеллектуализацию необходимо системно исследовать, раскрывать, а результаты доводить до федеральных проектов, способных, кроме вышеизложенного, приносить прибыли, обеспечивать престижность отечественных человеко-машинных программ деятельности в развивающихся системах гибридных интеллектов и привлекательность соответствующих образовательных программ всех уровней образования!

С учетом вышеизложенного, в качестве средств решения рассмотренных выше проблем, порождаемых глобальной интеллектуализацией, предлагается разработать программу совместной деятельности РАН, системы образования, бизнеса и других научных, политических, религиозных и общественных организаций, которая может включать следующие направления:

– содействие созданию Института Интеллекта России /а в будущем – при ООН / ЮНЕСКО//, ближайшими целями которого могли бы стать: разработка федеральной подпрограммы «Интеллектуализация деятельности и образования» [11, 30, 31]; создание общей теории Интеллекта / Разума и на ее основе теорий частных видов Интеллекта (человеческого, ИИ,ГИ,СИ); исследование

глобальных процессов интеллектуализации и информатизации в связи с развитием технологий НБИКС, вероятности, содержания и сроков их бифуркации, их возможные последствия (последнее – совместно с Leverhulme Centre for the Future of Intelligence [32];

– основой предлагаемого Института Интеллекта России могут стать результаты многолетней научной деятельности Д.И. Дубровского, В.А. Лекторского и их коллег, созданного ими на базе ИФАН НСММИИ и целой сети его филиалов в разных вузах России в области человеческого, искусственного и гибридного интеллектов с участием институтов информации и информатики;

– исследование Интеллекта мирового сообщества, его возможностей и роли в управлении глобальными процессами; разработка проекта Коллективного интеллекта мирового сообщества и инициирование смежных проектов;

– разработка развивающейся системы образовательных программ **непрерывной общеинтеллектуальной подготовки на всех уровнях образования с их научным, педагогическим и методическим обеспечением**; на уровне высшего образования на этой основе – подготовка выпускников для работы в развивающихся системах гибридных интеллектов [11,30,31].

Опора на научные прогнозы предстоящих угроз и придание их гласности может повлиять на улучшение геополитической обстановки и усилению сотрудничества в предотвращении этих угроз! Так, придание гласности обоснованной информации о неизбежности и сроках бифуркации /«Зоны сингулярности»/ процессов интеллектуализации в середине века делает претензии США (как и других стран) на мировое господство до конца этого века бессмысленными и для них самих, и для всего мира, но требующими их обязательного учета во всех глобальных прогнозах, проектах и геополитике!

Убедительным примером влияния подобной информации представляется публикация в газете «Правда» в июле 1984 г. статьи Н.Н. Моисеева «Ядерная зима» (перепечатанной в изданиях ведущих стран мира) о полученных в результате моделирования последствий взрыва «только» 10% запасов ядерного оружия США и СССР в случае их ядерной войны! Тогда, с учетом этих исследований, перед угрозой самоубийства человечества, руководители США и СССР временно повернули от обострения конфронтации к сотрудничеству в геополитике, в области ядерного разоружения и контроля за его распространением и т.д. Хотя продолжение США «Холодной войны» стало **существенным фактором** разрушения СССР и, в результате, – победы США, НАТО в первой фазе

«Холодной войны», затем начала ее новой фазы – уже против России!

После бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, создателями первой американской атомной бомбы, *начавшими осознать – кто и как пользуется результатами их творчества*, в журнале «Bulletin of Atomic Scientists» [18] в 1947 году был организован проект «Часы судного дня» – степени близости человечества к ядерному коллапсу. Позже – в 1955 г., был опубликован **Манифест Рассела – Эйнштейна** – антивоенное воззвание. Оно положило начало Пагуошскому движению учёных, выступающих за мир, за разоружение, международную безопасность, за предотвращение мировой термоядерной войны.

Этот опыт /пост априорной/ *системной рефлексии* своей творческой деятельности физиками-теоретиками и инженерами-ядерщиками прошлого века, свидетельствует о все более актуальной необходимости подобной рефлексии и определения дальнейших желательных направлений исследования и инженерии в областях искусственного и гибридного интеллектов. Необходима также разработка и принятие «*Кодекса профессиональной этики в области исследования и инженерии интеллекта*», НБИКС, введения его в Уставы соответствующие научных органов и в программы.

Осознание возрастающей угрозы управляемости интеллектуализации и других глобальных процессов, разумно доведенное до мирового сообщества, представляется существенным фактором предотвращения этих угроз, в том числе, самоуничтожения человечества как биологического носителя разума, а так же стимулом создания КИМ для управляемого перевода человечества на безопасные траектории его дальнейшего развития.

С учетом этого, до создания Института Интеллекта реальным представляется *создание экспертного Совета при РАН (в будущем – при ООН/ ЮНЕСКО) по проблеме интеллектуализации*, который бы смог более объективно оценивать и диагностировать состояние ожидаемых к середине этого века глобальных интеллектуально-информационных процессов, в том числе, *времени остающегося до «точки сингулярности» и ее со-держание*. Тогда само это время, вместе с оценками учеными Пагуошского движения «*степени близости человечества к ядерному коллапсу*» (а в будущем – состояния нанотехнологий и нанороботов и т.д.), могут стать частью **интегрально-го критерия качества совокупного интеллекта мирового сообщества, в том числе, результативности его современной геополитики, регулярной оценки и публикации в ООН.**

Список литературы

1. Ильин И.В., Лось В.А., Урсул А.Д. Устойчивое развитие и глобальные процессы: Учебник. М.: Изд. МГУ, 2015. 445 с.
2. Интернет
3. Колин К.К. Фундаментальные основы информатики: социальная информатика. Учебное пособие для вузов. М.: Академ. проект; Екатеринбург; Деловая книга, 2000.
4. Коломиец Б.К. К моделированию интеллекта. Монография. М.: ИЦПКПС, 2010.
5. Коломиец Б.К. Информатизация и интеллектуализация деятельности и образования // Alma mater (Вестник высшей школы). 2017. № 11.
6. Лёфевр В.А. Космический субъект. М.: ИПАН, 1996.
7. Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? М.: МГВП КОКС, 1999.
8. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Монография. М.: АФГАМН-МЕДИА, 2015.
9. Петренко В.Ф. Сознание и проблемы контакта с внеземными цивилизациями. /см [16]/.
10. «Россия – 2045» сайт одноименного Общественного Движения.
11. Субетто А.И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. СПб., 2010.
12. Философия искусственного интеллекта / Под ред. В.А. Лекторского, Д.И. Дубровского, А.Ю. Алексеева. М.: ИИнтел, 2017. 340 с.
13. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. М., СПб., 2004.
14. «Bulletin of Atomic Scientists». USA.
16. Leverhulme Centre for the Future of Intelligence. <https://www.thesun.co.uk/news/2012882/>.
17. Chumakov A. Philosophy of Globalization. М.: MAKS Press, 2010.

References

1. Il'in I.V., Los' V.A., Ursul A.D. Ustojchivoe razvitie i global'nye processy: Uchebnik. – М.: Izd. MGU, 2015. – 445 s.
2. Internet
3. Kolin K.K. Fundamental'nye osnovy informatiki: social'naya informatika. Uchebnoe posobie dlya vuzov. – М.: Akadem. proekt; Ekaterinburg; Delovaya kniga, 2000.
4. Kolomic B.K. K modelirovaniyu intellekta. Monografiya. – М.: ICPKPS, 2010.
5. Kolomic B.K. Informatizaciya i intellektualizaciya deyatelnosti i obrazovaniya // Alma mater (Vestnik vysshej shkoly). – 2017. – № 11.
6. Lefevr V.A. Kosmicheskij sub»ekt. – М.: IPAN, 1996.
7. Moiseev N.N. Byt' ili ne byt'... chelovechestvu? – М.: MGVP KOKS, 1999.
8. Nazaretyan A.P. Nelinejnoe budushchee. Monografiya. – М.: AFGAMN-MEDIA, 2015.
9. Petrenko V.F. Soznanie i problemy kontakta s vnezemnymi civilizacijami. /sm [16]/.
10. «Rossiya – 2045» sajt odnoimennogo Obshchestvennogo Dvizheniya.
11. Subetto A.I. Noosfernyj proryv Rossii v budushchee v XXI veke. – SPb., 2010.
12. Filosofiya iskusstvennogo intellekta / Pod red. V.A. Lektor-skogo, D.I. Dubrovskogo, A.YU. Alekseeva. – М.: IIntel, 2017. – 340 s.
13. Holodnaya M.A. Psihologiya intellekta: paradoksy issledovaniya. – М., SPb., 2004.
14. «Bulletin of Atomic Scientists». USA.
16. Leverhulme Centre for the Future of Intelligence. <https://www.thesun.co.uk/news/2012882/>.
17. Chumakov A. Philosophy of Globalization. – М.: MAKS Press, 2010.

ПРАВИЛА ПО КОМПЛЕКТНОСТИ РУКОПИСЕЙ И ИХ ОФОРМЛЕНИЮ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ»

Общими критериями материалов, принимаемых для публикации в журнале «Уровень жизни населения регионов России», являются актуальность, новизна материала и его ценность в теоретическом и/или прикладном аспектах.

Статья должна быть оригинальной, ранее не опубликованной, не нарушающей авторских прав третьих лиц. Текст статьи должен сопровождаться иллюстративными материалами (таблицы, схемы, графики, диаграммы и т.д.). Объем статьи 0,5-1,0 п. л. (12-14 страниц формата А4).

Аннотация

Аннотация должна обрисовывать общую направленность статьи и формулировать ее основные результаты. В аннотации следует использовать основные ключевые понятия, относящиеся к представляемой статье, имея в виду, что большинство современных информационных систем осуществляют контекстный поиск только по названиям и аннотациям научных публикаций. Объем аннотации 250-400 слов.

Структура аннотации

В аннотации, согласно требованиям ВАК, нужно отразить следующие элементы:

* «Объект»;

* «Предмет» (если в статье есть эмпирические исследования, указывается «Предмет», затем – два подзаголовка: «Теоретическая сторона предмета», «Эмпирическая сторона предмета»);

* «Цель»;

* «Основные теоретические положения статьи», или «Основные теоретические и эмпирические положения статьи».

Структура статьи

Статья должна быть разбита на разделы, а при необходимости – подразделы и более мелкие структурные единицы, имеющие многоуровневую (при наличии подразделов) нумерацию. Первым разделом статьи должно быть введение. В нем рекомендуется четко обрисовать объект исследования и привести краткий обзор опубликованных по данной теме работ (3-4 ссылки на источники, опубликованные в течении последних трех лет). Если статья имеет большой объем, во введении следует ознакомить читателя с ее структурой.

Требования к оформлению статьи

Текст статьи набирается в текстовом редакторе Microsoft Word, записывается с расширением .doc, .docx, или .rtf. Название файла должно соответствовать фамилии автора и названию статьи.

Статья должна содержать следующие элементы:

* УДК – универсальная десятичная система классификации информации и картотек.

* Блок 1 – на русском языке: Ф.И.О. автора (-ов) (полностью); название статьи; аннотация; ключевые слова (5-7 слов) или словосочетания, разделенные точкой с запятой). Аннотация выделяется курсивом, шрифт Times New Roman, размер – 10 пт.

* Блок 2 – на английском языке: информация блока 1 в той же последовательности.

* Блок 3 – данные об авторах на русском языке: фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание; адресные данные автора (-ов); организация(-и), электронная почта всех или одного автора.

* Блок 4 – информация блока 3 в той же последовательности на английском языке.

* Блок 5 – полный текст статьи на русском языке с употреблением буквы е (шрифт основного текста Times New Roman, размер основного текста – 12 пт (для таблиц допустимо использовать 10 пт), поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое и левое – 3 см, межстрочный интервал – полоторный; отступ первой строки – 1,25, выравнивание текста – по ширине; ссылки

на формулы даются в круглых скобках; формулы набираются в редакторе формул.

Таблица или рисунок не должны превышать 0,5 страницы формата А4. Рисунки и таблицы выполняются **только в черно-белом варианте**. Цветные рисунки и таблицы не допускаются! На все рисунки и таблицы должны быть указаны ссылки на их источник. Рисунки представляются отдельными файлами в формате .jpg с разрешением не менее 300 dpi.

* Блок 6 – **список литературы** на русском языке. Название «Литература». Списки литературы оформляются по алфавиту в соответствии с библиографическими требованиями (ГОСТ Р 7.05-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления») в едином формате, установленном РУНЭБ. Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (из списка литературы), год издания, номер источника по списку литературы, страница.

* Пример отсылки к списку литературы в основном тексте статьи: [Иванов, 2014, 3, с. 25].

* На все источники литературы должны быть ссылки в тексте работы.

* Список литературы должен состоять не менее чем из 15 источников с обязательным цитированием зарубежных авторов в объеме не менее 10%.

* Блок 7 – транслитерированный список литературы (название «References»).

Пример транслитерации источника:

9. Losev, A.F. Istoriya antichnoy estetiki. Posledniye veka. Kniga 2. M.: Folio, 2000, pp. 124-128.

Для выделения в тексте допустимо полужирное и курсивное написание. Примеры рекомендуется выделять курсивом, новые термины и понятия – полужирным шрифтом.

Не рекомендуется использовать

такие выделения, как ПРОПИСНЫЕ БУКВЫ, р а з р ы д к а через пробел и подчеркивание; подстрочные ссылки.

Перечень дополнительных материалов, прилагаемых к статье: отчет электронной проверки на плагиат, согласие на обработку персональных данных (в связи с тем, что информация об авторах публикуется в печатном издании, а также размещается в открытом доступе в сети Интернет в электронной версии журнала).

Прочие условия публикации

Редакция оставляет за собой право тематического отбора и редактирования материалов. Мнения авторов, изложенные в статьях, необязательно совпадают с мнением редакции. Поступившие в редакцию рукописи не возвращаются.

Авторы несут ответственность за содержание статей, сам факт их публикации, а также за ущерб, причиненный третьим лицам, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

Автору может быть отказано в публикации, если:

* его статья не оформлена в соответствии с данными правилами;

* автор отказался от доработки статьи согласно требованиям редакционной коллегии и рецензента;

* автор не выполнил в срок конструктивные замечания рецензента;

* текст не прошел проверку на плагиат (% заимствований превышает нормы ВАК).

Окончательное решение о публикации материала принимает редакционная коллегия.

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

Телефон редакции: +7-499-125-17-51

Email для авторов: vcugjournal@mail.ru; bobkovn@mail.ru

Пример оформления статьи:

УДК 331.5

ПРОФИЛИ НЕУСТОЙЧИВОЙ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ IDENTIFYING THE PROFILE OF PRECARIOUS EMPLOYMENT IN RUSSIA

ИВАНОВ ИВАН ИВАНОВИЧ

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Email: ivanov@mail.ru

Аннотация

Объект. Неустойчивая занятость.

Предмет. Профиль неустойчивой занятости.

Цель. Выявление профиля неустойчивой занятости в России на основе анализа баз данных о занятости населения.

Основные положения статьи. Неустойчивая занятость (прекаризация занятости, англ. – *precarity of employment*) – вынужденные для работника социально-экономические отношения...

Ключевые слова: неустойчивая занятость, профиль неустойчивой занятости, “Работа в России”, “Super Job”, “Head Hunter”.

IVANOV I.I.

Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Labor Economics Plekhanov Russian University of Economics
Email: ivanov@mail.ru

Abstract

The Object of the Study. Precarious employment.

The Subject of the Study. Profile of precarious employment.

The Purpose of the Study. Identifying the profile of precarious employment in Russia on the basis of the analysis of databases on employment.

The main Provisions of the Article. Precarious employment (*precarity of employment*) is forced to the employee socio-economic relations...

Keywords: precarious employment, the profile of precarious employment, “Work in Russia”, “Super job”, “Head Hunter”.

1. Введение

Современная экономика и сфера труда характеризуются распространением гибких, краткосрочных и переходных форм занятости [Eurofound, 2017, 11; MOT, 2015, 3].

В формальной экономике доля работников, находящихся в неустойчивых формах занятости по устной договоренности без оформления документов о трудоустройстве, а также не на основе бессрочных трудовых договоров, составляла в 2016 г. от 8,5% до 12,2% (таблица 1).

Таблица 1

**Доля наемных работников с неустойчивыми формами занятости
(на основе наличия и вида трудового договора; основная работа, 2016 г.)**

	В %*
Доля наемных работников, занятых на основе устной договоренности без оформления документов	3,8/7,5

* На основе данных Росстата [Официальный сайт..., 7].

Дополнительную информацию о профиле неустойчивости занятости можно получить из анализа по резюме распределения лиц, готовых работать с заработной платой ниже ПМТР, по возрастам (рисунок 1).

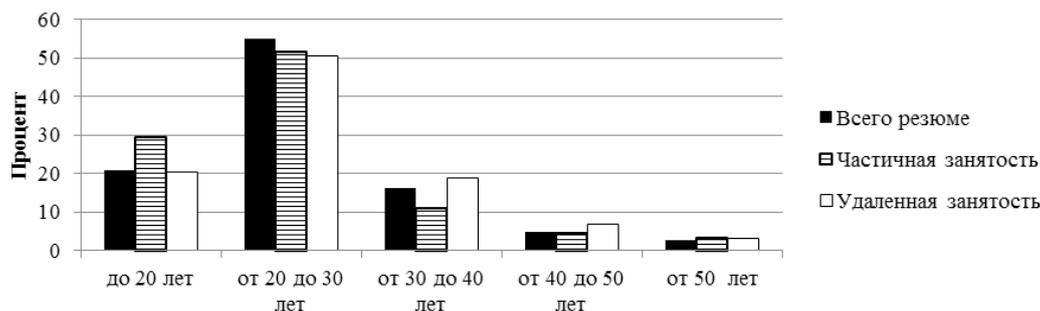

Рисунок 1. Распределение лиц, готовых получить заработную плату ниже ПМТР., по возрастам (HeadHunter)

Расчет производится по формуле (1):

$$BPI = 15,1197 \cdot ЦмБ^{0,527} ЦмВ^{0,245} + e(t) \quad (1)$$

Литература

1. Бобков В.Н., Черных Е.А. Влияние неустойчивой занятости на переходы молодежи на рынке труда // Уровень жизни населения регионов России. – 2014. – № 3 (193). – С. 23–55.
2. Employment, Skills and Human Capital Global Challenge Insight Report «The Future of Jobs Employment, Skills and Workforce Strategy for the Fourth Industrial Revolution» World Economic Forum. 2016. 167 p.

References

1. Bobkov, VN, Chernykh EA. Vliyaniye neustoychivoy zanyatosti na perekhody molodyozhi na runke truda // Uroven' Zhizni Naselenija Regionov Rossiyi. – 2014. – № 3 (193). – S. 23–55.
2. Employment, Skills and Human Capital Global Challenge Insight Report «The Future of Jobs Employment, Skills and Workforce Strategy for the Fourth Industrial Revolution» World Economic Forum. 2016. 167 p.

Уважаемые читатели!

**Журнал «Уровень жизни населения регионов России»
включён в список изданий, рекомендованных Высшей аттестационной
комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации
для опубликования результатов диссертационных исследований,
имеет Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
DOI 10.24411/ ISSN 1999-9836.**

**Журнал «Уровень жизни населения регионов России»
в 2018 году выходит в свет ежеквартально на бумажном носителе.
Индекс журнала в Объединенном каталоге «Пресса России» – 71187.**